

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В 1919–1945 гг.**

**СБОРНИК
ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ**

**МОСКВА
2014**

ББК 63.3(0)6
С 56

Серия
«История России»

**Центр социальных научно-информационных
исследований**

Отдел истории

Ответственный редактор –
канд. ист. наук *О.В. Бабенко*

С 56 **Советско-польские отношения в 1919–1945 гг.: Сб.
обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-
информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. Бабенко О.В. –
М., 2014. – 154 с. – (Сер.: История России).
ISBN 978-5-248-00748-6**

В обзорах и реферахах представлены исследования отечествен-
ных и польских историков, посвященные актуальным проблемам
отношений между Москвой и Варшавой от советско-польской войны
1919–1921 гг. до воссоздания в 1945 г. независимой Польши.

Для научных работников и преподавателей, студентов и аспи-
рантов гуманитарных специальностей.

ББК 63.3(0)6

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О.В. Бабенко. Историография советско-польских отношений</i>	
1919–1945 гг.: Некоторые аспекты и специфика. (Введение)	5
Советско-польская война 1919–1921 гг. (Сводный реферат)	19
Вышчельский Л. Варшава, 1920. (Реферат).....	31
Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С. Польский плен. Военно-	
служащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 гг.	
(Реферат)	39
Проблема обмена политическими заключенными между	
Польшей и Советским государством в межвоенный период	
в публикациях В. Матерского. (Сводный реферат)	45
Симонова Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша: Русские	
антисоветские формирования в Польше (1919–1925).	
(Реферат)	54
<i>О.В. Бабенко. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.:</i>	
От противостояния к сотрудничеству. (Реферат)	62
<i>О.В. Бабенко. Александр Скшиньский как проводник</i>	
восточной политики Польши 1920-х годов. (Реферативный	
обзор).....	67
СССР – Польша – Германия в 1920–1930-е годы: Проблемы	
существования. (Сводный реферат)	77
<i>О.В. Бабенко. Советско-польские отношения 1920–1930-х годов</i>	
в отечественной и польской историографии 2008–2012 гг.	
(Аналитический обзор)	94
<i>Влодаркевич В. Перед 17 сентября 1939 г.: Советская угроза</i>	
Польской Республике в оценках польских высших военных	
властей в 1921–1939 гг. (Реферат)	109
<i>О.В. Бабенко. События 17 сентября 1939 г. глазами россий-</i>	
ских и польских историков. (Аналитический обзор)	115

<i>Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.</i>	
Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. (Реферат)	124
Катынь: Борьба за истину. (Сводный реферат).....	132
<i>O.B. Бабенко. Советско-польские отношения в 1941–1945 гг.</i> (Аналитический обзор).....	145

О.В. Бабенко

ИСТОРИОГРАФИЯ

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1919–1945 гг.:

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ И СПЕЦИФИКА

(Введение)

Отечественная и польская историография советско-польских отношений 1919–1945 гг. насчитывает тысячи книг и статей. Следует отметить, что для многих опубликованных за последние десятилетия работ характерна чрезмерная идеологизированность, в ряде использованных монографий и статей немало вопросов освещено поверхностно, конъюнктурно.

В межвоенный период не было создано значительной историографии рассматриваемой проблемы, что объясняется отсутствием достаточно полной источниковой базы для проведения подобных исследований. Кроме того, большинство работ историков этого времени носило политический характер. Первые критические исследования появились после Второй мировой войны во многом благодаря открытию архивных фондов и постепенному изданию документов по истории советско-польских отношений, которое осуществлялось академическими учреждениями и министерствами обеих стран.

Советская и российская историография осветила основные проблемы, связанные с внешней политикой СССР в 1919–1945 гг., в том числе и некоторые вопросы, имеющие касательство к советско-польским отношениям рассматриваемого периода (5; 6; 13; 14; 29). В трудах советских историков Советскому Союзу отводилась роль борца с «буржуазной» Польшей и «старшего товарища» революционно настроенных поляков. Исследователи приписывали Советскому Союзу, игравшему формальную роль в международных делах, значительное воздействие на европейскую политику с момента его

признания Западом. Наиболее изученными являются проблемы, касающиеся советско-польской войны 1919–1920 гг., упоминаются, но практически не анализируются территориальные противоречия между СССР и Польшей, убийство П.Л. Войкова. Из событий международной жизни пристальное внимание уделяется плану Дауэса и конференции в Локарно, результаты которой, по мнению советских ученых, имели целью «застраховать западные державы от реваншистских устремлений Германии и направить их на Восток» (13, с. 223). Считалось, что локарнские соглашения и вступление Германии в Лигу Наций имели ярко выраженную антисоветскую направленность и стали предтечей фашистской агрессии.

Современные российские историки в должной степени анализируют внешнеполитическую концепцию советского правительства в 20-е годы, рассматривают идеологическую и прагматическую тенденции во внешней политике Москвы как два параллельно осуществляемых курса. В отдельных трудах анализируется деятельность Г.В. Чичерина на посту наркома иностранных дел СССР, его политика в отношении Польши, Германии, Великобритании и Франции (7; 11; 30; 32). Из интересующих нас сюжетов некоторое освещение получила поездка Г.В. Чичерина в Варшаву и Берлин в 1925 г., но ее причины, цели и итоги не были подвергнуты тщательному анализу.

Существуют также исследования по отдельным проблемам международной политики, связанные с вопросами советско-польских отношений. Некоторое освещение получили темы, связанные с попытками создания Балтийского союза (1; 28) и конференцией в Локарно (5; 31).

Особого внимания заслуживают работы по истории советско-польских отношений межвоенного периода. В 1928 г. была издана политизированная монография общего характера, написанная В.П. Друниным и посвященная российско-польским и советско-польским отношениям со Средневековья до майского государственного переворота в Польше 1926 г. (9). Другие исследователи сосредоточили свое внимание на выполнении статей Рижского договора (24; 76 и др.). При этом отношения Москвы и Варшавы рассматриваются фактически обособленно от международной ситуации в Европе, авторы не делают попытку определить место этих отношений в европейской политике и придают им слишком самостоятельное значение. Данные работы отличаются тенденциозностью и политизированностью. Так, например, П.Н. Ольшанский (24) субъективно оценивает действия советских представи-

телей, считая единственной виновницей затягивания нормализации советско-польских отношений Польшу, последовательно стоявшую на враждебных СССР позициях. Автор иногда не останавливается перед неподтвержденными источниками утверждениями, например, об англо-польских планах ослабления Советского Союза путем его расчленения. Более того, он полагает, что именно враждебное отношение Польши к Советскому Союзу явилось причиной возникновения спорных вопросов в двусторонних отношениях.

В 1977 г. вышла в свет основанная на солидной источниковой базе монография И.В. Михутиной «Советско-польские отношения, 1931–1935», в которой приводится и предыстория указанных отношений, отчасти прослеживается международный фон рассматриваемых событий (23). Автор так же, как и многие другие советские историки, полагает, что локарнские соглашения указали «восточное направление будущей германской экспансии...» (23, с. 19).

Отдельного рассмотрения заслуживают труды по истории Польши и ее внешней политике. В 1958 г. вышел в свет третий том «Истории Польши», подготовленный Институтом славяноведения АН СССР (15). В нем гиперболизировано значение советско-польских отношений как для обеих держав, так и для сохранения мира в Европе. Из международных событий, имевших архиважное значение для европейских стран, упоминается конференция в Локарно. Локарнские соглашения рассматриваются авторами как явление, открывшее двери германской агрессии на восток. Аналогичной позиции придерживается и К.Я. Почс, опубликовавший в 1987 г. статью о внешней политике Польши перед Локарнской конференцией (27). Тем не менее данные труды, несмотря на чрезмерную идеологизированность, сохраняют научную ценность благодаря наличию в них обширной фактической информации.

Вспомогательное значение имеют для нас работы, посвященные советско-германским отношениям. В 1974 г. выходит монография, а в начале 1990-х годов – статья А.А. Ахтамзяна о советско-германских контактах в межвоенный период, а также издаются неизвестные ранее документы о тайном военном сотрудничестве Москвы и Берлина с предисловием и комментариями Ю.Л. Дьякова и Т.С. Бушуевой (2; 3; 10). Рассмотренную выше литературу в определенной степени дополняют авторефераты отдельных кандидатских диссертаций, содержание которых имеет касательство к теме настоящего сборника (4 и др.).

Вышедшие в межвоенный период в Польше немногочисленные работы, касающиеся исследуемой проблематики, носили ме-

муарный или пропагандистский характер (80, с. 860). В качестве примера можно привести труды польского публициста Я. Гжималы-Грабовецкого, для которых характерна переоценка роли Польши в международной политике (48; 49; 50). Зато история советско-польских отношений 1920-х годов стала достаточно популярной среди польских историков в послевоенное время. Следует отметить, что в Польше серьезная и разносторонняя разработка данной проблематики началась с создания в 1960-х годах Института истории польско-советских отношений Польской академии наук. Институт выпускал научное периодическое издание «Из истории польско-советских отношений. Исследования и материалы», в котором публиковались тексты документов и статьи по различным аспектам польско-советских отношений. Польская историография исследуемой проблемы представлена также рядом монографий и публикаций, проблематика которых в той или иной степени касается внешней политики Польши и польско-советских отношений.

В трудах польских исследователей польско-советские отношения изучались с учетом политической конъюнктуры, исходя из марксистских позиций. Тем не менее некоторые из них отличаются большой фактологической ценностью, например монография представителя «критического направления» исторической науки ПНР В. Бальцерака «Внешняя политика Польши в период Локарно» (33), написанная на основе архивных материалов, разноязычной прессы и литературы. В отличие от других работ по внешней политике Польши, в труде Бальцерака наиболее тщательно анализируются польско-советские отношения середины 1920-х годов. Тем не менее автор, следуя за своими предшественниками, ошибочно повторяет, что локарнские соглашения не были выгодны Советскому Союзу и резко критикует польские власти за сопротивление «Восточному Локарно» и срыв системы коллективной безопасности.

В 1961 г. была опубликована статья польских историков З. Ландау и Е. Томашевского, посвященная польской политике в отношении Англии, Франции, США, Германии и СССР в 1924–1925 гг. (66). В ней уделяется некоторое внимание визиту советского наркома Г.В. Чичерина в Варшаву, но в недостаточной степени раскрывается суть переговоров наркома с польским министром А. Скшиньским. Авторы повторяют распространенное в исторической литературе заблуждение об угрозе СССР, исходящей от локарнских соглашений, и утверждают, что по этой причине соглашение с Польшей имело бы для Кремля большое значение. Этой же кон-

цепции придерживается автор статьи о польско-советских отношениях 1918–1945 гг. Т. Цесьляк (40).

Польский исследователь Я. Юркевич в статье «Некоторые проблемы польско-советских отношений межвоенного периода, 1918–1939» (51) справедливо отмечает, что в 1924–1925 гг. открылись новые возможности для взаимовыгодного сотрудничества Варшавы и Москвы, но в целом уделяет мало внимания данному периоду польско-советских отношений. Историк ошибочно полагает, что острие Локарно было направлено не только против Польши, но и против СССР, поэтому Рапалльский договор после Локарно, по его мнению, утратил свое значение.

С конца 1960-х годов на изучение проблематики исследования оказывало влияние «ревизионистское направление» в польской историографии, представители которого отстаивали положение о миролюбивой политике Польши 20-х годов. Они утверждали, что все действия польских верхов объяснялись одним только желанием обеспечить безопасность собственного государства, а не пред следованием каких-то личных целей в ущерб интересам соседей.

В 1970-е годы продолжают выходить труды по проблемам польско-советских отношений, написанные с учетом политических взаимоотношений двух государств на момент подготовки исследований. Из работ, увидевших свет в то время, следует выделить монографию М. Лечика, в которой освещаются польско-советские дипломатические отношения в 1925–1934 гг. (67). Отдельная глава монографии посвящена внешней политике Польши и СССР накануне Локарнской конференции. М. Лечик не обходит вниманием такие сюжеты, как переговоры А. Скшиньского с П.Л. Войковым в начале 1925 г., берлинская встреча К.Б. Радека и Х. Тенненбаума 12 июля 1925 г., визит Г.В. Чичерина в Варшаву, конференция в Локарно, но освещает их не в полной мере. Одно из главных заблуждений Лечика состоит в приписывании локарнским соглашениям исключительно антисоветской направленности.

В сборнике «Очерки истории советско-польских отношений, 1917–1977», вышедшем в свет в 1979 г., была опубликована статья В. Дашкевича о различных проблемах польско-советских отношений в 1921–1932 гг. (8). Автор объективно подходит к оценке визита Г.В. Чичерина в Варшаву, но все же недостаточно подробно анализирует польско-советские отношения 1924–1925 гг. В разделе статьи о политических переговорах исследователем опущен ряд встреч польских и советских дипломатов, которые представляются нам важными. Дашкевич также разделяет теорию о враждебности

и недоверии правящих кругов Польши к СССР, а советскую политику в отношении Польши оценивает только положительно.

В это же время появляются серьезные исследования по истории польско-французских отношений межвоенного периода, в частности монография З. Вроняка «Польша – Франция, 1926–1932» (88), в которой дается достаточно подробный обзор событий и тенденций в двусторонних отношениях в 1919–1925 гг., в том числе и поведения сторон на Локарнской конференции 1925 г., а также книга Я. Чаловича, посвященная генезису, функционированию и закату польско-французского союза 1921 г. (38). Обстоятельный публикации Х. Булхака (36; 37) посвящены прежде всего военному сотрудничеству Польши и Франции, а также дипломатическим отношениям последних с Румынией. Все вышеперечисленные авторы развивают идею, согласно которой польско-французское военно-политическое сотрудничество имело в своей основе исключительно антигерманские мотивы. В 1972 г. выходит монография А. Скшипека, посвященная проблеме создания Балтийского союза и месту балтийских государств во внешней политике Польши и СССР (81).

В 1970-х годах польские историки предпринимают попытку разработать научно обоснованную периодизацию польско-советских отношений. Эта задача была осуществлена историками В. Дащкевичем, В.Т. Ковалевским и С. Лопатнюком в статье для сборника «Из истории польско-советских отношений» (41), а также Р. Войной в публикации, посвященной польско-советским отношениям межвоенного периода (87). В этих исследованиях польско-советские политические отношения 1924–1925 гг. практически не анализируются. Отсутствует также информация о значимых международных событиях межвоенного периода, без знания которых не представляется возможным составить полную картину польско-советских отношений указанного периода.

Из работ, посвященных различным аспектам польско-советских отношений, заслуживает внимания статья С. Лопатнюка, опубликованная в сборнике материалов варшавской научной конференции 1972 г. «Польско-советские отношения в 1917–1939 гг.» (68). С. Лопатнюк, касаясь вопроса о заключении польско-советского договора о ненападении в 1932 г., в том числе и его предыстории, достаточно объективно подходит к рассматриваемой проблеме. Однако политическим переговорам конца 1924 – первой половины 1925 г. он уделяет мало внимания, не пишет об отношениях Польши с прибалтийскими государствами и том влиянии, которое их намечавшийся союз имел для польско-советских отношений. Кроме того,

С. Лопатнюк – автор интересного исследования о польско-советском конфликте после убийства в 1927 г. советского полпреда в Варшаве П.Л. Войкова (69). К недостаткам этой статьи следует отнести главным образом отсутствие весомых доказательств вины польского, английского правительства или каких-либо других органов власти и государственных деятелей в указанном преступлении.

Следует отметить, что политические изменения 1980–1990-х годов как в Польше, так и СССР усилили политическое звучание изучавшихся аспектов польско-советских отношений, что сделало их скорее элементом политической борьбы, нежели объектом научного исследования. Однако политизация проблемы имела и определенные позитивные последствия. Именно в эти годы в научный оборот были введены многие недоступные ранее документы, а исчезновение жесткого идеологического контроля позволило всесторонне исследовать их.

Идея, что причиной взаимной неприязни Польши и Германии явились их территориальные претензии друг к другу, основательно проработана в вышедших в 1970–1980-х годах работах Е. Красуского (60; 61; 62; 63). Анализу внешнеполитических концепций различных политических сил Польши посвящена монография Я. Фарыся, изданная в 1981 г. (44), а работа общего характера по внешней политике Польши межвоенного периода написана М. Каминьским и М.Я. Захариасом (53).

Польско-британские отношения 1920–1930-х годов анализируются в работах М. Новак-Келбиковой (74; 75). Исследовательница развивает положение о следовании Польши в русле внешней политики Великобритании ввиду экономической зависимости Варшавы от Лондона. Эти же проблемы исследует и Т. Пишковский (78).

Из трудов современных польских историков, посвященных проблемам польско-советских отношений межвоенного периода, можно выделить работы В. Владаркевича, С. Грегоровича и М.Я. Захариаса, В.Т. Ковальского и А. Скшипека, В. Матерского (20; 47; 59; 72; 73). Данные исследования богаты фактическим материалом, но в них в недостаточной степени освещаются общие проблемы международных отношений межвоенного периода. К тому же их авторы не всегда объективно подходят к роли Советского Союза в развитии польско-советских контактов. В некоторых случаях место критической оценки занимают политические тезисы. С. Грегорович и М. Захариас (47) придерживаются уходящей своими корнями в межвоенный период теории, согласно которой основополагающим элементом советско-германского взаимодействия в межвоенный

период был антипольский аспект. В. Матерский, как и большинство польских и советских историков, считает, что локарнские соглашения были невыгодны для СССР и не говорит о том, что в последовавший после них период исследователям так и не удалось обнаружить реваншистских действий со стороны главы немецкого МИДа Г. Штреземана.

В опубликованной в 1998 г. работе Ю. Кукулки (64) характеризуется политика Польши по отношению к соседним государствам от Средневековья до наших дней. Особенно тщательно разбираются отношения Польши с ее главными соседями – Германией и Советским Союзом. Применительно к интересующему нас периоду историк придает излишне самостоятельное значение польско-советским отношениям, выводит их за международный контекст и утверждает, что в основе их развития лежали лишь периодически предпринимавшиеся сторонами усилия по урегулированию возникавших с завидной частотой конфликтов.

Косвенная информация о польско-советских отношениях рассматриваемого периода содержится в статье М. Паштор, посвященной проблеме создания польским руководством позитивного образа Польши во французской прессе (77), а также в монографии П. Лоссовского (70).

Известную роль в изучении истории советско-польских отношений сыграли исследования польских историков-эмигрантов, в частности статья З. Гонсёровского, опубликованная в 1958 г. в «Journal of Modern History» (45). Она посвящена советско-германским политическим переговорам конца 1924 г., в которых затрагивался польский вопрос. Гонсёровский был одним из первых послевоенных историков, развивших положение о сотрудничестве Кремля и рейха на антипольской основе. Этой же теории придерживался другой историк-эмигрант Ю. Корбель, полагавший, что угроза Польше исходила больше с Востока, чем с Запада (56). Об антипольской политике СССР пишет и П. Вандыч (84; 85). В этих работах нашла свое развитие появившаяся в межвоенный период концепция «двух врагов». Апологеты этой концепции изображают СССР как потенциального агрессора против Польши и всячески оправдывают польскую политику в отношении СССР. При этом подобные рассуждения, как правило, слабо аргументируются.

В 1984 г. в США появилась богатая фактическим материалом монография «От Версаля до Локарно» польских исследователей-эмигрантов А.М. Ченчалы и Т. Комарницкого, освещавшая польскую внешнюю политику 1919–1925 гг. (39). Авторы также при-

держиваются концепции «двух врагов» и расценивают советско-германские переговоры 1924 г. как подготовку нового раздела Польши.

В 1998 г. в Польше вышел перевод англоязычного труда Я. Карского «Великие державы и Польша, 1919–1945. От Версала до Ялты», посвященный политике Германии, Советского Союза, Великобритании и Франции в отношении Польши (54). Он отмечает двойственность внешней политики СССР и делает упор на ее идеологическую составляющую, утверждая, что политические отношения Москвы и Варшавы не принесли желаемых результатов из-за их идеологической несовместимости.

Особое значение имеет научная литература по проблемам советско-польских отношений времен Второй мировой войны, вышедшая в СССР и Польше. Существуют как работы общего характера (26; 52; 82; 83), так и исследования, касающиеся конкретных тем, например Катыни (16; 19; 89) или Варшавского восстания (18; 34; 35; 55; 79). При обсуждении Варшавского восстания ряд исследователей задается вопросом о том, нужно ли было восстание и что оно дало Польше. Многие, в том числе А. Скажиньский (79), полагают, что в тогдашней политической ситуации восстание было обречено на военное и политическое поражение, а, значит, приказ о его начале был трагической ошибкой или, как назвал его в августе 1944 г. генерал В. Андерс, «тяжким преступлением» (цит. по: 43, с. 511).

Идеологизированная работа Б.К. Доляты посвящена освобождению Польши Красной армией в 1944–1945 гг. (42). Существуют также исследования, посвященные борьбе поляков с Советами на оккупированных Красной армией 17 сентября 1939 г. землях (46 и др.).

Анализ существующей литературы предмета свидетельствует, что существует значительное количество работ отечественных и зарубежных авторов 1920–1990-х годов, рассматривающих различные аспекты советско-польских отношений 1919–1945 гг. и связанные с ними проблемы международных отношений. В настоящем сборнике обзоров и рефератов представлены российские и польские исследования 2000-х годов. Они дают возможность взглянуть на сложные взаимоотношения между Советской Россией (СССР) и Польшей глазами современных историков. Тем не менее объем сборника не позволил охватить все обстоятельные научные труды по данной проблематике. Так, например, коллективом авторов не были учтены исследования российских историков В.А. Зубачевского (12), О.Н. Кена (17), М.И. Мельтиюхова (21; 22), польских ученых М. Корната (57; 58), А.К. Кунерта (65), Ю. Мачищевского (71), П. Вечоркевича (86) и ряд других монографий и статей.

Список литературы

1. *Арумяэ Х.* За кулисами «Балтийского союза»: (Из истории внешней политики буржуазной Эстонии в 1920–1925 гг.). – Таллин, 1966. – 281 с.
2. *Ахтамзян А.А.* Военное сотрудничество СССР и Германии, 1920–1933 гг.: (По новым документам) // Новая и новейшая история. – М., 1990. – № 5. – С. 3–24;
3. *Ахтамзян А.А.* Рапалльская политика: Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 гг. – М., 1974. – 303 с.
4. *Баума М.* Польша и советско-германские отношения в 1922–1926 гг.: Автограф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992. – 22 с.
5. *Выгодский С.Ю.* Внешняя политика СССР, 1924–1929 гг. – М., 1963. – 383 с.
6. *Городецкий Г.* Выработка советской внешней политики: Идеология и «реальная политика» // Советская внешняя политика в ретроспективе, 1917–1991. – М., 1993. – С. 9–22.
7. *Горохов И., Замятин Л., Земсков Н. Г.В.* Чичерин – дипломат ленинской школы. – М., 1966. – 112 с.
8. *Дашкевич В.* Польско-советские отношения, 1921–1932 гг. // Очерки истории советско-польских отношений, 1917–1977. – М., 1979. – С. 97–123.
9. *Друнин В.П.* Польша, Россия и СССР. Исторические очерки. – М.; Л., 1928. – 219 с.
10. *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество, 1922–1933: Неизвестные документы. – М., 1992. – 383 с.
11. *Зарницкий С.В., Сергеев А.Н.* Чичерин. – М., 1975. – 256 с.
12. *Зубачевский В.А.* Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917–1923): Геополитический аспект. – Омск, 2005. – 240 с.
13. История внешней политики СССР: В 2 т. – М., 1976. – Т. 1: 1917–1945. – 519 с.
14. История международных отношений и внешней политики СССР. 1917–1939 гг. – М., 1961. – Т. 1. – 720 с.
15. История Польши. – М., 1958. – Т. 3. – 667 с.
16. Катынь: Пленники необъявленной войны. – М., 1997. – 603 с.
17. *Кен О.Н.* Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932). – СПб., 2003. – 130 с.
18. *Клишко З.* Варшавское восстание. Статьи, речи, воспоминания, документы. – М., 1969. – 280 с.
19. *Лебедева Н.С.* Катынь: Преступление против человечества. – М., 1994. – 350 с.
20. *Матерский В.* К вопросу о периодизации польско-советских отношений в межвоенный период // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. – М., 1995. – № 4. – С. 71–75.
21. *Мельтохов М.И.* Советско-польские войны: Белый орел против красной звезды. – М., 2004. – 669 с.

22. Мельтихов М.И. Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние, 1918–1939 гг. – М., 2001. – 461 с.
23. Михутина И.В. Советско-польские отношения, 1931–1935. – М., 1977. – 287 с.
24. Ольшанский П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений, 1921–1924. – М., 1974. – 288 с.
25. Офицеров Д.В. Локарнская асимметрия европейской безопасности и положение Польши // Вестник Пермского университета. – Пермь, 2003. – Вып. 4. – С. 33–39.
26. Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. – М., 1982. – 280 с.
27. Почс К.Я. К вопросу о внешнеполитической ориентации Польши в период подготовки Локарнских соглашений // Tartu riikliku ulikooli toimetised = Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1987. – Vih. 785: Uurimusi laanemeremaade ajaloost 4 = Исслед. по истории стран Балтики 4. – С. 117–128.
28. Почс К.Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в анти-советских планах английского и французского империализма (1921–1929). – Рига, 1985. – 176 с.
29. Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика Советского государства в 1921–1925 гг. – М., 1953. – 568 с.
30. Соколов В.В. Неизвестный Г.В. Чicherin. Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. – М., 1994. – № 2. – С. 4–18.
31. Турок В.М. Локарно. – М.; Л., 1949. – 268 с.
32. Ховратович И.М. Г.В. Чicherin. – М., 1980. – 108 с.
33. Balcerak W. Polityka zagraniczna Polski w dobie Locarna. – Wrocław etc., 1967. – 244 s.
34. Bartelski L.M. Powstanie warszawskie. – W-wa, 1967. – 283 s.
35. Borkiewicz A. Powstanie warszawskie 1944. Zarys działań natury wojskowej. – W-wa, 1969. – 576 s.
36. Bulhak H. Polsko-francuskie koncepcje wojny obronnej z Niemcami z lat 1921–1926 // Studia z dziejów ZSSR i Europy Środkowej. – Wrocław etc., 1979. – T. 15. – S. 69–96.
37. Bulhak H. Próby przekształcenia sojuszu wojskowego z Rumunią w trójstronne porozumienie polsko-francusko-rumuńskie // Przegląd Historyczny. – W-wa, 1973. – T. 64, z. 3. – S. 519–528.
38. Ciałowicz J. Polsko-francuski sojusz wojskowy, 1921–1939. – W-wa, 1971. – 423 s.
39. Cienciala A.M., Komarnicki T. From Versailles to Locarno. Keys to Polish Foreign Policy, 1919–1925. – Lawrence, 1984. – 384 p.
40. Cieślak T. Geneza sojuszu polsko-radzieckiego // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. – W-wa, 1966. – T. 2. – S. 7–17.
41. Daszkiewicz W., Kowalski W.T., Łopatniuk S. Próba periodyzacji historii stosunków polsko-radzieckich, 1917–1968 // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. – W-wa, 1970. – T. 6. – S. 3–22.

42. *Dolata B.K.* Wyzwolenie Polski, 1944–1945. – W-wa, 1966. – 323 s.
43. *Duraczyński E.* Polska, 1939–1945: Dzieje polityczne. – W-wa, 1999. – 635 s.
44. *Faryś J.* Koncepcje polskiej polityki zagranicznej, 1918–1939. – W-wa, 1981. – 416 s.
45. *Gąsiorowski Z.J.* The Russian Overture to Germany of December 1924 // The Journal of Modern History. – Chicago, 1958. – Vol. 30, N 2. – P. 99–117.
46. *Głowacki A.* Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej, 1939–1941. – Łódź, 1997. – 351 s.
47. *Gregorowicz S., Zacharias M.J.* Polska-Związek Sowiecki. Stosunki polityczne, 1925–1939. – W-wa, 1995. – 343 s.
48. *Grzymała-Grabowiecki J.* Polityka zagraniczna Polski w roku 1924. – W-wa, 1925. – 285 s.
49. *Grzymała-Grabowiecki J.* Polityka zagraniczna Polski w roku 1925. – W-wa, 1926. – 292 s.
50. *Grzymała-Grabowiecki J.* Polityka zagraniczna Polski w roku 1926. – W-wa, 1928. – 288 s.
51. *Jurkiewicz J.* Niektóre problemy stosunków polsko-radzieckich w okresie międzywojennym, 1918–1939 // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. – W-wa, 1966. – T. 2. – S. 18–38.
52. *Kamiński B.K.* Od wojny do zniewolnienia. Polska a Związek Sowiecki: stosunki polityczne, 1939–1945. – W-wa, 1992. – 485 s.
53. *Kamiński M., Zacharias M.J.* Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej, 1918–1939. – W-wa, 1987. – 382 s.
54. *Karski J.* Wielkie mocarstwa wobec Polski, 1919–1945: Od Wersalu do Jałty. – Lublin, 1998. – 502 s.
55. *Kirchmayer J.* Powstanie warszawskie. – W-wa, 1960. – 312 s.
56. *Korbel J.* Poland between East and West. Soviet and German Diplomacy towards Poland, 1919–1933. – Princeton (N.J.), 1963. – 478 s.
57. *Kornat M.* Polen zwischen Hitler und Stalin. Studien zur polonischen Außpolitik in der Zwischenkriegszeit. – Berlin, 2012. – 303 S.
58. *Kornat M.* Polityka równowagi, 1934–1939. Polska między wschodem a zachodem. – Kraków, 2007. – 499 s.
59. *Kowalski W.T., Skrzypek A.* Stosunki polsko-radzieckie, 1917–1945. – W-wa, 1980. – 307 s.
60. *Krasuski J.* Między wojnami: Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej. – W-wa, 1985. – 216 s.
61. *Krasuski J.* Polska i Niemcy. Dzieje wzajemnych stosunków politycznych (do 1932 roku). – W-wa, 1989. – 471 s.
62. *Krasuski J.* Stosunki polsko-niemieckie, 1918–1939 // Przyjaźnie i antagonizmy. Stosunki Polski z państwami sąsiednimi w latach 1918–1939. – Wrocław, 1977. – S. 177–216.

63. *Krasuski J.* Stosunki polsko-niemieckie, 1919–1932. – Poznań, 1975. – 468 s.
64. *Kukulka J.* Traktaty sąsiedzkie Polski odrodzonej. – Wrocław etc., 1998. – 253 s.
65. *Kunert A.K.* Katyń. Ocalona pamięć. – W-wa, 2010. – 256 s.
66. *Landau Z., Tomaszewski J.* Polityka zagraniczna Polski, 1924–1925 // Kwartalnik Historyczny. – W-wa, 1961. – R. 68, N 3. – S. 725–738.
67. *Leczyk M.* Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSRR w latach 1925–1934. Studium z historii dyplomacji. – W-wa, 1976. – 380 s.
68. *Lopatniuk S.* Polsko-radziecki pakt o nieagresji (z historii polsko-radzieckich pertraktacji) // Stosunki polsko-radzieckie, 1917–1939: (Materiały z sesji naukowej w Warszawie 16–17 listopad 1972). – W-wa, 1973. – S. 125–164.
69. *Lopatniuk S.* Konflikt polsko-radziecki na tle zabójstwa posła Wojkowa // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. – W-wa, 1972. – T. 9. – S. 71–83.
70. *Łossowski P.* Stosunki polsko-litewskie, 1921–1939. – W-wa, 1997. – 391 s.
71. *Maciszewski J.* Katyń. Wydrzeć prawdę. – Pułtusk, 2010. – 260 s.
72. *Materski W.* Polska a ZSRR, 1923–1924. Stosunki wzajemne na tle sytuacji politycznej w Europie. – Wrocław etc., 1981. – 380 s.
73. *Materski W.* Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie, 1918–1939. – W-wa, 1994. – 387 s.
74. *Nowak-Kielbikowa M.* Polska-Wielka Brytania w dobie zabiegów o bezpieczeństwo w Europie, 1923–1937. – W-wa, 1989. – 588 s.
75. *Nowak-Kielbikowa M.* Stosunki polsko-brytyjskie w okresie pierwszego rządu laborystowskiego (styczeń–październik 1924) // Kwartalnik Historyczny. – W-wa, 1985. – R. 91, Z. 4. – S. 807–844.
76. *Olszański P.N.* Stosunki polsko-radzieckie w latach 1921–1924 // Stosunki polsko-radzieckie, 1917–1939: (Materiały z sesji naukowej w Warszawie 16–17 listopad). – W-wa, 1973. – S. 92–124.
77. *Pasztor M.* Polska propaganda prasowa we Francji w latach 1924–1936 (założenia i realizacja) // Dzieje Najnowsze. – Wrocław etc., 1995. – R. 27, N 4. – S. 27–38.
78. *Piszczkowski T.* Anglia a Polska 1924–1939 w świetle dokumentów brytyjskich. – L., 1975. – 323 s.
79. *Skarżyński A.* Polityczne przyczyny powstania warszawskiego. – W-wa, 1964. – 431 s.
80. *Skrzypek A.* Historiografia Polski Ludowej o stosunkach polsko-radzieckich // Kwartalnik Historyczny. – W-wa, 1972. – R. 79, N 4. – S. 860–870.
81. *Skrzypek A.* Związek bałtycki, Litwa, Łotwa, Estonia i Finlandia w polityce Polski i ZSSR w latach 1919–1925. – W-wa, 1972. – 391 s.
82. Stosunki polsko-radzieckie, 1917–1945. – W-wa, 1967. – 571 s.
83. *Ślusarczyk J.* Stosunki polsko-radzieckie, 1939–1945. – W-wa, 1991. – 312 s.
84. *Wandycz P.S.* France and Her Eastern Allies, 1919–1925. French-Czechoslovak-Polish relations from the Paris peace conference to Locarno. – Minneapolis, 1962. – 454 p.

85. *Wandyicz P.S.* The twilight of French Eastern alliances, 1926–1936: French-Czecho-slovak-Polish relations from Locarno to the remilitarization of the Rhineland. – Princeton (N.J.), 1988. – 537 s.
86. *Wieczorkiewicz P.P.* Kampania 1939 roku. – W-wa, 2001. – 144 s.
87. *Wojna R.* Polska a ZSSR między wojnami, (1918–1939) // Przyjaźnie i antagonizmy. Stosunki Polski z sąsiednimi w latach 1918–1939. – Wrocław, 1977. – S. 15–56.
88. *Wroniak Z.* Polska – Francja, 1926–1932. – Poznań, 1971. – 181 s.
89. Zbrodnia katyńska. Droga do prawdy. Historia. Archeologia. Kryminalistyka. Polityka. Prawo. – W-wa, 1992. – 431 s.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1919–1921 гг. (Сводный реферат)

- 1. Зуев М.Н., Изонов В.В., Симонова Т.И. Советская Россия и Польша, 1918–1920 гг.: Советско-польское вооруженное противостояние 1918–1919 гг. Советско-польская война 1920 г. – М.: Ин-т воен. истории, 2006. – 249 с.**
- 2. Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. – М.: Academia, 2005. – 404 с.**

В сводном реферате представлены труды современных отечественных историков, посвященные различным аспектам советско-польской войны. Крупные специалисты-полонисты исследуют как историографию проблемы, так и ход боевых действий, их итоги и последствия.

Авторы первой монографии (1), используя широкий круг источников, показывают, как возникла и нарастала советско-польская конфронтация в 1918–1919 гг., переросшая в 1920 г. в полномасштабную войну, выявляют особенности ведения вооруженной борьбы в данный период. Книга включает в себя введение, три выстроенных по хронологическому принципу главы и заключение, снабжена обширными приложениями.

В введении дается исторический очерк весьма непростых взаимоотношений русских и поляков начиная с IX–X вв., когда сформировались оба славянских государства, борьба между которыми за пограничные земли велась на протяжении всей истории их существования. Разделение христианства в 1054 г. на православную и католическую церкви только «подлило масла в огонь». Тем более не решили проблемы разделы Польши в XVIII–XIX вв.: поляки по-прежнему мечтали о независимости.

В историографическом очерке советско-польских отношений и войны 1920 г. авторы отмечают, что хотя работы по данному

вопросу появились сразу же по окончании конфликта, анализировались в них поначалу лишь собственно военные аспекты, позднее также деятельность партий и общественных организаций, влияние на ход событий отдельных личностей, но до сих пор «нет полных данных о безвозвратных и санитарных потерях обеих сторон, количестве военнопленных и режиме их содержания в плену» (1, с. 15). Эти вопросы до сих пор остаются злободневными и болезненными в отношениях России и Польши.

С окончанием Первой мировой войны в Европе начала складываться совершенно новая система международных отношений. Поделённая между тремя проигравшими войну странами Польша обрела возможность возрождения собственной государственности. В ноябре 1918 г. высшая политическая власть во вновь образованной Второй Речи Посполитой перешла к генералу Ю. Пилсудскому, считавшему, что к ней должны отойти все земли, принадлежавшие Польскому королевству до 1772 г., т.е. западные области Украины, Литвы, Белоруссии. Но на эти территории, ранее входившие в состав Российской империи, претендовал и большевистский режим. Когда охваченная революцией Германия стала отводить свои войска с оккупированных территорий, Красная армия сразу же двинулась вслед за ними на запад. Поляки, со своей стороны, начали продвижение на восток, занимая белорусские и литовские земли вдоль Немана и Припяти. К февралю 1919 г. постепенно образовалась линия советско-польского фронта. В данной ситуации конфликт между двумя армиями, как считают авторы, был неизбежен.

В свою очередь, странам Антанты конец Первой мировой войны позволил все военные и дипломатические силы направить на расширение интервенции против большевистской России. В то время как большевики искали с ними мира, они (особенно Франция) вынашивали идею создать из зарождающейся Польши «санитарный кордон» между Западом и «Страной Советов», который мог бы стать препятствием для дальнейшего распространения большевизма. Заканчивая первую часть первой главы, авторы пишут: «Именно Варшаве принадлежала инициатива в развязывании войны на Востоке против советских республик, значительно ослабленных длительной Гражданской войной» (1, с. 52). Эти слова по сути являются главным выводом всей книги.

К осени 1918 г. армия молодого большевистского государства и органы ее управления в основном уже сформировались, но численный состав РККА, ее вооружение и организация войск были недостаточны для успешного ведения боевых действий. Несмотря

на два сентябрьских призыва, в ноябре 1918 г. на фронтах Гражданской войны Красная армия имела всего около 227 000 штыков и сабель, 4300 пулеметов и 928 орудий. В это же время противники большевиков располагали 515 000 штыков (вместе с австро-германскими войсками, еще не выведенными с оккупированной территории России). В декабре 1918 г. Совет обороны Республики принял план доведения в кратчайшие сроки численности своей армии до полутора миллионов человек, а в дальнейшем и до трех миллионов.

Из войск Красной армии, находившихся на западных границах Советской России, еще весной 1918 г. после заключения Брестского мира был образован Западный участок отрядов завесы (ЗУОЗ). Но эффективно выполнять поставленную перед ними задачу обороны республики они не могли из-за своей малочисленности и слабости. В течение нескольких месяцев они лишь «обозначали прикрытие разграничительной линии австро-германской оккупации» (1, с. 57). К осени общая численность войск на этом направлении составляла около 14 500 штыков и сабель при 38 орудиях и 307 пулеметах, имелось также 3 бронепоезда, 5 бронеавтомобилей и 19 самолетов. В их состав была включена сформированная в Москве из «польских интернационалистов» и уроженцев западных губерний бывшей Российской империи Западная пехотная дивизия. 19 февраля 1919 г. был образован Западный фронт, имеющий в своем составе уже 78 300 штыков, 3160 орудий, 1026 пулеметов, а к середине марта – 93 217 штыков, 4364 сабли, 1957 пулеметов и 672 орудия.

В годы Первой мировой войны в нескольких странах были созданы польские легионы. Они-то и послужили костяком для формирования на добровольной основе армии возрожденной Польши (Войска Польского). Для вербовки поляков в армию было создано Польское вербовочное бюро. Летом 1918 г. оно начало работать и в Центральной России, где находилось много польских офицеров и солдат. Набранные поляки перевозились в Мурманск, Архангельск и Нижний Новгород, откуда переправлялись в Польшу. Большевики всячески препятствовали этому. Только в Петрограде в то время было арестовано около 500 польских добровольцев. Однако менее чем за год Пилсудскому удалось собрать армию, численность которой к середине января 1919 г. составила около 110 000 человек. Польское население Белоруссии и Литвы создало свою систему обороны – Комитет защиты восточных окраин (КЗВО), обратившийся за помощью к Пилсудскому. Это позволило последнему

проводить в жизнь свои захватнические планы под лозунгом защиты поляков, проживающих в Белоруссии и Литве.

Германо-польское перемирие, подписанное 18 февраля 1919 г., дало возможность полякам перебросить свои войска на восток и начать наступление, продолжавшееся фактически до конца года. Были оккупированы большая часть Белоруссии и Литвы, взяты Минск и Вильно. Американский представитель при миссии государств Антанты в Варшаве генерал-майор Дж. Кернан 11 апреля 1919 г. докладывал президенту В. Вильсону: «Хотя в Польше во всех сообщениях и разговорах постоянно идет речь об агрессии большевиков, я не мог заметить ничего подобного. Напротив, я с удовольствием отмечал, что даже незначительные стычки на восточных границах Польши свидетельствовали скорее об агрессивных действиях поляков и о намерении как можно скорее занять русские земли и продвинуться насколько возможно дальше» (цит. по: 1, с. 65).

Большевики были вынуждены отходить, так как в марте началось наступление адмирала Колчака и части с запада страны стали спешно перебрасываться на восток, а оставшиеся малочисленные войска растягивались на огромном фронте. Боевой состав войск Западного фронта значительно уменьшился и к 15 апреля составлял около 80 000 штыков и сабель.

Для Советской России лето 1919 г. было очень тяжелым, почти критическим. Красная армия терпела поражения на всех фронтах. В какой-то момент само существование Страны Советов начало вызывать сомнения. В это время Пилсудский подумывал даже о походе на Москву, но его беспокоила перспектива победы Белого движения, чьи лидеры выступали за «единую и неделимую Россию», в которой не будет места независимой Польше. Поэтому осенью 1919 г. он откликнулся на очередное обращение большевиков, предлагавших урегулировать отношения на очень выгодных для Польши условиях, признав за нею занятые ее войсками земли. «В ходе секретных переговоров через своих представителей он заявил, что останавливает наступление, чтобы не мешать борьбе Красной Армии против режимов “Белого дела”» (1, с. 173). Положение на фронте временно стабилизировалось.

8 декабря 1919 г., после нанесенного Красной армией поражения войскам Белого движения на юге России и в Сибири, Верховный совет Антанты принял наконец «декларацию о временных восточных границах Польши». Данная декларация гарантировала Польше неприкосновенность ее этнических территорий, расположенных западнее так называемой линии Керзона (названной так

по фамилии британского министра иностранных дел), но в ней ничего не говорилось о землях, расположенных к востоку от этой «временной границы» и практически всю историю существования России и Польши являвшихся спорными. Тем самым политики стран Антанты как бы делали Польше намек, что не будут возражать против военного решения данного вопроса. С первых месяцев 1920 г. США, Англия и особенно Франция увеличили продовольственную, военную и финансовую помощь Польше, буквально подталкивая последнюю к началу войны против большевиков. План кампании, разработанный Пилсудским, предусматривал в первую очередь захват Киева, затем Одессы; далее, после выхода поляков к Днепру, предполагалось овладеть всей Белоруссией.

Руководство Советской России предвидело такой поворот событий. Еще 24 января 1920 г., выступая на конференции рабочих и красноармейцев Пресненского района Москвы, Ленин говорил о необходимости использовать передышку для подготовки к новым нападениям в первую очередь «белополяков», натравливаемых мировой буржуазией на «Республику Советов». Тем не менее советское правительство всячески старалось предотвратить полномасштабную польскую агрессию. «Чтобы рассеять всякие недоразумения, Совнарком РСФСР с декабря 1919 г. по конец апреля 1920 г. более 50 раз обращался к правительствам США, Франции, Англии, Японии, Польши, Румынии, Эстонии и других государств с предложениями о мире, об установлении экономических и торговых связей» (1, с. 80). Советская Россия готова была даже уступить Польше некоторые территории, утвердив границу восточнее той, что была ей предоставлена Верховным советом Антанты. Однако все попытки решить спорные вопросы мирным путем окончились неудачей.

К середине апреля польское командование завершило подготовку к агрессии, расположив на восточных границах 148-тысячную армию, имевшую на вооружении 894 орудия, 302 миномета, 4157 пулеметов, 49 бронеавтомобилей и 51 самолет. Большая часть войск сосредотачивалась для удара по Украине. Большевики, напротив, ожидали, что главный удар будет нанесен в Белоруссии, там и были сконцентрированы их основные силы. 25 апреля польские войска совместно с Украинской народной армией атамана С. Петлюры (с которым Пилсудский заключил договор), имея на важнейших направлениях почти трехкратное превосходство над частями Красной армии, начали наступление на широком фронте от Припяти до Днестра. Им удалось овладеть Киевом и форсиро-

вать Днепр. Агрессию осудил только ЦК Коммунистической рабочей партии Польши.

26 мая Красная армия перешла в контрнаступление, которое затем переросло в общее наступление по всему фронту. Польские войска вынуждены были спешно и часто беспорядочно отходить, неся серьезные потери. К концу июля в результате удачных наступательных операций с применением крупных кавалерийских соединений, совершивших глубокие рейды по тылам противника, была освобождена значительная часть Белоруссии (в которой сразу же началось восстановление советской власти) и Литвы. Советские войска перешли этнографическую границу Польши. Немедленно было создано Польское бюро ЦК РКП (б) и образован Временный революционный комитет Польши, началась советизация вновь занятых территорий.

Осознавая, что польской армии грозит полное поражение и стараясь сохранить территориальную целостность Польши, Верховный совет Антанты 10 июля потребовал от Варшавы согласия на заключение перемирия с большевиками и отвода своих войск на линию, намеченную еще в декабре 1919 г. В знаменитой «ноте Керзона», направленной 11 июля уже советскому руководству от имени стран Антанты министром иностранных дел Великобритании, предлагалось прекратить военные действия против Польши и договориться о границе.

Большевикам в условиях успешного наступления мир был невыгоден. Тем не менее при активном обсуждении «ноты Керзона» в партийно-политическом и военном руководстве РСФСР мнения разделились, но Ленин требовал «бешеного ускорения наступления», и 16 июля на пленуме ЦК РКП (б) было решено наступать как можно дальше на запад, пока нет договоренности с Польшей о перемирии. Успехи на фронте привели к неправильным оценкам командованием РККА и руководством страны состояния польской армии. Появилась уверенность в возможности легко разгромить противника, пользуясь его слабостью, с ходу взять Варшаву (без необходимой оперативной паузы, не дожидаясь, пока подтянутся тылы и резервы) и тем самым ускорить «мировую революцию», или, по крайней мере, пересмотреть Версальский договор, не учитывавший советские интересы. 10 августа Красная армия устремилась к Варшаве и уже 13-го овладела городом Радзимином, находящимся в 23-х км северо-восточнее польской столицы. Началось решающее для всей советско-польской войны сражение.

Народом Польши военное вторжение Советской России было воспринято как покушение на независимость молодой республики, поэтому вместо поддержки местного пролетариата большевики встретили ожесточенное сопротивление польской армии. К тому же их собственные силы начали быстро иссякать, тем более что наступление велось одновременно на двух самостоятельных направлениях – варшавском и львовском. К середине августа полякам удалось мобилизовать все силы и при значительной материально-технической помощи Антанты довести численный состав своей армии до 100–110 тыс. штыков и сабель. Это позволило им 16 августа начать контрнаступление по всему фронту, имея на направлении главного удара почти шестикратное превосходство над войсками противника, численность которых в результате огромных потерь в предшествующие дни сократилась примерно до 60 000 штыков и сабель. Будучи оторванными от резервов, испытывая острый недостаток боеприпасов, части РККА стали в беспорядке отходить. Поход на Варшаву закончился фактическим разгромом Красной армии.

Польское наступление продолжалось до 15 октября, когда поляки в очередной раз заняли Минск, но 17 числа покинули город и отвели войска на запад. В Риге уже велись мирные переговоры, и по предварительной договоренности военные действия были полностью прекращены в полночь с 18 на 19 октября. До последнего мгновения обе стороны продолжали бои, желая оставить за собой как можно большую территорию.

Авторы отмечают, что советско-польская война 1920 г. была первой войной РСФСР с иностранным государством, которую она вела одновременно с Гражданской войной. Война эта была не совсем обычная, так как формально она не объявлялась и дипломатические отношения фактически не прерывались. Поэтому мирные переговоры велись на протяжении почти всей войны параллельно с боевыми действиями, возобновляясь и снова срываясь по инициативе то одной стороны, то другой в зависимости от того, чьи войска одерживали в данный момент победу. 21 сентября в Риге начался очередной раунд советско-польских переговоров. К этому времени, отстояв Варшаву, польская армия неуклонно продвигалась на восток, но и ее силы были уже на исходе. Предварительный мирный договор был подписан 12 октября 1920 г. (окончательное подписание состоялось 18 марта 1921 г.).

Авторы считают, что хотя Рижский мир и был несправедлив по отношению к советскому государству, большевики пошли на

его заключение, так как разгромившая белогвардейцев и интервентов страна нуждалась в налаживании мирной жизни. По этому договору к Польше отходили западные территории Украины и Белоруссии; кроме того, Советская Россия обязывалась выплатить 30 млн рублей золотом за участие польских земель в хозяйственной жизни бывшей Российской империи и организовать специальные комиссии для выявления, учета и возвращения взятых, начиная с 1772 г., русской армией трофеев (трофеи войны 1918–1920 гг. возврату не подлежали). Но в Польше договор удовольствия не вызвал, так как, несмотря на весьма значительные территориальные приобретения, далеко выходящие за этническую границу, планам создать Польшу «от моря до моря» не дано было осуществиться.

Признавая поход Красной армии на Варшаву ярчайшим примером военно-политической авантюры, авторы тем не менее считают, что Советская Россия вела справедливую войну с целью защитить украинский и белорусский народы от захватнических стремлений «белополяков».

Советско-польская война 1920 г., методы ее ведения, условия Рижского мира и память о потерях с обеих сторон наложили негативный отпечаток на дальнейшие отношения двух государств, явились причинами взаимного недоверия. Авторы отмечают, что политика Польши по отношению к СССР в межвоенный период «была насыщена антисоветской деятельностью спецслужб с использованием в этих целях представителей российской эмиграции» (1, с. 164). Считая, что действия СССР в отношении Польши в 1939 г. были дальним отголоском этой войны, авторы по существу оправдывают заключение пакта Молотова – Риббентропа, утверждая, что, «критикуя СССР за подписание секретного протокола к советско-германскому пакту от 23 августа 1939 г., польская сторона не должна забывать о своем участии в секретной военной конвенции 1921 г. с Францией, направленной против Советской России, а также о попытке сговора с фашистской Германией за счет Украины» (1, с. 176).

Книга известных российских историков докт. ист. наук И.С. Яжборовской и докт. ист. наук В.С. Парсадановой (2), состоящая из введения и десяти глав, посвящена анализу «синдрома 1920 г.» в российско-польских отношениях. Авторы рассматривают условия зарождения и существования этого явления, исследуя такие проблемы двусторонних отношений, как польский вопрос в России в годы Первой мировой войны, отношение российских и польских революционеров к будущему Польши до Октябрьской

революции 1917 г., возрождение независимого Польского государства в 1919 г. и др. Монография написана на основании разнообразных отечественных и зарубежных источников, в том числе неопубликованных архивных материалов.

В годы Первой мировой войны польские земли оказались в центре интересов великих держав. Восстановление польской государственности проходило достаточно сложно ввиду того, что исторически в состав Польши входили земли с непольским населением, а великие державы в ходе войны стремились осуществить свои собственные цели. Польский вопрос довольно быстро приобрел международный характер вопреки желанию России, рассчитывавшей на «создание свободной, целокупной Польши на началах автономии под скипетром российского императора – короля Польского с собственными законодательными органами и армией» (2, с. 36).

В начале XX в. и вплоть до Октябрьской революции вопрос о судьбе Польши обсуждался не только на самом высоком уровне, но и большевиками, и польскими социал-демократами. В среде представителей партии Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) «сформировалось представление о неприемлемости принципа права наций на самоопределение, поскольку он допускал выдвижение лозунга отделения Польши и нарушение единства революционного сотрудничества рабочих Российской империи в борьбе с царизмом» (2, с. 41). Такой же позиции придерживалась и другая польская левая партия – ППС-левица. В то же время представители ППС считали приемлемым создать государство не демократическим путем, а с учетом меняющихся комбинаций великих держав. В.И. Ленин критиковал позицию ППС, считая, что «лишь в ходе развития революционного процесса возможно последовательно демократическое решение вопроса о судьбах Польши» (2, с. 44). После Февральской революции ППС-левица признала право наций на самоопределение, но на Радомском совещании в декабре 1917 г. изменила свою точку зрения, сосредоточив внимание «на сплочивании и отстаивании идейных позиций рабочего класса» (2, с. 72).

В марте 1917 г. были приняты обращение Петросовета «Народу польскому» и возвзание Временного правительства «Поляки». Последнее признавало за польским народом право самостоятельно решать свою судьбу и восстановить независимое государство «в соответствии с этническим принципом...» (2, с. 89). Однако назначенный австро-венгерскими оккупантами Временный государ-

ственный совет в Варшаве обвинил Временное правительство в неправильной трактовке территориального вопроса и отказался вступить в войну против центральных держав. В то же время среди польского народа росли прорусские настроения. Кроме того, союзники России по Антанте высоко оценили ее позицию по польскому вопросу и были готовы «признать независимость Польши, поскольку ее признает правительство России» (2, с. 94).

Тем не менее Россия не смогла пойти дальше в польском вопросе, поскольку стояла на пороге Октябрьской революции. Позднее, во время мирных переговоров в Брест-Литовске в декабре 1917 г., Россия добивалась объединения всех польских земель, но безрезультатно. Согласно условиям Брестского договора, Россия отказалась от польских земель. В 1919 г. на Версальской мирной конференции державы-победительницы возродили независимую Польшу. Однако этим договором не была окончательно установлена восточная граница Польши. Верховный Совет союзных держав признал право польского народа установить постоянную администрацию только до так называемой «линии Керзона», что не устраивало польскую сторону.

ТERRITORIALNYIY SPOR MEEZHDU ROSSIEY I POL'ZHEY REШIL'SЯ V XODE SOVETSKO-POL'ZKoy VOINY 1919-1920 GG. EE POSLEDSTVIIA BYLI KRAYNE NEGATIVNYMI Dlya SOVETSKOY ROSSII I NASTOL'KO DRAMATICHNYMI Dlya ROSSISKO-POL'ZKIH OTNOSHENII, CHTO DO SIKH POR TREBUIUT SERYEZNYX USIL'JIY Dlya IХ PEOEOLENIYA. PO RIJKSKOMU MIRNOMU DOGоворU OT 18 MARTA 1921 G. ROSSIA VYNUZHDENA BYLA OTKAZAT'SЯ OT ZAPADNOBELORUSSKIH I ZAPADNOUKRAINSKIH ZEMEL' V POL'ZU POL'ZHI. SUDЬBA ETIH TERRITORII STAЛА OДNOJ IZ KLYUCHEVYX PROBLEM SOVETSKO-POL'ZKIH OTNOSHENII V MJEZVOENNYYIY PERIOD. ROSSIU BEСПOKOIILA TAKZE PROBLEMA IZBAVLENIYA OT BЕLOGVARDEYSKИХ VOENIZIROVANНЫX ORGANIZACIY, «NAХODIVSHIХSЯ NA POL'ZKOY TERRITORII I COVERSHAVSHIХ VYLAZKI NA TERRITORIU SOVETSKIH RESPUBLIK» (2, c. 266).

Советско-польская война обострила социальные и национальные противоречия, привела к резкому внешнеполитическому противостоянию России и Польши. Хронический синдром войны долгие годы подпитывал мифологемы вражды. Это вызывало трудности в исследовании проблематики войны и осмыслиении ее итогов. С большим трудом полякам удалось избавиться от стойкой мифологемы 1920 г., которая «представляла события крупным планом как несение миссии защиты европейской цивилизации и христианских ценностей против революционного варварства» (2, с. 277).

В Советском государстве война изначально трактовалась как классовая, в которой польский трудовой народ противостоял буржуазии и шляхте. Несмотря на то что некоторые стереотипы до сих пор не преодолены, современные польские историки признают сложность и многогранность проблематики войны 1920 г. Советские и российские историки не всегда стремятся рассматривать проблему советско-польской войны «комплексно, достаточно объективно, разносторонне и сбалансированно» (2, с. 294).

Тем не менее в годы «оттепели» и «гласности» было выработано научное видение проблемы войны 1920 г. Особый интерес к изучению «белых пятен» в истории советско-польских отношений исследователи проявляли в конце 1980-х годов. Именно в это время «конструктивная проработка ряда определяющих аспектов проблематики войны 1920 г. принесла снятие острых моментов и плодотворное завершение этого направления в рамках двусторонней комиссии, что открыло возможности для дальнейших исследований в этой области» (2, с. 354). В настоящее время периодически проводятся совместные конференции историков и других специалистов, позволяющие снять «пласт за пластом негативные стереотипы прошлого» (2, с. 362).

Последняя глава книги содержит анализ отечественной, белорусской, украинской и польской историографии советско-польской войны 1920 г. Авторы отмечают, что «память о военном противостоянии России и Польши в 1919–1920 гг. глубоко укоренилась в сознании как российского, так и польского общества, еще в межвоенный период приобретя форму нескольких официальных идеологем и расхожих мифологем» (2, с. 366). Библиография данной проблематики насчитывает немало трудов, на создание которых повлияли политическая и военная конъюнктура и т.д. Яжборовская и Парсаданова делят историографию проблемы на несколько хронологически-тематических групп: «на опубликованную в ходе войны или сразу после нее, на публиковавшуюся в основном к 10-летию войны и до середины 30-х годов, вновь обнаружившую рост интереса к проблеме в конце 30-х – середине 50-х годов, а затем в 60–90-е годы» (2, с. 368). Они особенно выделяют публикации 1990-х годов. В то время начали активно изучаться отношения между Россией и Польшей, были подготовлены неидеологизированные монографии и учебные пособия. Стал исследоваться сам ход войны, происходило расширение тематики до изучения отношения к войне различных слоев населения. В то же время авторы приходят к выводу о том, что проблематика отношений России и

Польши в 1919–1921 гг. еще недостаточно изучена. «Главная причина этого, – пишут Яжборовская и Парсаданова, – заключается в своеобразии места советско-польской кампании в вооруженных конфликтах эпохи: она одновременно является частью и гражданской, и национальной войны, оборонительной и внешней войной Красной армии, вооруженным противостоянием соседних государств и революционным походом России на Запад и т.д.» (2, с. 393).

O.B. Бабенко, M.M. Минц

Вышчельский Л.

**ВАРШАВА, 1920 / Пер. с польского П.С. Романова. – М.:
ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель»,
2004. – 283 с.
(Реферат)**

Монография польского историка Л. Вышчельского посвящена одной из крупнейших военных операций в истории польских вооруженных сил – Варшавской битве. Ее последствия «предопределили не только результаты советско-польской войны, но и во многом повлияли на будущее польского народа, который лишь незадолго до этого освободился от векового рабства и теперь оказался перед угрозой очередного порабощения, чреватого насилиственным навязыванием ему неприемлемой общественно-политической системы» (с. 3). Монография написана на основе неопубликованных материалов из польских архивов (Архив новых актов, Центральный военный архив), обнародованных польских и советских документов военного и дипломатического характера, мемуарной литературы, писем, разноязычной историографии.

Книга состоит из введения, восьми глав, заключения и библиографии. В первой главе рассматривается отступление польских войск с берегов Авуты и Березины. Автор пишет, что «до конца 1919 года первоочередной дипломатической и военной целью Советской России было подавление внутренней контрреволюции и противостояние войскам интервентов» (с. 8). Дипломатические споры с Польшей имели для нее второстепенное значение, поэтому Россия неоднократно обращалась к Польше с мирными предложениями. Изменение позиции Кремля наметилось в декабре 1919 г. после разгрома войск под командованием А. Деникина. Москва начала подготовку к реализации своей главной цели, основанной на идее всемирной революции. Чтобы перенести революцию в Западную

Европу, она решила расправиться с Польшей. В феврале 1920 г. началась разработка операции против Варшавы. В мае было принято решение о начале наступательных действий. 4 июля развернулось наступление Западного фронта. Главный удар был нанесен из междуречья Авуты и Березины на участке польской 1-й армии. 13 июля началось новое наступление российских войск, после которого поляки вынуждены были отступить на юг от реки Вили. В начале августа Западный фронт под командованием Тухачевского вошел в мазовецкий район и получил свободу действий. Автор утверждает, что Тухачевский «не предвидел серьезного сопротивления со стороны польских войск и поэтому не прервал операции для упорядочения и перегруппировки частей, а также пополнения боезапаса и техники» (с. 32). Он был намерен взять Варшаву с марша, но польские командующие воспользовались ошибками Тухачевского в построении войск и получили возможность нанести решающий удар по наиболее чувствительному для противника участку, «проведя наступление по коротким линиям на фланге и в тылах Западного фронта» (с. 33).

Вторая глава посвящена оборонительным приготовлениям Польши и попыткам решения конфликта дипломатическим путем. Наступление Войска Польского на Украине весной 1920 г. вынудило противника отступить. Но успехи поляков были кратковременными, а концепция Петлюры о создании украинско-польской федерации провалилась. Юго-Западный фронт под командованием А. Егорова активизировал действия на Украине, М. Тухачевский готовил масштабное наступление в Белоруссии. Пилсудский терял популярность в Польше и начал осознавать слабость молодого Польского государства. 27 июня он направил командующим армий циркуляр, в котором было сказано, что в случае нового наступления противника нужно рассчитывать только на свои силы, поскольку Главное командование не располагает резервами. Положение Варшавы усугублялось тем, что «к 30 июня Польша исчерпала все кредиты, предоставленные на военные цели западными странами, главным образом Францией» (с. 35).

В сложившейся ситуации поляки решили оборонять занимаемые позиции. В начале августа войска Тухачевского совершили успешный марш в сторону Варшавы. 10 августа генерал Ф. Лягиник ввел осадное положение на территории Варшавы и прилегавших уездов. Власть в столице переходила к армейскому командованию. В этот же день на Театральной площади состоялся митинг жителей столицы, принявших резолюцию, в которой говорилось следующее:

«Население Варшавы присягает в том, что оно окружит заботой сражающуюся армию и вместе с солдатами будет до конца защищать свою страну» (цит. по: с. 66). 13 августа под Радзимином начались первые бои за Варшаву.

В третьей главе анализируются планы советской стороны относительно будущего Польши. Автор пишет, что в июле 1920 г. положение на фронтах складывалось в пользу Советской России. Ее цели были сформулированы в газете «Красноармеец»: «Пробиваться на запад не с целью захвата Польши, Германии, Франции, а для соединения с польскими, немецкими и английскими рабочими – вот наша главная задача. Именно поэтому белая Польша должна быть уничтожена, создана будет Польша пролетарская, и красное знамя должно развеваться над Варшавой» (цит. по: с. 67).

Первым практическим шагом стало создание революционных комитетов, призванных стать органами государственной власти в Польше. А 23 июля Польское информбюро в Москве приняло решение о создании Временного революционного комитета Польши во главе с Ю. Мархлевским. По мнению автора, «эти шаги свидетельствовали не только о намерениях Советской России навязать Польше революционное правительство, но и о намерениях осуществить раздел ее территории. Предполагалось, что территория польского государства будет ограничена землями бывшего Королевства Польского» (с. 67). В ходе наступления войск Тухачевского большевики старались скрыть свои истинные цели, в частности они не использовали лозунгов, связанных с мировой революцией, а лишь ограничились агитацией за введение в Польше диктатуры пролетариата. С помощью пропаганды красноармейцы пытались пробудить революционные настроения среди рабочих, крестьян и части еврейской интеллигенции. С началом Варшавской битвы пропаганда значительно активизировалась. Более того, советская сторона «требовала от поляков полной передачи под ее контроль всех войск и всех обороняемых населенных пунктов» (с. 82–83). Тухачевский был настолько уверен в своем успехе, что не принял во внимание усиления оборонных позиций польских войск и своих разногласий с Егоровым. Как отмечает Вышчельский, «первоочередное значение для него имели политические задачи, связанные с быстрейшим экспортом революции в Западную Европу» (с. 83).

В четвертой главе рассматриваются польские планы битвы под Варшавой. Советская сторона строила планы генерального сражения, в результате которого Польша потерпела бы окончательное поражение в войне. Маршал Ю. Пилсудский отдавал себе отчет в

том, что такая опасность является вполне реальной. Поэтому дальнейшее отступление польских войск потеряло смысл. Теперь необходимо было готовиться к решающей битве. Поляки рассматривали различные варианты Варшавской битвы, но в качестве окончательного был принят вариант, выбранный Ю. Пилсудским. Вышчельский пишет, что автором этого варианта нельзя назвать Пилсудского, так как подобные операции разрабатываются штабами, но маршалу принадлежала огромная заслуга в том, чтобы «выработать общую концепцию битвы и взять на себя личную ответственность за ее проведение» (с. 90).

В соответствии с принятым планом линия фронта должна была быть перенесена на линию Ожиц – Нарев с предмостными укреплениями Пултуск – плацдарм Варшава – Висла – плацдарм Демблин – Вепш и далее по течению Сереты или Стыпы, а войскам следовало подготовиться к битве за Варшаву. Главная оперативная идея Варшавской операции была сформулирована следующим образом: «1) удерживать неприятельские войска на юге, удерживая Львов и район нефтяных промыслов; 2) на севере не допустить обхода в районе немецкой границы, а также ослабить силы неприятеля, кроваво подавив его атаки на варшавском плацдарме; 3) центральной группировке предстоит наступление: быстрое накопление сил маневренной армии в нижнем течении р. Вепш, которой предстоит нанести удар во фланг и в тылы неприятеля, атакующего Варшаву, и разбить его; войсковая группировка в верхнем течении р. Вепш, осуществляющая первоначально прикрытие района концентрации маневренной армии с востока и юго-востока, присоединяется затем к действиям маневренной армии и продвигается с ней в северо-восточном направлении. С этого момента необходимо уделять внимание взаимодействию с войсками на северном участке» (цит. по: с. 91–92).

Важнейшим кадровым решением кануна Варшавской битвы автор признает «решение Пилсудского о выезде из Варшавы и возложении на себя обязанностей командующего ударной группой, находившейся в районе сосредоточения на р. Вепш» (с. 106). Тем не менее всю вину за ошибки в ходе битвы Пилсудский возлагал на военных, забывая о том, что «именно он, как Верховный главнокомандующий, нес всю ответственность за исход этой битвы» (с. 108).

Пятая глава посвящена обороне Варшавы 13–15 августа 1920 г. 10 августа Тухачевский своей директивой приказал войскам Западного фронта начать энергичное наступление. Но форсировать Вислу в намеченные сроки им не удалось, так как директива поступила в

войска слишком поздно и преодолеть путь до 100 км за день-два было невозможно. Наступление частей Красной армии началось 13 августа в 6.30 утра, а днем уже велись первые бои в предместьях Варшавы. Командование Красной армии не предвидело решительного сопротивления поляков на этом участке фронта, поэтому «появление в районе р. Вкры новой польской армии стало для него большой неожиданностью» (с. 129). Именно по этой причине на начальном этапе боев русские не проявляли осторожности и не организовали прикрытия для главных дивизионных колонн. Расплатой за это стал разгром ряда русских частей. В первой половине дня 13 августа Красной армии не удалось прорвать польскую оборону. Но уже в 17.00 началась успешная атака русских в районе Крашева, которая позволила прорвать оборону 46-го пехотного полка. Поляки начали беспорядочно отступать. Командующий 46-м полком полковник Кшивоблоцкий не располагал данными ни о дислокации своих подразделений, ни о том, что русские прорвали линию обороны. Когда же он осознал весь трагизм ситуации, он «был не в состоянии принять какое-либо решение» (с. 133). 14 августа битва за Варшаву вступила в решающую fazu. Русские не смогли начать контрнаступление в назначенное время из-за несоблюдения сроков организации и сосредоточения войск и наступательных действий. Поляки же действовали более удачно, и 15 августа их упорная оборона принесла важные результаты. Три из четырех армий Западного фронта уже были не в состоянии проводить наступательные действия. Среди красноармейцев росли сомнения в возможности прорыва польской обороны. Автор пишет, что польские войска «реализовали те задачи, которые были поставлены перед ними на первом этапе битвы за столицу: связать русские армии тяжелыми боями, не дать им начать продвижение на запад, обескровить их в сражении» (с. 172). Вопреки мнению ряда исследователей, решающим оказался день 16 августа, которым «начался коренной перелом не только в битве за столицу, но и во всей советско-польской войне» (там же).

В шестой главе анализируются маневр с Вепшинского плацдарма и бои на реке Нарев. Автор пишет, что план польского командования по проведению варшавской операции состоял в том, чтобы связать армии Тухачевского боями в предместьях Варшавы, а также в междуречье рек Вкры и Нарев, «обескровить их и нанести удар в левый фланг, а затем силами войск, сконцентрированных на р. Вепш, нанести удар с тыла, отбросить противника в направлении р. Нарев и разбить его силами 5-й армии» (с. 173). 13–15 августа

польским войскам удалось связать затяжными боями 3-ю, 15-ю и 16-ю армии Западного фронта, но 4-я армия продолжала свое продвижение на запад. Это создало условия для нанесения концентрированного удара с плацдарма р. Вепш. Наступление поляков с Вепшского плацдарма началось утром 16 августа. Командующий 16-й армией Соллогуб не располагал данными ни о наступлении, ни об оперативном положении своих войск. Тем не менее он провел перегруппировку своих войск, сосредоточив большую часть сил на левом фланге. Это облегчило польской ударной группировке осуществление задачи по окружению 16-й армии. В ходе удачного контрнаступления поляков окружение грозило и 4-й армии, поэтому Тухачевский отдал приказ остальным армиям о начале отступления на восток. Однако он все еще считал, что Западный фронт сможет возобновить наступление и разгромить поляков. Пилсудский же принял решение о перегруппировке войск, чтобы лучше организовать преследование противника. Он полагал, что «в дальнейшем польской армии удастся полностью разгромить отступающие части Красной армии» (с. 201).

В седьмой главе рассматривается преследование и попытки окружения 4-й русской армии. 18 августа в польские войска был направлен приказ о преследовании противника. Перед каждой армией были поставлены конкретные задачи, реализация которых зависела от быстрой реорганизации войск. В частности, 5-я армия должна была полностью ликвидировать 3-й конный корпус, 4-ю армию и те части 15-й армии, которые будут отрезаны от своих основных сил в результате продвижения 5-й армии на север (с. 203). Главная идея приказа от 18 августа заключалась в том, «чтобы отрезать пути к отступлению и полностью уничтожить войска Тухачевского» (с. 204). Если бы эта задача была решена, поляки завладели бы стратегической инициативой и впоследствии победили бы в войне. Реализация плана зависела, по мнению автора, от того, какова будет скорость преследования отступавших частей Красной армии. Противник не ожидал контрнаступления поляков из р-на р. Вепш. Вследствие этого в русские части не поступили своевременно соответствующие приказы, поэтому они бездействовали на участке польского Северного фронта и на восточном берегу р. Нарев. Активные боевые действия вели лишь солдаты 15-й армии, находившиеся на подступах к Цеханову.

М. Тухачевский стал отдавать себе отчет в том, что «в результате польского контрнаступления его войска могут быть разгромлены» (с. 211). Поэтому он начал постепенно отказываться от

наступательной концепции и рассматривал различные варианты отвода своих армий на восток. В конце августа большая часть армий Западного фронта была не в состоянии вести не только наступательные действия, но и оборонительные сражения. Планы же поляков были успешно осуществлены. 1-му пехотному полку удалось освободить Белосток, который защищал превосходивший его по силам советский гарнизон. В плен были взяты более 2000 красноармейцев. Тем не менее в других районах, в частности на возвышенности севернее Кисельницы, под Кобылином и близ Кольно, сопротивление противника было еще существенным. К концу дня 23 августа все сопротивлявшиеся части Красной армии были вытеснены на восток. 25 августа в Мазовии, на Полесье и в районе Белостока продолжалась очистка территории от остававшихся там разбитых частей Тухачевского. Как отмечает Л. Вышчельский, «в этом принимали участие не только регулярные части Войска Польского, но и местное население» (с. 250).

Восьмая глава посвящена итогам Варшавской битвы. Автор пишет, что Варшавская битва «стала поворотным моментом в польско-российской войне» (с. 251). Победа поляков сделала невозможными советизацию Польши и экспорт революции на Запад. Военные успехи Варшавы оказали серьезное влияние на ход мирных переговоров, несмотря на то что советская сторона пыталась диктовать Польше свои условия. Важнейшими принципами концепции польского мирного трактата были «неприкосновенность, суверенитет и независимость польского государства в границах, необходимых для нормального экономического развития» (с. 252). Советские же предложения представляли собой попытку навязать Польше в жесткой форме большевистский государственный строй. Кремль рассчитывал на то, что поражение Польши в войне вынудит ее согласиться с московским диктатом. Автор отмечает, что эти условия были выдвинуты тогда, когда «в Варшавской битве уже состоялся радикальный перелом» (с. 254).

Победа поляков в битве за Варшаву была достигнута вследствие «разработки оптимального плана ее проведения, высочайшего патриотизма солдат, поддержки и помощи всего польского общества и просчетов противника» (с. 272). Основную тяжесть боев несли сухопутные войска, но в ряде случаев использовались подразделения речной флотилии. Решающую роль в битве сыграла пехота. Наибольшей боеспособностью отличались 1-я и 3-я пехотные дивизии легионов, 18, 14 и 16-я пехотные дивизии. Пехоту поддерживала артиллерия, эффективность которой была, однако,

невелика. Ее слабым местом, по утверждению Вышчельского, было «управление огнем» (с. 274). Артиллерийский огонь редко поражал цели, в связи с чем артиллерия не играла решающей роли в ходе сражения. В боевых действиях применялась также бронетехника – бронепоезда, бронемашины, танки. Последние были устаревшими, обладали низкими скоростными показателями и постоянно нуждались в ремонте. Большую роль в Варшавской битве сыграла польская кавалерия, которая была распределена по различным соединениям (2, 4, 8, 9-я бригады, самостоятельные полки и даже отдельные эскадроны). Значительный вклад в победу над Красной армией внесли саперы. Достаточно многочисленными были тыловые части. Материальное снабжение войск осуществлялось железнодорожным транспортом. Для этого, как отмечает автор, «на одном из ближайших железнодорожных узлов организовывались склады для снабжения армии» (с. 276).

В заключение Л. Вышчельский утверждает, что «победа под Варшавой занимает особое место в польской военной истории. Ее можно сравнить лишь с победой под Грюнвальдом в 1410 году или победой под Веной в 1683 году» (с. 277). Она дала возможность сохранить суверенитет страны и избежать ее советизации. Варшавская битва не привела к окончанию польско-российской войны, но стала переломным моментом в ходе военных действий. После нее стратегическая инициатива перешла к Войску Польскому. Победа в битве под Варшавой не означала того, что польская сторона достигла своих целей. Ведь Красная армия не была окончательно разбита. Тем не менее она отступила, а Пилсудский и штабисты стали прорабатывать план битвы на Немане «как своего рода продолжение тех действий, которые были реализованы в ходе битвы за Варшаву, а в качестве главной цели был поставлен окончательный разгром войск российского Западного фронта» (с. 278).

О.В. Бабенко

Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С.

**ПОЛЬСКИЙ ПЛЕН. ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ КРАСНОЙ
АРМИИ В ПЛЕНУ У ПОЛЯКОВ В 1919–1921 гг. – М.:
РОДИНА МЕДИА, 2011. – 173 с.
(Реферат)**

Авторы книги – Г.Ф. Матвеев, докт. ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, и В.С. Матвеева, канд. ист. наук, преподаватель Ровенского института славяноведения Киевского славистического университета. Они посвятили книгу памяти их отца и деда, участника советско-польской войны 1919–1920 гг.

Монография посвящена нелегкой судьбе более 200 тысяч военнослужащих Красной армии, побывавших в польских руках во время советско-польской войны 1919–1920 гг. Авторы предпринимают попытку установить число советских «узников войны», проследить трагические перипетии их жизни с момента плена и до возвращения на родину в 1921 г. Книга написана на основании документов из российских, польских и швейцарских архивов, опубликованных источников, воспоминаний и литературы.

Монография подразделяется на введение, пять глав и заключение. Она снабжена списком библиографии и именным указателем. Во введении авторы отмечают, что окончание Первой мировой войны не принесло мира бывшим национальным окраинам России, Германии и Австро-Венгрии. Еще не отгрели последние залпы орудий на Западном фронте, как веками проживавшие здесь бок о бок народы обрушились друг на друга, доказывая силой оружия свое право на спорные территории. Часть политиков слишком дословно восприняла провозглашенный американским президентом В. Вильсоном в пропагандистских целях лозунг о праве наций на самоопределение, посчитала его основополагающим прин-

ципом нового устройства мира. Другие, понимая разрушительный характер национализма для местных полигэтнических сообществ, призывали строить мировое пролетарское государство социальной справедливости без национального содержания. Сложный характер политического процесса в этих областях и слабость нарождающихся государств провоцировали вмешательство в дела региона внешних сил.

Главными среди них были белая и красная Россия и только что созданная Польская Республика. Они публично апеллировали к историко-этнографическим аргументам, чтобы доказать свои права на владение территориями со смешанным населением. Средством для решения конфликта была избрана война, хотя в тот момент ее никто официально не объявлял. Международное признание имело лишь польское правительство, а у советских правительств России и Украины его не было. Начало 20-месячной войне положил бой польских и советских частей у белорусского местечка Береза Карпанская 13 февраля 1919 г. (с. 4–5).

В 1919 г. военные успехи сопутствовали Польше, ее армии заняли Вильно, Белоруссию до Березины, Волынь. В связи с успешным наступлением на Москву А.И. Деникина, признававшего Польшу только в этнических границах, Пилсудский, не желая помогать белой России, в конце сентября 1919 г. прекратил наступление на польско-советском фронте. 8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты утвердил определенную с учетом этнического критерия линию, до которой поляки могли устанавливать свою гражданскую администрацию (линию Керзона).

25 апреля 1920 г. началось совместное наступление польских и петлюровских войск на правобережной Украине, а 6 мая поляки без боя заняли Киев. В начале июня 1920 г. Красная армия прорвала фронт и развернула успешное наступление на Украине и в Белоруссии. В августе советские войска находились уже под Варшавой, Львовом и Перемышлем. Но проиграв во второй половине августа Варшавское сражение, Красная армия начала отступление по всему фронту. Поляки повторно заняли Брест, Гродно, Барановичи, Лиду, Луцк, Ровно и другие белорусские и украинские местности. В преддверии зимы, не имея сил для продолжения войны, стороны конфликта 12 октября 1920 г. заключили перемирие, а 18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор между Польшей, с одной стороны, и РСФСР (представлявшей также Советскую Белоруссию) и УССР – с другой.

Война советских республик с Польшей сопровождалась огромными разрушениями и людскими потерями, многие территории с 1914 г. стали трижды, а то и четырежды местом боевых действий. Безвозвратные потери Войска Польского составили в 1918–1921 гг. 50 тыс. человек, их большая часть пришлась на войну с советскими республиками. Потери советской стороны в этой войне до сих пор не установлены. Даже польские и российские данные о численности вернувшихся домой после плена красноармейцев расходятся почти на 6 тыс. – 69 762 против 75 699 человек.

Как подчеркивают авторы, конечно, это были далеко не все оказавшиеся в неволе красноармейцы. Одни из них умерли в плену, другие, вступив в антисоветские воинские формирования, погибли в боях с Красной армией в 1920 г., третьи остались в Польше, особенно уроженцы Западной Украины и Западной Белоруссии, четвертые эмигрировали в Европу и за океан. А некоторые вернулись домой позже, воспользовавшись объявленной в 1921 г. амнистией рядовому составу антисоветских формирований и поэтому не попали в официальную статистику депатриированных пленных. В целом мы имеем дело с большой, существенно превышавшей цифру в 100 тыс. человек, группой людей, объединенных общей судьбой, имя которой – плен.

Их судьба привлекла внимание историков относительно недавно. Перелом наступил в 1990 г., когда исследователи и в России, и в Польше начали знакомить читателей с результатами своих исследований. Первый серьезный труд торуньского историка З. Карпуша появился в Польше в 1991 г. Российские ученые, признав заслуги автора, вступили с ним в дискуссию в особенности по вопросам о численности взятых в плен и погибших в нем красноармейцев. Возникший спор не вышел бы за рамки узкого круга специалистов, но все происходило в момент снятия покрова секретности с трагедии Катыни и других мест расстрела поляков в Советском Союзе в 1940 г. Данный момент послужил польской стороне основанием для того, чтобы назвать контрпропагандистской акцией естественное желание российских коллег выяснить судьбу своих соотечественников. Для ее обозначения был введен даже специальный термин «кантикатынь» или «контркатынь» (с. 8).

Обращение в России к проблеме военнопленных следует считать естественным и закономерным, как и обращение в Польше к проблемам катынского преступления, и долг ученых – заполнить эту лакуну в истории советско-польских отношений, подчеркивают авторы. Опубликованные в 1993–1994 гг. работы базировав-

шихся на архивных изысканиях российских ученых Ю.В. Иванова и И.В. Михутиной, в которых речь шла о гибели в плену десятков тысяч красноармейцев, вызвали крайне негативную реакцию польских историков и публицистов. Они проводили мысль о связи этих исследований с желанием преуменьшить трагедию Катыни. Ответом на обвинения стала статья Михутиной в «Новой и новейшей истории», в которой она на основании документов Российского государственного военного архива (РГВА) определила, что общее число пленных было 165 тыс. человек, а домой возвратились менее 100 тыс. В развернувшийся спор втягивались все новые участники, а сам он приобретал все более жесткий характер. Российские историки (Т.М. Симонова, Н.С. Райский, Ю.В. Иванов, М.В. Филимошин, О. Дайнес, П. Аптекарь, С. Полторак, М.И. Мельтиюхов) называют разные цифры – от 130 до 150 тыс., польский знаток проблемы З. Карпус приводит цифру в 110 тыс. человек. Различные аспекты пленя освещены в предисловии к изданному в 2004 г. сборнику документов «Красноармейцы в польском плену в 1919–1920 гг. Документы и материалы».

В дискуссию включился и один из авторов реферируемой книги Г.Ф. Матвеев. На основе документов польского Генштаба за 1919–1920 гг. он установил, что всего в течение 20 месяцев в плен попали 206 877 красноармейцев, из них реально было передано в распоряжение военного министерства и испытывало тяготы «военной неволи» не менее 157 тыс. человек (с. 43). На Украине над проблемой пленных красноармейцев работает в настоящее время лишь В.С. Матвеева, защитившая в 2010 г. на эту тему кандидатскую диссертацию. Западные историки судьбой пленных красноармейцев не занимались.

7 апреля 2010 г. В.В. Путин на совместной пресс-конференции с премьер-министром Польши Д. Туском в Смоленске не только вспомнил об этой трагедии, но и назвал возможную цифру погибших в польском плену красноармейцев – около 32 тыс. человек. 6 декабря 2010 г. на пресс-конференции с президентом Польши Б. Комаровским Д.А. Медведев призвал заняться восстановлением исторической памяти, включая и период Гражданской войны в нашей стране, когда «десятки тысяч красноармейцев, оказавшихся в Польше, исчезли или погибли», «по этим вопросам нужно вести диалог, причем в абсолютно открытом и дружественном ключе, как мы сегодня это делаем по катынским событиям» (цит. по: с. 13).

Приведя в первой главе «Масштабы феномена польского плена и его организационное регулирование» цифры военноплен-

ных, взятые из различных, прежде всего польских источников высокой достоверности, авторы пишут, что после заключения мирного договора судьбой военнопленных занимался польский МИД. В мае 1922 г. в связи с завершением депатриации основной массы военных и гражданских пленных (так называли заложников) лагеря, в которых содержались интернированные бойцы сражавшихся на стороне поляков в 1920 г. антисоветских частей, были переданы в ведение МВД. Это положение сохранялось до окончательного закрытия лагерей в 1924 г. (с. 47).

В последующих главах – «Военнопленные в зоне ответственности верховного командования Войска Польского», «Пленные красноармейцы в ведении министерства военных дел», «Военнопленные красноармейцы вне лагерей», «Действия советского руководства по улучшению положения военнослужащих Красной армии в польском плену» – авторы затрагивают ряд проблем, связанных с различными сторонами военных действий и пребывания красноармейцев в польском плену. Как подчеркивается в книге, «польские и российские документы свидетельствуют о том, что и в 1919 г., и в 1920 г. поляки расстреливали красноармейцев. Но установить масштабы этого явления не представляется возможным, поскольку делалось это обычно без суда и следствия. Поляками были разработаны свои собственные «Принципы обращения с большевистскими пленными» и инструкции по ведению пропаганды в концентрационных лагерях для пленных» (с. 49). «Комиссаров живыми наши не брали вообще», свидетельствует как очевидец польский историк М. Хандельман (цит. по: с. 51). Приводится такой эпизод, как расстрел взятой в плен жены красноармейского команда, грузинки по национальности М.П. Матюшенко (с. 53).

Как свидетельствуют авторы, чаще всего расстреливали командиров, коммунистов, китайцев и евреев, но и «другие категории “узников войны” не могли себя чувствовать в полной безопасности в момент пленения» (с. 57). О том, что условия содержания в плену были вопиюще антигуманными, свидетельствует, например, такое описание очевидца: «На полу в грязной соломе валялось человек десять, накрывшись разными лохмотьями и тряпками... Больные до того истощены, что еле держатся на ногах и то всем телом трясутся... Те же картины в других комнатах, та же грязь, те же истощенные, пожелтевшие лица... Умирают ежедневно по 4–5 человек. Все без исключения от истощения... Медикаментов вдоволь, каких только необходимо, но от голода лекарство не спасет...» (цит. по: с. 71).

Самых сильных и здоровых оставляли, не спрашивая на то их согласия, в «диких» рабочих командах при действующей армии¹. Фактически они так и не становились полноправными пленными. О судьбах этих людей не осталось почти никаких сведений. Больных, раненых, ослабленных, коммунистов, предварительно отобрав у многих из них хорошее обмундирование и одев в обноски, грузили в железнодорожные составы, чтобы голодных и замерзших вести в стационарные лагеря. Не всем удавалось достичь места назначения живыми. Во время стоянок к вагонам устремлялась местная экзальтированная публика, вопреки нормам христианского милосердия всячески оскорблявшая узников войны и выискивавшая среди них уцелевших на фронте евреев (с. 160).

Таким образом, польский плен оказался тяжелым испытанием для оказавшихся в нем военнослужащих Красной армии, заключают авторы. На всем его протяжении, а для кого-то он длился почти три года, непременными спутниками этих «узников войны» были расстрелы, голод, холод, инфекционные болезни нередко со смертельным исходом, тяжелый труд, гибель в рядах антисоветских вооруженных формирований. И повинны в этих их несчастьях не только объективные обстоятельства, как уверяют некоторые современные польские авторы. Это и нередко бесчеловечное отношение к пленным на фронте и по сути преступное исполнение многими польскими офицерами и унтер-офицерами своих должностных обязанностей во время прохождения службы в заведениях для пленных. Не обязательно было иметь специальный приказ об умерщвлении военнопленных красноармейцев, который, по утверждению З. Карпуса, якобы только и ищут в польских архивах российские исследователи. Вполне достаточно было того, чтобы люди, которым были доверены судьбы многих десятков тысяч военнопленных красноармейцев, продолжали с ними свою личную войну, без угрызений совести и чувства христианского милосердия обрекая своих беззащитных подопечных на холод, голод, болезни и мучительную смерть (с. 161).

В.П. Любин

¹ Использование труда пленных на фронте противоречило правилам Гаагской конвенции 1907 г., дополненных затем в Женевской конвенции 1929 г. – *Прим. реф.*

**ПРОБЛЕМА ОБМЕНА
ПОЛИТИЧЕСКИМИ ЗАКЛЮЧЕННЫМИ МЕЖДУ
ПОЛЬШЕЙ И СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД В ПУБЛИКАЦИЯХ**
В. МАТЕРСКОГО
(Сводный реферат)

1. Матерский В. Края дипломатии. Обмен политическими заключенными между II Речью Посполитой и Советами в межвоенный период.

Materski W. Pobocza dyplomacji. Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzecząpospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym. – W-wa: Inst. Studiów Polit. PAN, 2002. – 320 s.

2. Обмен политическими заключенными между II Речью Посполитой и Советами в межвоенный период: Документы и материалы.

Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzecząpospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym: Dokumenty i materiały / Oprac. Materski W. – W-wa: Inst. Studiów Polit. PAN, 2000. – 300 s.

В данном реферате представлены публикации известного польского историка, профессора Института политических исследований ПАН, заведующего кафедрой Истории Восточной Европы Института истории Лодзинского университета, д-ра В. Матерского, касающиеся обмена политическими заключенными между II Речью Посполитой и Советским государством в межвоенный период.

Монография В. Матерского «Края дипломатии. Обмен политическими заключенными между II Речью Посполитой и Советами в межвоенный период» (1) состоит из введения, трех глав, заключения и приложения. Во введении автор отмечает, что такое явление, как обмен военными и гражданскими пленными, появилось в советско-польских отношениях в ноябре 1920 г. (1, с. 7). Необходи-

мость юридического урегулирования этого вопроса выявила в ходе переговоров в Риге по вопросу о заключении мирного договора. Обмен пленными не был специфическим явлением для Советской России и Польши. Советская сторона обращалась к обмену чаще, чем Польша, поскольку конфликтовала со всеми соседями, проводя в отношении них идеологическую политику. Обмен пленными осуществлялся с Литвой, Латвией, Эстонией, возможно – с Венгрией. Особое место занимала эта проблема в отношениях с Польшей.

Глава первая посвящена генезису института персонального обмена. Возрожденное в ноябре 1918 г. Польское государство оказалось перед необходимостью политической и военной борьбы за свои границы. Дело должно было дойти и до конфликтов с большевистской Россией. Война с последней началась в 1919 г.

15 июля 1919 г. в МИДе Польши состоялось заседание, посвященное ситуации в связи с массовыми арестами польских граждан в Советской России и возможному обмену пленными. А с 22 июля начались неофициальные переговоры по этому поводу. Из-за состояния войны и отсутствия дипломатических отношений переговоры проводились как гуманитарная акция Красного Креста. 2 ноября был подписан договор, обязавший советскую сторону в одностороннем порядке высыпать всех граждан Польши и поляков с земель, занятых польскими войсками, на демаркационную линию. А через неделю было заключено соглашение об обмене гражданскими пленными. В апреле 1921 г. польская сторона передала России 15 пленных за аналогичное количество польских пленных, переданных советской стороной ранее. Однако среди последних не было ряда лиц, обозначенных в списках. И это вызвало протест советской стороны.

В дальнейшем Польша согласилась на выдачу советской стороне требовавшихся коммунистов, за исключением двух лиц – Анны Шостак и Станислава Радкевича. Автор полагает, что это могло быть попыткой оказать давление на Москву, с тем чтобы она прекратила блокировать выдачу военнопленных (1, с. 81). Однако уже через несколько дней поляки отказались от этой тактики, и 13 марта 1921 г. А. Шостак и С. Радкевич прибыли на пункты обмена. Тем не менее способы реализации первых обменов пленными советской стороной вызывали негативную реакцию поляков. В Москву был послан протест польских коммунистов, а секретарь Польбюро проинформировал Кремль о том, что польская сторона начала расследование этой проблемы. Однако, как отмечает автор, «далнейшего развития данное дело не получило» (1, с. 82).

Глава вторая посвящена деятельности смешанной комиссии по вопросам репатриации. Еще до подписания мирного договора в Риге началась подготовка к созыву смешанной польско-российско-украинской комиссии. Были улажены организационные вопросы и формально – сфера деятельности отдельных лиц, ответственных за реализацию соглашений. Автор полагает, что перенос обсуждения вопроса об обмене заключенными в структуры смешанной комиссии «грозил углублением хаоса» (1, с. 86). Необходимым условием продолжения работы была признана дальнейшая деятельность Стефании Семполовской как представительницы российского Красного Креста, поскольку «без ее контактов и знаний трудно было представить себе дальнейшую реализацию соглашения о персональном обмене политическими заключенными» (там же). В апреле 1921 г. были согласованы составы делегаций варшавской и московской частей смешанной комиссии. Первое заседание варшавской части комиссии состоялось 29 апреля. Польская сторона определила, что возвращения на родину ждут 40 тыс. военнопленных, а также полмиллиона изгнанников и беженцев. Москва в свою очередь утверждала, что должна репатриировать 80 тыс. военнопленных и 30 тыс. интернированных (1, с. 87). Вследствие таких разногласий определение количества лиц, подлежащих репатриации, растянулось на долгое время.

Кроме того, польско-советские отношения ухудшились в связи с обвинениями против ряда католических ксендзов. В первых днях марта 1923 г. архиепископ Чепляк и четырнадцать других ксендзов были вызваны в соответствующие органы, а 21 марта начался процесс «ксендзов-вредителей». В роли обвинителя выступил прокурор Н. Крыленко. В связи с этим процессом были сделаны попытки закрыть костелы. Властям подавали протесты прихожане, что вызвало обыски в их домах. Дело закончилось тем, что попытки борьбы с религией перешли в политические обвинения в адрес отдельных священнослужителей. Им вменялись антисоветские настроения, призывы к отказу от заключения новых государственных договоров с советской стороной. Процесс закончился вынесением смертного приговора Чепляку и прелату К. Будкевичу, остальные были осуждены на длительные сроки заключения. Поляки ходатайствовали об изменении меры наказания для Будкевича, но он был расстрелян, несмотря на его формальное внесение в именной список обмена. Член польской компартии М. Кошутская назвала расстрел Будкевича «огромной политической ошибкой» (цит. по: 1, с. 149).

В мае 1923 г. министр иностранных дел Польши М. Сейда на форуме московской части смешанной комиссии по делам репатриации высказался за необходимость приступить к скорейшей реализации широкого обмена пленными. Наркоминдел в свою очередь разослал в свои инстанции информацию, в которой говорилось о прекращении принятия кандидатур на обмен 1 июня 1923 г., а выезд остальных планировалось осуществить до 1 сентября 1923 г. Об этом было проинформировано посольство Польши в Москве. Однако уже на заседании Московской смешанной комиссии в июне 1923 г. окончательным сроком принятия кандидатур на обмен было определено 1 ноября 1923 г. (1, с. 155). На переговорах в августе советская сторона признала список «317» неактуальным, а поляки потребовали выдачи ста лиц из списков «317», «6», «18» и «50 (51)». Таким образом, наметились острые разногласия между Варшавой и Москвой в деле об обмене пленными. В будущем обмен удалось продолжить. Так, например, 26 апреля 1924 г. в обмен на 107 человек, полученных поляками, Москва обрела 33 человека. При этом два человека из советского списка отказались выехать в СССР, а один сбежал из заключения (1, с. 174).

Власти Белорусской ССР провели пропагандистское мероприятие в связи с торжественной встречей коммунистов, прибывших в нее по обмену. Ее кульминацией было заседание Городского Совета делегатов Минска с участием приехавших лиц, «проходившие под знаком сильных антипольских акцентов, а также обвинений в преследовании политических заключенных» (1, с. 175). А 18 марта 1924 г. коммунисты даже провозгласили днем политического заключенного.

В Варшаве также публично приветствовали вернувшихся из СССР поляков. Приветствие было объединено мессой памяти расстрелянного прелата К. Будкевича. Массовая репатриация подходила к концу, поэтому в 1924 г. были уничтожены так называемые эмиграционные этапы в Столице и Барановичах.

В апреле 1924 г. прошел последний этап процесса по делу польских офицеров Багиньского и Вечоркевича, приговоренных изначально к смертной казни. Благодаря вмешательству президента С. Войцеховского, мера наказания была заменена на 15 лет для Вечоркевича и пожизненное заключение – для Багиньского. Советские власти обращались с просьбой выдать им офицеров, но они не подпадали под статус лица, подлежащего репатриации, так как не успели сменить гражданство. В связи с процессом Багиньского и Вечоркевича вновь возник вопрос о продолжении обмена.

В третьей главе рассматривается организация обмена пленными дипломатическим путем. В августе 1924 г. вопрос о персональном обмене стал частью дипломатических отношений Польши и СССР. Проблемами репатриации стало заниматься, в частности, Министерство внутренних дел Республики Польши. Были также сделаны попытки осуществить обмен заключенными через военные власти. Активно обсуждался польский список «317», из которого предлагалось исключить савинковцев и самого Б. Савинкова, перешедших на сторону Советов. Савинков, крупный политический деятель из партии эсеров, создал на территории Польши центр российской политической эмиграции – так называемый Российский эвакуационный комитет, который занимался в том числе и антибольшевистской разведывательной деятельностью. Его финансовую поддержку осуществлял II Отдел Генштаба Войска Польского. В результате операции «Синдикат» советской контрразведке удалось заманить Савинкова в Россию и арестовать. В прессе же сообщалось, что он добровольно перешел на сторону большевиков. Поэтому II Отдел признал необходимым убрать из списка «317» ряд лиц из числа савинковцев, арестованных в СССР.

12 августа 1925 г. прошло заседание Министерства труда и социальной опеки по техническим и организационным аспектам обмена пленными. Организацией обмена занимался также II Отдел Генштаба Войска Польского. Последний особенно интересовался получением своих бывших агентов. В ночь с 31 января на 1 февраля 1925 г. в Колосове на железнодорожном переезде произошел обмен по списку «67–208». Политические структуры СССР продолжали провокации. Так, ГПУ скомпрометировало ксендза Уссаса (обвинение сексуального характера), и в мае 1927 г. подобное абсурдное обвинение предъявило ксендзу П. Хомичу, который был отправлен на Соловки. Автор называет действия советской стороны «пропагандистским спектаклем» (1, с. 227). Продолжая преследовать духовенство, советские органы в августе 1927 г. арестовали в Ленинграде еще трех ксендзов и приговорили их к пятилетнему заключению. Вскоре в Минске был арестован епископ Б. Слоскан и много других священнослужителей. В то же время Кремль интересовался коммунистами, осужденными в Польше за антигосударственную деятельность, в частности членами белорусской рабоче-крестьянской партии «Громада». В 1928 г. руководство последней было осуждено на длительные сроки заключения.

В августе 1932 г. были приняты два последних списка персонального обмена. Было решено, что польская сторона дополни-

тельно получит ксендза Т. Скальского. Проходили также переговоры о выезде семей пленных, который был разрешен в начале 1933 г.

С середины 1930-х годов посольство Польши в Москве и консульские представительства в СССР ходатайствовали об обмене пленными, но эти попытки привели лишь к улучшению условий содержания заключенных. Подобные действия предпринимались, в частности, главой генерального консульства Польской Республики в Минске В. Оконьским в отношении ксендзов В. Кунды и В. Томашевского (1, с. 257).

В заключение В. Матерский пишет, что, используя институт персонального обмена, Польша и СССР де-факто подрывали собственную безопасность (1, с. 259). Безусловно, данная деятельность носила гуманитарный характер, но ее цена была высока. Эта деятельность привела фактически к ликвидации католической церкви в СССР, создала трудности для тех, кто в результате обмена оказался в чужой стране, ослабила кадровый состав Коммунистической партии в Польше. Коммунистов ждали сталинские репрессии, так как их считали «засланными» в СССР агентами. Почти все биографии прибывших в Страну Советов польских коммунистов, пишет В. Матерский, «заканчиваются приблизительно в 1937 г.» (1, с. 268).

Еще одна книга В. Матерского (2) представляет собой публикацию документов по проблеме обмена политическими заключенными между Польшей и Советским государством по именным спискам. Материалы были почерпнуты автором из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива новых актов в Варшаве, Отдела рукописей Публичной библиотеки Варшавы и других источников. Книга снабжена списком документов и именным указателем.

Во введении В. Матерский подчеркивает, что и Польша, и советская сторона выдавали своих преступников, согласно договоренностям, но это не было делом первостепенной важности. Тем не менее они стремились узнать общественное мнение о юридическом аспекте обмена преступниками, ряд которых стороны непременно хотели получить. Советское государство выдвигало претензии на главных польских коммунистов, диверсантов и разведчиков. Проблематика эта остается малоизученной, поэтому публикация документов по ней имеет важное значение. Обмен пленными начался в годы советско-польской войны и претерпевал изменения в

течение межвоенного периода. В 1918–1920 гг. обмен осуществлялся через военные институты, а затем – Красный Крест.

Проблемы обмена по именным спискам обсуждались еще в июле 1919 г. в Беловежской пуще в ходе тайных польско-советских переговоров. Об этом говорится в опубликованных В. Матерским фрагментах дневника Ю. Мархлевского¹. Было решено обменять советских заложников на задержанных красноармейцами польских коммунистов (2, с. 21). Следующий этап переговоров прошел в ноябре 1919 г. в Микашевичах. Его итоги отражены в приведенном Матерским отрывке из соглашения от 9 ноября 1919 г. между Польским обществом Красного Креста и Российским обществом Красного Креста по обмену гражданскими пленными (2, с. 22–23). Речь шла о транспортировке гражданских пленных в район указанной демаркационной линии. Стороны договорились о ликвидации проблемы заложников посредством применения термина «гражданский пленный» к арестованным лицам всех категорий (2, с. 22). Одним из первых примеров обмена лиц по именным спискам стало освобождение приговоренного к смертной казни могилевского архиепископа Эдварда Роппа в обмен на согласие транзитного Переезда из Германии через Польшу в Россию социал-демократа, члена ЦК РКП(б) Карла Радека.

Однако советские представители не считали, что соглашение с поляками принесет необходимые результаты. Ф.Э. Дзержинский и Г.В. Чicherin писали по поводу договора с поляками В. Коппу и С. Бродовскому следующее: «Заключенный Вами договор не гарантирует освобождения самых важных для нас. Согласны [на] персональный обмен» (цит. по: 2, с. 26). Уже 15 ноября В. Копп прислал первый список коммунистов для персонального обмена (2, с. 27). Поляки же представили списки, в которых значились в основном военнопленные и лица, арестованные «за социальное происхождение» (2, с. 31–33, 36, 40–41 и др.). Для того чтобы в кратчайшие сроки получить желаемых людей, советская сторона попыталась оказать давление на Польшу, создав трудности в деле массовой депатриации и обмена пленными (2, с. 48–49, 75). Поляки в ответ задержали отправку советской стороне наиболее важных для нее лиц (2, с. 41–42, 47, 50).

¹ Мархлевский Юлиан (1866–1925) – один из руководителей польского пролетариата; в 1920 г. – председатель Временного ревкома Польши; создатель Международной организации помощи борцам революции (МОПР). – Прим. реф.

Польские власти изначально настаивали на том, чтобы выдававшиеся России пленные сразу лишались польского гражданства (2, с. 38–39, 64–70, 76). Однако это требование вызывало разные суждения на протяжении всего межвоенного периода, и сторонам так и не удалось выработать единую позицию по нему.

Формальную основу обмена пленными создал подписанный в Риге 24 февраля 1921 г. Дополнительный протокол к Договору о репатриации (2, с. 39–40). После заключения Рижского мирного договора данной проблемой занимались смешанные польско-российско-украинские комиссии по вопросам репатриации. Но с польской стороны реальное влияние на вопрос об обмене пленными оказывали Министерство внутренних дел, военное министерство и Министерство юстиции. О реализации этой дипломатической линии обмена говорят опубликованные Матерским документы, разработанные указанными министерствами совместно (2, с. 52, 163–167). Кроме того, соответствующие постановления издавал Совет Министров Польской Республики (2, с. 79, 127, 196–198, 215).

Противоречивость принципов обмена повлекла за собой разного рода конфликты. Так, например, поляки должны были считаться с позицией польской католической церкви, которую эта проблема очень интересовала (2, с. 35, 140–141, 158–160 и др.), а также с позицией Ватикана (2, с. 223, 228–229). Иногда проблема выдачи конкретного лица из-за ее неоднозначности обсуждалась годами, как было, например, с выдачей ксендза Теофила Скальского. Осенью 1924 г. была ликвидирована смешанная комиссия, а вопрос об обмене пленными перешел в компетенцию дипломатических представительств сторон.

Для советской стороны обмен по именным спискам означал приобретение ценных кадров – образованных и прокоммунистически настроенных людей, которые могли пополнить структуры Коминтерна, Профинтерна и т.д., а также занять места, где требовалось знание польского языка (пресса, разведка, радиопропаганда и др.). Деликатной проблемой для Кремля было то, что в Советское государство попадали главным образом польские евреи, которые затрудняли советской пропаганде создание образа польского национального коммунистического движения (2, с. 253–255). Министры иностранных дел Польши занимали по вопросу о персональном обмене разные позиции, но все они желали его продолжать. Обмен был финалом карьеры агентов разведки обеих стран, чьи дела редко заканчивались в суде, чаще – на пограничных пунктах обмена (2, с. 96–97, 142).

Последние документы сборника, приведенные под латинскими литерами, представляют собой отрывки из воспоминаний лиц, подлежащих обмену. Здесь опубликованы, в частности, воспоминания ксендза и дипломата Б. Уссаса, вернувшегося в Польшу в 1926 г., епископа г. Каменец-Подольский П. Маньковского, коммунисток Т. Федер-Мандалиан и Э. Розенталь-Шнейдерман, ксендза Т.А. Скальского (2, с. 246–257).

O.B. Бабенко

Симонова Т.М.

**СОВЕТСКАЯ РОССИЯ (СССР) И ПОЛЬША:
РУССКИЕ АНТИСОВЕТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
В ПОЛЬШЕ (1919–1925). – 2-е изд. – М.: Квадрига:
Зебра Е, 2013. – 368 с.
(Реферат)**

В монографии известного российского историка, в. н. с. Института военной истории МО РФ, канд. ист. наук Т.М. Симоновой исследуются основные причины и обстоятельства создания «отряда русских беженцев» в контексте внешнеполитического курса руководства Польской Республики, особая роль французской военной миссии в Польше, сотрудничество польского военного руководства с «белыми» армиями в России в период Гражданской войны. Исследование написано на основе широкого круга источников, прежде всего неопубликованных архивных материалов.

Реферируемая книга состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложений. Во введении автор пишет, что после Первой мировой войны была создана новая система международных отношений – Версальская, ключевым звеном которой стала Польская Республика. Согласно договоренности о разделе сфер влияния в Европе от 23 декабря 1917 г. Англия вкладывала средства в государства Прибалтики, а Франция – в военное и политическое укрепление Польши. В декабре 1919 г. союзники отказались от прямой интервенции в Россию и явной поддержки антисоветских элементов, но решили поддерживать Польшу, чтобы сдерживать Германию.

Военное командование стран Антанты разрабатывало планы тесного взаимодействия формировавшейся тогда польской армии с русской Белой армией. Автор отмечает, что «польская военная элита с самого начала процесса формирования в Прибалтике анти-

советских регулярных отрядов включилась в него, оказывая им поддержку под руководством французской и британской военных миссий в Польше и Прибалтике» (с. 6).

Англия и Франция рассматривали Польшу как ключевое звено в «проволочном заграждении» вокруг большевистской России, которое должно было затормозить установление политических и военных отношений между Россией и Германией. В этом выражалась внешнеполитическая и стратегическая линия французской дипломатии и военного ведомства, которую прочертит премьер-министр и министр обороны Франции Ж. Клемансо на совещании у британского премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа 12 декабря 1919 г. У поляков же была собственная внешнеполитическая программа, которая представляла собой план расширения государственных границ «от моря до моря», разработанный Ю. Пилсудским. Пилсудчики исходили из того, что «народы, бывшие в Российской империи под гнетом царизма, а в Советской России – под гнетом большевиков, должны завоевать национальную свободу и войти в союз свободных (демократических) народов во главе с Польшей, которая станет решающим фактором на востоке Европы. Украина, Белоруссия и другие пограничные республики должны будут стать буфером, предохраняющим Польшу от угрозы со стороны России» (там же).

Идея создания на польской территории антисоветских отрядов принадлежала У. Черчиллю, а польское военное руководство проделало «совершенно секретную работу» по формированию «отряда русских беженцев». Данная работа велась под руководством французской военной миссии в Польше в условиях советско-польской войны; «ее интенсивность, – пишет автор, – напрямую зависела от положения на фронте» (с. 8).

Первая глава посвящена процессу создания русских антисоветских формирований в Польше. С марта 1918 г. Советская Россия по условиям Брест-Литовского мирного договора отказалась от вмешательства во внутренние дела оккупированных Германией территорий, в том числе и польских. 29 августа 1918 г. В.И. Ленин подписал декрет об аннулировании договоров и актов Российской империи, касающихся разделов Польши. В августе 1918 г. германское командование дало разрешение на формирование в районе Пскова добровольческого корпуса из офицеров бывшей русской императорской армии и добровольцев. Вербовочные пункты были открыты в Риге, Елгаве, Лиепае, Митаве, Юрьеве и Ревеле. В результате был сформирован Русский Псковский корпус.

В годы советско-польской войны командование Польши вело переговоры с Белой армией по вопросу о координации совместных действий против большевиков. В начале 1920 г. в Польшу приехал Б.В. Савинков, который встречался в Бельведере с Ю. Пилсудским. На этой встрече было достигнуто соглашение по вопросу о создании в Польше русских военных отрядов. Как отмечает автор, «было решено на средства польского военного министерства создать политический отдел – координационный центр по их формированию» (с. 46). Политический отдел должен был находиться в тесном контакте с польским правительством, правительствами союзных Польше государств, с военными и дипломатическими представительствами Англии и Франции.

На тот момент на территории Польши уже находился контингент русских отрядов – Отдельная русская армия генерал-лейтенанта Н.Э. Бредова. С армией Бредова в Польшу прибыло в общей сложности до 30 тыс. человек. Среди них беженцы из-под Одессы, отряд немцев-колонистов, отряд Спасения Родины, некоторые части гарнизона Одессы и ее окрестностей, отряды пограничной и полицейской стражи. Большой процент беженцев составляли уроженцы Белоруссии и Польши (с. 49). Другим формированием со значительным русским компонентом на территории Польши в этот период времени был партизанский отряд генерала С. Булак-Балаховича. Третьей, самой значительной группой, стали офицеры и солдаты бывших белых Северо-Западной и Северной армий Н.Н. Юденича и Е.К. Миллера, интернированные в Эстонии и Латвии.

Ю. Пилсудский публично заявлял, что ведет войну не против России, а против большевиков. Он был убежден в том, что власть последних скоро падет, а новая Россия будет строиться на основе свободного соглашения самостоятельных государств, к которому примкнут Финляндия и Польша. Таковы были федеративные идеи Пилсудского.

20 июня 1920 г. русские, находившиеся в Польше, признали верховную власть Врангеля. А 23 июня Пилсудский «дал официальное согласие на формирование отдельного русского отряда на польской территории» (с. 59). Интересно, что сам Врангель считал «формирование русских отрядов в Польше вредным для белого дела» (с. 60).

С целью вовлечения белогвардейцев в русские отряды в Польше проводилась пропагандистская работа. Так, организацией работы по агитации армии Бредова в «русские отряды беженцев» в польских лагерях руководил исполняющий обязанности началь-

ника II отдела Генштаба Польши Б. Медзинский. На цели вербовки добровольцев только от французской военной миссии в Риге было получено более 20 тыс. американских долларов. На дело организации вербовочной работы в Прибалтике и Финляндии было истрачено более 70 тыс. финских марок, более 5 тыс. американских долларов, более 4 тыс. германских марок, 8600 французских франков. 28 июля Русский политический комитет заключил соглашение с представителями русских формирований «по границе Латвийской республики и территории Псковской и Витебской губерний», после чего приток добровольцев в Польшу увеличился (с. 71).

Итоги работы агитаторов были весьма заметными. К 29 июля 1920 г. в Эстонии было сформировано 23 эшелона добровольцев – более 7 тыс. бывших военнослужащих Северо-Западной армии. Их вывозили под руководством генерал-майора Л.А. Бобошко. Автор предполагает, что к сентябрю 1920 г. из Эстонии в Польшу «выехало в общей сложности 9–10 тыс. бывших военнослужащих Северо-Западной армии» (с. 71).

Польское командование вынашивало планы использовать русских в боях против Красной армии, но эти планы противоречили интересам генерала Брангеля, который принял решение о подчинении русского отряда в Польше себе и о его переправке на Южный фронт. Пилсудский же принял решение о подчинении русского отряда польской Главной квартире, и генерал Бобошко получил приказ о выходе на фронт. Однако он ответил отказом, аргументируя это тем, что русские военные еще не полностью вооружены и экипированы. Автор отмечает, что «с мнением русских генералов военному командованию Польши приходилось считаться» (с. 78).

Союз польской и Российской демократий против большевизма не состоялся. Польское руководство не могло пойти на тесное сотрудничество с белогвардейцами «ввиду противоположности geopolитических претензий сторон» (с. 103). Ведь чины Белой армии не представляли себе иной России, кроме как в государственных границах Российской империи. А в августе 1920 г. ситуация на советско-польском фронте изменилась, и польской армии потребовалась поддержка со стороны русских отрядов. Однако попытки Б. Савинкова убедить англичан и лидеров русской эмиграции в Париже оказать Русскому политическому комитету «материальную помощь на организационные цели результатов не дали» (с. 73).

Во второй главе рассматривается пребывание русских беженцев (из интернированных антисоветских формирований) в польских концентрационных лагерях (ноябрь 1920 – ноябрь 1921 г.).

30 сентября Б. Савинков сообщил Булак-Балаховичу о решении польского правительства и военного командования применить к бывшим добровольческим формированиям из русских беженцев «особый режим», т.е. считать их «свободными людьми», а остальных интернировать в польских концентрационных лагерях. Савинков подчеркивал, что именно он настоял на применении режима интернирования ко всему контингенту антисоветских формирований. Данное пожелание учло польское военное командование, что нашло отражение в принятии им соответствующего решения. Все интернированные лица получили статус беженцев.

Интернированных разместили в ряде лагерей, в частности военные армии генерала Пермикина попали в лагеря в Торуни и Лукове, дивизии есаула Яковлева – в лагерь в Сосновце, военные части генерала Булак-Балаховича – в лагерь в Щепёрно и т.д. Всем военным подразделениям разрешалось сохранить строевое и военное деление. В лагерях были созданы «районы», назначены их начальники. В каждом «районе» назначались комендант, дежурный офицер и интендант. Последний принимал и распределял продукты, сдавал оружие, регистрировал женское население лагерей и прочее. 26 декабря 1920 г. был утвержден состав Особой комиссии, которая ведала учетом имущества бывших армий, вопросами содержания больных и раненых в госпитале, устройства семейных лиц, увольнения из армии и проверкой отчетности, устанавливала нормы денежного содержания интернированных. Для общего руководства всем контингентом интернированных антисоветских формирований были созданы Военный совет по делам интернированных и Управление по делам интернированных, которое первоначально возглавил Б. Савинков. Во всех лагерях начали создаваться курсы и школы для занятий с солдатами и офицерами. Были избраны суды чести. Специальная комиссия занималась проверкой лиц, подлежащих удалению из состава армии (грабители, мошенники, спекулянты и т.д.). По приблизительным данным польской стороны, в начале 1921 г. количество русских беженцев в Польше составляло 300 тыс. человек, военнопленных красноармейцев – до 70 тыс. человек, интернированных солдат и офицеров бывших армий Булак-Балаховича и Пермикина – 15 тыс. человек (с. 119).

В начале 1921 г. в Польше было создано польское отделение общественной организации Российской земско-городской комитет помоши беженцам (Земгор). Польское отделение Земгора выполняло продовольственные задачи, работало по линиям санитарной, трудовой и культурно-просветительной помощи. Данной органи-

зацией была очень остро поставлена проблема исследования положения русских в Польше. Особенно это касалось заключенных. И действительно, санитарное состояние многих лагерей и госпиталей было неудовлетворительным, нормы выдачи продуктов нигде не соблюдались. Автор отмечает, что «режим наибольшего благоприятствования польская военная власть применяла только к казачьим формированиям» (с. 123).

Т.М. Симонова приводит следующий пример решения лагерных проблем. Так, ситуация со всплеском заболеваемости тифом в лагере Щепёрно была улажена только после вмешательства французской миссии. Его посетил французский майор медицинской службы Радули, отметивший «неудовлетворительное состояние» лагеря. В связи с этим штаб польской армии в Познани издал соответствующий приказ, и в лагере была проведена дезинфекция как бараков, так и заключенных.

С июня 1921 г. на содержание интернированных в лагерях средств из польского бюджета не поступало. Материалы II Отдела Генштаба Войска Польского свидетельствуют о том, что интернированные стали ощущать сильный недостаток в снабжении. С июля того же года была прекращена выплата пособий. Лишь в октябре 1921 г. офицеры получили по 650 польских марок в качестве «подарка от генерала Врангеля» (с. 177).

Третья глава посвящена амнистии рядовому составу антисоветских формирований и депатриации амнистированных беженцев (ноябрь 1921–1924 гг.). Жизнь русских интернированных в Польше пытались улучшить некоторые благотворительные организации. Так, например, Христианская ассоциация молодых людей в лагере Тухола и ряде других лагерей создавала разного рода формы занятости и досуга. В Тухоле, например, были созданы две футбольные команды, а в Пикулице – художественная студия, кинематограф, типографии, печатавшие журналы и газеты. Однако пребывание простых русских людей в Польше в целом благополучным не было. Жизнь и труд русских рабочих не регламентировались никакими правилами и нормами, условия договоров не выполнялись, зарплатки выплачивались далеко не всегда. Более того, русские командиры и польская администрация часто превышали свои полномочия. Спасением для русских, оказавшихся в Польше, стал декрет ВЦИК «Об амнистии» от 4 ноября 1921 г. Полная амнистия коснулась лиц, участвовавших в военных организациях Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Петлюры, Булак-Балаховича, Перемыкина и Юденича «в качестве рядовых солдат, путем обмана или

насильственно втянутых в борьбу против советской власти» и находившихся на момент подписания декрета в Польше, Румынии, Эстонии, Литве и Латвии (с. 199). Амнистия распространялась только на солдат со званием не выше унтер-офицера. С амнистированными на родину могли вернуться жены и дети, а также престарелые и нетрудоспособные родители. Приемные пункты для репатриантов были организованы в Петрограде, Смоленске, Киеве, Одессе и Новороссийске. Амнистия не распространялась на деятелей антисоветских политических партий, допускались суровые наказания для беженцев, проявивших за границей свое несочувствие к советской власти. Эвакуация амнистированных «проходила в условиях постоянного недофинансирования, недостатка продовольствия и обмундирования» (с. 224). Она продолжалась с переменным успехом до 1 июля 1923 г. Автор пишет, что «о судьбах вернувшихся в рамках репатриации в Россию пока почти нет информации ввиду закрытости для исследователей профильного архива» (с. 256). На основе доступных материалов Т.М. Симонова выяснила, что из Польши выезжало 50–75 человек в неделю. По данным на 15 сентября 1923 г., в Советский Союз вернулось около 8 тыс. человек, из которых 3 тыс. были отправлены в УССР, остальные – в РСФСР. После этого «заявления на въезд в СССР рассматривались в индивидуальном порядке через консульские структуры советских представительств (посольств)» (с. 266).

В заключение Т.М. Симонова пишет, что «создание антисоветских формирований на территории Польши по замыслу руководства Антанты должно было усилить позицию Польской Республики в качестве ключевого звена в «заборе» вокруг Советской России» (с. 288). Работа по созданию «отряда русских беженцев» велась под руководством французского командования. Особую роль в этом процессе сыграла французская военная миссия в Польше под руководством А. Нисселя. К тому же план создания антисоветских формирований вписался в федеративный план Ю. Пилсудского. На роль руководителя процесса создания данных формирований У. Черчилль избрал Б.В. Савинкова – неоднозначную политическую фигуру, человека, занимавшего в то время лидирующую позицию в правительстве А.В. Колчака в Париже.

Автор приходит к выводу о том, что «попытка государств Антанты, в первую очередь Франции, использовать разношерстный русский военный и человеческий потенциал на территории Польши в рамках расширения ее влияния на Востоке Европы была обречена на провал, т.к. с середины 1924 г. на европейском континенте уси-

лили свое влияние американские промышленники и финансисты в рамках “плана Дауэса” – плана возрождения Европы» (с. 293). Внешняя политика пришедших к власти в конце 1923 г. английских лейбористов была нацелена на юридическое признание СССР, которое состоялось в августе 1924 г. Но уже в ноябре 1924 г. лейбористов сменили консерваторы, политика которых имела целью создание антисоветского блока в составе Финляндии, балтийских государств, Польши и Румынии. С целью осуществления этой задачи страны Антанты «сменили прежние, не оправдавшие себя методы укрепления Польского государства и других государств, граничивших с СССР, на более эффективные» (с. 294).

Приложения к книге представляют собой публикации документов дипломатического и военного характера, а также писем из российских архивов – Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА) и др. Среди этих документов доклад в отдел Запада НКИД из Ковеля о деятельности французской военной миссии в Литве (сентябрь 1920 г.), сообщение Л.Б. Красина об отношении правительства Англии к армии П.Н. Врангеля (11 июня 1920 г.), письмо главнокомандующего польской армией, генерал-поручика К. Соснковского Б.В. Савинкову (10 июля 1920 г.), отчет генерала Л.А. Бобошко Русскому политическому комитету о ходе формирования Русского отряда (15 сентября 1920 г.) и др.

О.В. Бабенко

О.В. Бабенко

**ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1924–1928 гг.:
ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К СОТРУДНИЧЕСТВУ. – М.:
МГУ им. М.В. Ломоносова: РАН. ИНИОН, 2007. – 224 с.
(Реферат)**

В монографии н. с. ИНИОН РАН, канд. ист. наук О.В. Бабенко исследуются особенности складывания польско-советских отношений в 1924–1928 гг. в контексте международных отношений рассматриваемого периода. Основное внимание автор уделяет как «открытой дипломатии», т.е. официальной политике двух государств, так и неофициальным переговорам их представителей. Нижняя хронологическая граница исследования – 1924 г. – год признания СССР де-юре западными странами. Верхняя хронологическая граница – 1928 г., с которого начался длительный перерыв в выстраивании отношений между Советским Союзом и Польшей.

Монография состоит из введения, четырех глав («Изменение международной ситуации в 1924 г. и польско-советские отношения», «Польско-советские переговоры о заключении пакта о ненападении (январь – июль 1925 г.)», «Локарнские соглашения и их влияние на международное положение Польши и СССР», «Развитие польско-советских отношений в постлокарнский период (1926–1928)»), заключения и библиографии. В центре внимания О.В. Бабенко находится, в частности, рассмотрение тех условий, которые способствовали переходу как советской, так и польской стороны от «враждебности и взаимной подозрительности к конструктивному сотрудничеству» (с. 8). Актуальность выбранной темы обусловлена также преобладанием политизированных оценок ряда проблем польско-советских взаимоотношений в период между двумя мировыми войнами. Автор использует большое количество

источников как из советских, так и польских архивных фондов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Польша и СССР являлись частью Версальской системы международных отношений, созданной в 1919–1920-х годах по результатам Первой мировой войны. И Польша, и Советский Союз были молодыми государствами по сравнению, к примеру, с Великобританией и Францией, которые являлись в рассматриваемый автором период «дирижерами» международной политики. СССР также руководствовался в своей внешней политике необходимостью преодолеть международную изоляцию, в которой он оказался в связи с революцией и Гражданской войной в России.

Ключевым во внешней политике Польши в 1920-е годы становится выстраивание отношений с Германией и Советским Союзом. Польско-германские отношения, отмечает автор, строились на основе Версальского договора. В частности, Польша пыталась отстаивать незыблемость положений договора, в особенности касавшихся ее территориальных интересов (Верхняя Силезия, Данцигский коридор). СССР был своего рода «гигантом», расположившимся к востоку от Польши, и отношения с ним, по замечанию автора, «характеризовались взаимным недоверием и подозрительностью» (с. 25). Германия и Советский Союз превосходили Польшу по территории, населению, уровню развития промышленности и военному потенциалу, именно поэтому Польша в основном ориентировалась на избежание конфликтов с обеими странами.

Польша являлась своего рода «буферной зоной» между Германией и СССР и потому стремилась обеспечить себе роль гегемона в центрально-европейском и прибалтийском регионах. Осознанию себя в этой роли немало способствовало заключение польско-французского договора и дополнения к нему – Парижского протокола (ноябрь 1924 г.). В свою очередь европейские страны, пишет автор, были заинтересованы в Польше как в одном из главных звеньев выстраиваемой ими системы, нацеленной на сдерживание возможной экспансии Советской России и ограничение контактов СССР с Германией (с. 28). В частности, предпринимались шаги по созданию Балтийского союза с участием Польши, Эстонии, Латвии, Литвы и Финляндии (с. 29).

Важнейшим направлением во внешней политике Польши в 1920-е годы было выстраивание собственной системы безопасности, поскольку ни один из договоров, заключенных с рядом центрально-европейских государств (Румынией, Чехословакией), не обеспечивал Польше уверенности в их поддержке в случае военной угрозы.

В глазах западных стран Польша также была не равноправным партнером, а лишь инструментом для конструирования буферной зоны между СССР и Германией, их политика в отношении Польши отличалась неоднозначностью и непоследовательностью. Таким образом, Польша должна была найти такую тактику в своей внешней политике, которая, по выражению О.В. Бабенко, «обеспечила бы ей безопасность на всех направлениях» (с. 31).

В первые годы существования независимой Польши в правительстве преобладало влияние «пилсудчиков». Их политика была антироссийской, поскольку Советский Союз в этот период считался главным врагом Польши. Из трех планов потенциальных войн, разработанных этим правительством (план “N” – война с Герmaniей, план “R” – война с СССР, план “N+R” – война на два фронта), наиболее вероятной считалась перспектива войны с СССР (с. 33). К тому же поляки были убеждены в том, что советский Генеральный штаб имеет план наступления на Польшу. Начальник II Отдела Генштаба Польши И. Матушевский говорил военному министру К. Соснковскому следующее: «Положение в Советской России, согласно полученным местными разведывательными структурами сведениям, кажется очень опасным и указывает на возможность, если не на очевидность наступательной войны со стороны этого государства» (цит. по: с. 33).

Отношение польских властей к СССР во многом определялась установившимся там большевистским режимом: подобно западным странам, Польша опасалась роста советского влияния в странах Азии, Африки и Латинской Америки, являвшихся для Европы основными рынками сбыта.

Что касается Советского Союза, то он своим главным партнером в 1920-е годы видел Германию. Во-первых, это государство первым признало СССР де-юре, во-вторых, Советский Союз не доверял странам Антанты, исключившим его из Версальско-Вашингтонской системы (с. 40). Отношение Польши к СССР в это время видно по действиям польских дипломатов, которые в начале 1920-х годов пытались убедить власти Англии, Франции и США не признавать юридического существования Советского Союза, дабы не разрушить сложившуюся систему международных отношений (с. 46). Такая реакция Польши объяснялась двумя причинами: идеологическим неприятием большевизма и территориальными спорами между Польшей и СССР (вопрос о статусе Восточной Галиции). Тем не менее в официальных заявлениях Варшавы признание СССР де-юре было оценено положительно. Одной из при-

чин противоречивой реакции Польши на юридическое признание СССР было желание экономически слабой Варшавы получить финансовую помощь от Англии. Поэтому Варшава «пыталась следовать ее политике, которая после прихода к власти лейбористского правительства в январе 1924 г. была направлена на улучшение отношений с СССР» (с. 47).

С первой половины 1924 г., пишет автор, начали происходить сдвиги в польско-советских отношениях, спровоцированные переориентированием некоторых кругов польского общества (демократических, торгово-промышленных) на улучшение отношений с Советским Союзом и ослаблением авторитета «пилсудчиков» (с. 48–49). Некоторые негативные нотки в этот процесс были внесены с назначением на пост министра иностранных дел Польши А. Скшиньского, который рассматривал свою страну в качестве посредника между СССР и западными государствами. В СССР, очевидно, это мнение не разделяли и в посредниках особой потребности не испытывали. Однако новым стимулом к сближению с Советским Союзом стали решения, принятые западными державами на Лондонской конференции 1924 г., не устраивавшие Польшу и, в частности, того же А. Скшиньского (с. 57). В результате обмена письмами глав иностранных ведомств обеих стран было озвучено взаимное желание к урегулированию пограничных конфликтов. А основой польско-советского сближения, как отмечает автор, «могла стать антигерманская политика» (там же).

Тем не менее стремление Германии с 1924 г. договориться с западными странами и вступить в Лигу Наций подстегнуло СССР к дальнейшему сближению с Германией, которая с энтузиазмом восприняла соответствующее предложение советской стороны. Рычагом «нажима» был избран, пишет автор, «антипольский аспект», в силу того что «обе стороны имели известные претензии к Польше» (с. 64). В 1924 г. проводились польско-советские переговоры, о которых была поставлена в известность Германия. Однако единственным «шагом вперед» в отношениях между Польшей и СССР стало урегулирование проблемы пограничных конфликтов, закрепленное соглашением от 3 августа 1925 г. (с. 94). Германия же, воспользовавшись финансовым и политическим кризисом в Польше осенью 1925 г., предприняла попытку сохранить за собой право ревизии польско-германской границы. На Локарнской конференции, проходившей 5–16 октября 1925 г., не были даны гарантии границы Германии с Польшей. А глава немецкого МИДа Г. Штреземан планировал в будущем осуществить свои реваншист-

ские стремления, в частности заполучить польские Верхнюю Силезию и Данцигский коридор. В результате к концу года Польша оставалась «заложницей» своего географического положения между двумя крупными соседями – Германией и СССР, наращивавшими свое сотрудничество друг с другом.

Успешное завершение польско-советских переговоров не наступило и в следующем, 1926 г., что, по мнению автора, было связано с международной обстановкой, различиями во взглядах двух стран на политическое устройство и концепцию безопасности в Европе, а также с тем, что выстраивание отношений с Германией было в это время для СССР приоритетной задачей (с. 157).

В июне 1927 г. польско-советские политические переговоры были прерваны в связи с убийством в Варшаве советского полномочного представителя в Польской Республике П.Л. Войкова. Убийцей был сын белогвардейца, российский эмигрант 19-летний Борис Коверда. Польское правительство старалось сгладить трагический инцидент. Тело Войкова было с особыми почестями отправлено в Москву специальным поездом в сопровождении представителей президента и правительства Польши, МИД Республики и трех родов войск. Однако это никак не отразилось на официальной позиции Москвы по делу об убийстве советского полпреда. Нежелание поляков всесторонне расследовать преступление вызвало очередное напряжение в двусторонних отношениях. Инцидент, вызванный убийством Войкова, «закончился тем, что польская сторона обязалась ограничить деятельность белогвардейских организаций на своей территории» (с. 188).

В 1928 г. отношения Москвы и Варшавы по-прежнему были весьма напряженными. СССР выдвинул обвинения в шпионаже против ряда сотрудников польских консульств в стране, а отказ советской стороны «отсрочить судебный процесс по делу группы польских граждан, обвиненных в антисоветской деятельности», считает автор, способствовал тому, что в 1928 г. диалог между Польшей и Советским Союзом был прерван и не возобновлялся вплоть до августа 1931 г. (с. 195).

T.K. Сазонова

О.В. Бабенко

АЛЕКСАНДР СКШИНЬСКИЙ КАК ПРОВОДНИК ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬШИ 1920-Х ГОДОВ (Реферативный обзор)

Восточная политика Польши формировалась не только в МИДе, в частности видным дипломатом, министром иностранных дел Польской Республики в середине 1920-х годов Александром Скшиньским, но и в правительстве, а также главой государства. Тем не менее А. Скшиньский, безусловно, был ее проводником. Как писал один из главных пилсудчиков В. Енджеевич, А. Скшиньский – «это, без сомнения, наш лучший министр иностранных дел» (цит. по: 8, с. 8). А дипломат Я. Стажевский утверждал, что Скшиньский «придал польской политике в переходный период ясный и последовательный характер» (там же).

Жизнедеятельность Александра Скшиньского слабо освещена в современной научной литературе. Исследование его биографии затруднено тем, что он, полностью посвятив себя дипломатии, «не оставил практически никаких записок либо писем» (8, с. 13). Следует выделить его единственную строго научную биографию, написанную известным польским историком-эмигрантом, почетным доктором Сорбонны, директором Польского научного института в США Петром Вандычем (8). Некоторые сведения о Скшиньском можно найти также в ряде трудов по внешней политике Польши и польско-советским отношениям межвоенного периода.

Говоря об Александре Скшиньском как о проводнике восточной политики Польши, нельзя обойти вниманием и ее создателя – маршала Юзефа Пилсудского. Пилсудский полагал, что после заключения Рижского мира советское руководство попытается преодолеть внутренние трудности с помощью диверсий в Западной Белоруссии и Западной Украине, поэтому был сторонником полного

подчинения внешней политики Польши своей воле. По мнению Матвеева, Пилсудский сам «оказался невольной жертвой своей восточной политики» (1, с. 295). Проводимые им меры по укреплению армии свели на нет доверие в его отношениях с французами – союзниками Польши. Восточное направление было для него самым важным в начале существования независимого Польского государства, поэтому, как пишет профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р ист. наук Г.Ф. Матвеев, действия Пилсудского на восточном направлении в начале 1920-х годов «были наиболее явными» (2, с. 299).

Восточная политика Польши разрабатывалась, в частности, в кругах, оказывавших влияние на выработку внешнеполитического курса страны пилсудчиков, поскольку они доминировали в органах государственной власти в первые годы существования независимой Польской Республики. Политика последних, так называемый прометеизм (от названия клуба и журнала «Прометей»), была направлена против России, считавшейся врагом номер один. Главная цель пилсудчиков – «разделение Советской России, позже – СССР, по национальным швам, сведение территории России до территории XVI в., а также расширение сферы политического и экономического влияния Польши на востоке путем создания федерации в составе Финляндии, Балтийских государств, Белоруссии, Украины, Крымского и казаческого государств, союза государств Кавказа» (4, с. 47).

Александр Скшиньский не принадлежал к лагерю пилсудчиков, но не мог не считаться с мнением Ю. Пилсудского. Согласно исследованию П. Вандыча, судьба А. Скшиньского складывалась следующим образом. Будущий дипломат родился 18 марта 1882 г. в семье помещика из древнего рода Скшиньских, получившего свое название от местечка Скшинна велической земли. Среди его предков было пять сенаторов-кастелянов. Однако титул графа удалось получить только отцу Александра – Адаму Томашу, депутату галицийского сейма. Впоследствии в МИДе Польши Александра Скшиньского из-за его аристократического происхождения называли «архиграфом», «обвиняли его в сnobизме и пренебрежительном отношении к людям», что вытекало из его «противоестественных “великопаньских” манер» (8, с. 13).

Александр получил среднее образование в Кракове, затем изучал право в трех европейских университетах – Венском, Мюнхенском и Краковском. Специализировался в области международного права. В 1906 г. в Ягеллонском университете Кракова получил ученую степень доктора юриспруденции. Через некоторое

время стал профессором. В 1909 г. начал работать в МИДе Австро-Венгрии. В 1912 г. получил от императора Франца Иосифа I должность камергера.

В начале Первой мировой войны Скшиньский был назначен первым секретарем посольства Австро-Венгрии в Вашингтоне. Но он отказался от этой должности и добровольцем ушел на фронт. Участвовавшего в боях на передовой Скшиньского называли «человеком исключительного мужества» (8, с. 16). Однако он не оставил дипломатическую службу и после окончания войны, в июне 1919 г., стал посланником возрожденной Польской республики в Будапеште.

К 1922–1923 гг. относится первый срок пребывания А. Скшиньского на посту министра иностранных дел Польши. Но уже в 1924 г. после отставки М. Замойского Скшиньский вновь становится министром, а в ноябре 1925 г. оказывается на этом посту в третий раз. Он гордился тем, что был «самым молодым министром иностранных дел» (8, с. 22).

А. Скшиньский сформулировал программные основы польской внешней политики, имел свою точку зрения на международные процессы. Главной целью Скшиньского стало «обеспечение длительного мирного сосуществования народов при гарантировании естественных прав и интересов» (там же, с. 36). С одной стороны, Скшиньский говорил, что его внешняя политика «вышла из американской демократии», с другой – не разделял концепции баланса сил В. Вильсона. При этом польский министр придавал большое значение Лиге Наций, считая, что связи Польши с Лигой «являются очевидными», а Устав Лиги «был актом возрождения Польши» (там же, с. 44).

А. Скшиньский уделял много внимания вопросам национализма и интернационализма, считая их особо важными для международных отношений. В своих выступлениях он говорил, что международная солидарность не противоречит национальному вопросу. Он полагал, что дружеские отношения с другими народами следует строить на основе «общечеловеческих принципов» (там же, с. 46).

Если говорить о Скшиньском как о теоретике восточной политики, то, как пишет Вандыч, министр видел сложное положение Польши между СССР и Германией. Он понимал также, что она может оказаться в ситуации, «когда придется рассчитывать только на собственные силы» (там же, с. 48). На заседании одной из комиссий МИДа Скшиньский прямо сказал: «Боюсь также, что французская политика толкнет Германию в объятья России» (цит.

по: 8, с. 64). Министр не исключал возможность российско-германского соглашения.

В декабре 1922 – мае 1923 г. А. Скшиньский работал в правительстве В. Сикорского. В то время он формулирует задачи польской внешней политики, вытекавшие из международного положения Польши. Своей первой задачей он назвал «получение от западных держав окончательного признания фактически существующей восточной границы Речи Посполитой» (там же, с. 59). Остальные проблемы, такие как отношения с Чехословакией, были для Скшиньского второстепенными. Такая позиция вызвала симпатии к молодому министру его коллег из Министерства иностранных дел.

Начиная работать на должности министра, А. Скшиньский старался прежде всего отметить миролюбие Польши, создать ее благоприятный образ. По мнению Вандыча, подчеркивание Скшиньским «необходимости мира не было риторическим выражением, а указывало на новую программу польской внешней политики и новую концепцию международной ситуации» (там же, с. 63). Говоря о рурском кризисе, министр рекомендовал подразделениям МИДа поддерживать союз с Францией, попытаться упрочить положение Польши как равноправного члена франко-бельгийско-польского союза, а также «избегать всего, что могло бы создать впечатление разрыва с Англией» (там же).

В 1924 г. А. Скшиньский работал в правительстве В. Грабского. В это время внешняя политика Польши находилась в зависимости от внешней политики Франции. Но Скшиньский не считал, что Франция может вовлечь Польшу в войну, как некоторые тогда думали, и подчеркивал «необходимость хороших отношений как с Францией, так и с Великобританией» (там же, с. 83).

А. Скшиньский был автором книги «Польша и мир», в которой из-за причастности к ее написанию политика Ретингера нашли отражение взгляды краковских консерваторов. В ней Скшиньский постарался представить польские проблемы на фоне международных отношений в Европе. Он видел реальную опасность для Польши, исходившую от России и Германии. По его мнению, из творцов Версальской системы только Франция была заинтересована в сохранении статус-кво и по этой причине польско-французский союз был дополнен союзом с Румынией. После того как в начале 1924 г. пост министра иностранных дел занял М. Замойский, Скшиньский был назначен делегатом в Лигу Наций и, благодаря своему давнему интересу к деятельности Лиги, был хорошо подготовлен к работе в ней.

В период подготовки гарантиного пакта для Западной Европы А. Скшиньский также вел активную деятельность. В начале 1925 г. Германия выступила с инициативой заключить соглашение, которое гарантировало бы безопасность Франции, включило бы Германию в систему европейских отношений и должно было устранить угрозу сближения Берлина с Москвой, которого опасалась Англия. Поэтому английский посол в Берлине лорд д'Абернон приписывал себе инициирование предложения Германии, надеясь, что Лондон «станет арбитром между Германией и Францией, а также доминирующим фактором в Европе» (8, с. 119).

Для А. Скшиньского, вновь занявшего в июле 1924 г. пост министра иностранных дел, была очень важна позиция Франции – главной союзницы Польши на переговорах с Германией. Имея в виду политический союз Польши с Францией, он говорил, что конференция по проблеме гарантиного пакта между Францией, Германией и другими государствами Европы без участия Польши «не соответствовала бы сути и духу нашего политического договора» (там же, с. 124). С этого времени польская дипломатия старалась любыми средствами повлиять на Францию. В начале 1925 г. Скшиньский планировал посетить Лондон и провести переговоры с О. Чемберленом, но его инициатива не нашла поддержки в Форин Оффис. Автор считает, что «в этом трудно винить Скшиньского, который старался не упустить ни одного случая, чтобы представить польские тезисы и, насколько это возможно, повлиять на ход событий» (там же, с. 154).

А. Скшиньский был также проводником позиции Польши в преддверии Локарнской конференции. 12 мая 1925 г. в Лондон был прислан французский проект ответа на предложение немецкого министра Штреземана о гарантином пакте. Согласно данному проекту, намечалось «присоединение Бельгии к предполагаемому Рейнскому пакту, признание Германией нерушимости мирных договоров, а также ее обязательство войти в Лигу, наконец, дополнение Рейнского пакта арбитражными договорами с соседями Германии» (там же, с. 158). Речь шла о восточных соседях Германии Польше и Чехословакии. Французский проект вызвал много вопросов и сомнений у Чемберлена. Он, в частности, интересовался, станет ли Великобритания гарантом арбитражных договоров. Французский министр А. Бриан не дал прямого ответа, говоря, что «французское правительство находится в согласии со своими союзниками» (там же). При этом французский посланник в Польше

де Панафье напомнил А. Скшиньскому, что Франция «должна считаться с Великобританией» (8, с. 159).

На последней фазе переговоров Париж вынужден был согласиться дать гарантии только западных границ Германии. Ничего не изменил визит А. Скшиньского в Париж 3–8 июля, где он беседовал с Брианом и генеральным секретарем Кэ д'Орсэ Бертело о будущих локарнских соглашениях. Глава польского МИДа предложил заключить польско-немецкий арбитражный договор одновременно с французско-немецким. Он подчеркивал также «необходимость гармонизации польско-французского союза с французско-английским сотрудничеством» (там же, с. 163). Не принес результатов и визит А. Скшиньского в США, куда он выехал 15 июля. В беседах с американским послом Дж. Стетсоном Скшиньский ограничился заявлением о том, что «хотел бы устраниТЬ все неясности между Польшей и США и оживить взаимные отношения» (там же, с. 164).

В начале сентября 1925 г. Скшиньский проводил переговоры на тему гарантиного пакта с министрами иностранных дел ведущих европейских держав в Женеве. Ему удалось получить подтверждение того, что Польша будет приглашена на Локарнскую конференцию.

П. Вандыч подробно описывает встречу А. Скшиньского с наркомом иностранных дел СССР Г.В. Чичериным. К переговорам с советской стороной Скшиньского склонил французский премьер А. Бриан, заметивший, что «хорошие отношения с Москвой находятся в интересах Польши» (там же, с. 191). Визит Г.В. Чичерина в Варшаву состоялся в сентябре 1925 г. Данному визиту был придан дружественный характер. Он получил широкую огласку, что, по мнению П. Вандыча, «должно было подчеркнуть особое значение этой встречи» (там же, с. 191–192). Скшиньский лично приветствовал Чичерина на вокзале. Его принимали председатели Сейма и Сената, а президент Войцеховский устроил в честь него обед в Спале. На банкете Скшиньский говорил о стремлении к отношениям, «основанным на доверии» и выразил надежду на то, что переговоры закончатся соглашением.

Во время переговоров был затронут прибалтийский вопрос. Скшиньский, с одной стороны, заявил, что в случае советской агрессии в Прибалтике Польша не сможет остаться в стороне, но, с другой стороны, не будет поддерживать агрессивных действий балтийских стран против Москвы. Чичерин объяснил заинтересованность Прибалтийским регионом тем, что он может стать

плацдармом для нападения на СССР и базой британского десанта (8, с. 193).

Разбирая вопрос о союзнических обязательствах Варшавы в отношении Румынии, Скшиньский утверждал, что Польша обязана прийти на помощь Румынии только в том случае, если на нее нападет СССР. Вопрос Чичерина о том, что будет делать Польская Республика, если Румыния нападет на Советский Союз, Скшиньский признал «праздным» (там же, с. 193). Были также затронуты вопросы о российском долге, Виленских архивах и т.д. Скшиньский выразил желание найти компромисс по всем вопросам. Говорилось также о перспективах переговоров по гарантиному пакту, возможном заключении тройственного франко-польско-советского союза и т.д. Сам Чичерин отмечал, что при разговорах о Локарно Скшиньский был очень спокоен и только слова советского наркома открыли перед ним смысл истинной угрозы (там же, с. 194). Таким образом, Скшиньский представляется, согласно данным Чичерина, весьма наивным человеком, что, как считает П. Вандыч, «не соответствовало истине» (там же). Скшиньский, напротив, отдавал себе отчет во всем, а анализ их переговоров, сделанный Чичериным, трудно назвать правдивым. Вандыч полагает, что своим оптимизмом Скшиньский «хотел продемонстрировать веру в западные государства и свое позитивное отношение к приближающимся локарнским переговорам» (там же, с. 194).

Г.В. Чичерин находился в Варшаве проездом в Берлин, а варшавские переговоры носили для него тактический характер. Накануне конференции по гарантинным соглашениям А. Скшиньский говорил английскому посланнику в Варшаве Макс-Мюллеру, что его переговоры с Чичериным «не имели целью поссорить Польшу с Германией» (там же, с. 194).

6 ноября 1925 г. Скшиньский во главе польской делегации выехал в Локарно. С первого дня прибывания в Швейцарии он начал очень активно работать. Сразу после приезда он провел переговоры с Брианом, на следующий день долго беседовал с О. Чемберленом, а затем опять с Брианом. Чемберлен заверил Скшиньского в том, что наладившиеся польско-советские отношения не помешают переговорам в Локарно и что Великобритания «заинтересована в стабилизации в Восточной Европе» (там же, с. 198).

Накануне парирования локарнских соглашений Скшиньский был настроен оптимистично. Ведя свою дипломатическую игру, он говорил, что в подготовленных документах отражены все необходимые Польше гарантии безопасности, упрочен союз Польши

с Францией, а польская внешняя политика «получила в Локарно юридические и материальные выгоды для народа и, гарантировав мир, открывает возможности для кредита» (8, с. 205).

Многие историки считают, что Локарно было поражением польской дипломатии, поскольку союз Польши с Францией был ослаблен, а гарантiiй безопасности Варшава не получила. Польский историк Т. Котловский (Познанский университет) пишет, что одним из главных элементов немецкого проекта договора была «возможность ревизии восточных границ» (6, с. 179). Известные польские историки З. Ландау и Е. Томашевский подчеркивают, что Германия и Великобритания «отвергли проект... гарантiiй для восточных и южных границ Рейха» (7, с. 309). Более того, отмечается унизительное положение польских дипломатов на конференции. Так, говоря о парафировании арбитражных договоров Польши и Чехословакии с Германией осенью 1925 г., докторант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова С.В. Морозов пишет, что, «когда представители западноевропейских стран ставили свои инициалы, министр иностранных дел Польши А. Скшиньский и глава пражского МИД Э. Бенеш находились в своеобразном предбаннике и лишь затем были приглашены» (3, с. 55).

Однако П. Вандыч полагает, что Скшиньский проводил в Локарно «эластичную» политику уступок, поскольку старался быть дальновидным и «рассматривал в качестве альтернативы либо новую войну, либо некоторую стабилизацию, необязательно на таких условиях, которые он выбрал бы как поляк» (8, с. 217). К тому же польский министр считал, что несколько лет мирной жизни дадут Польше возможность усилить свои позиции. Тем не менее, как пишут М. Яблоновский и В. Яновский, после ноября 1925 г. правительство Скшиньского столкнулось с серьезным ухудшением отношений с Францией и Германией (5, с. 12).

А. Скшиньский работал также как премьер-министр коалиционного правительства. Во второй половине 1925 г. экономическая ситуация в Польше ухудшилась, начался тяжелый экономический кризис. Прежнее правительство пало. 16 ноября 1925 г. А. Скшиньский согласился стать новым премьер-министром. По мнению маршала сейма М. Ратая, задачу формирования нового правительства Скшиньский считал «дипломатической миссией, имевшей целью привести к согласию партии» (цит. по: 8, с. 222). П. Вандыч полагает, что Скшиньский намеревался передать свой пост в ближайшем будущем кому-то другому из парламентариев. Об этом свидетельствует и то, что он дважды отказывался от должности

премьер-министра. Будучи премьером, Скшиньский одновременно выполнял обязанности министра иностранных дел. В этот период он конфликтовал с Ю. Пилсудским. Финалом конфликта стал майский переворот 1926 г., отразившийся на работе Скшиньского. Ю. Пилсудский и его сторонники начали травлю нового премьера, стремясь «доставить Скшиньскому личные неприятности» (там же, с. 224).

В первые месяцы 1926 г. А. Скшиньский возглавлял правительство, которое попытался свалить Ю. Пилсудский. Правительству, как пишет Г.Ф. Матвеев, «не суждена была долгая жизнь» (1, с. 333). Экономический кризис не был преодолен, нарастал социальный протест. Скшиньский подал прошение об отставке, но президент ее не принял. Тем не менее 20 апреля Польская социалистическая партия (ППС) покинула коалицию, и в Польше разразился уже четвертый за три года правительственный кризис. Так сбылись чаяния Пилсудского.

Нет ничего удивительного в том, что, став премьером, А. Скшиньский посвятил свою первую речь в сейме внешней политике. Он говорил, в частности, что отношения с Францией еще никогда не были такими близкими, а отношения с Румынией стали более дружественными. Визит Чичерина в Варшаву в 1925 г. был охарактеризован им положительно. Скшиньский считал, что и отношения с Германией будут проходить в русле взаимных выгод. Премьер надеялся на то, что «Германия с течением времени привыкнет к постверсальскому статус-кво» (8, с. 227).

Последние полгода пребывания А. Скшиньского на посту министра иностранных дел были скорее неудачными, чем успешными для Польши. Об этом свидетельствует в том числе и подписание в апреле 1926 г. Берлинского пакта между СССР и Германией, укрепившего их сотрудничество. Скшиньский полагал, что к пакту могут прилагаться секретные антипольские соглашения. В то время он работал в очень сложных международных и внутренних условиях. Тем не менее «никто другой на его месте не смог бы достигнуть лучших результатов», – пишет П. Вандыч (там же, с. 253).

В условиях непростой международной ситуации 1920-х годов у Польши не было шансов достичь значительных успехов и она нередко должна была выбирать меньшее из двух зол. И вины А. Скшиньского в этом не было. Заложенные им основы и направления польской внешней политики были тогда «единственно возможными». А многие его мысли «не утратили актуальность даже в эру американского мира и Европейского Союза» (там же, с. 269).

Список литературы

1. *Матвеев Г.Ф.* Пилсудский. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 474 с.
2. *Матвеев Г.Ф.* Юзеф Пилсудский и образование независимого Польского государства // До и после Версала. Политические лидеры. – М.: Индрик, 2009. – С. 271–300.
3. *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения, 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 528 с.
4. *Симонова Т.М.* Прометеизм во внешней политике Польши, 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. – М., 2002. – № 4. – С. 47–63.
5. *Jabłonowski M., Janowski W.* Wstęp // O Niepodległą i granice. Protokoły Komitetu Politycznego Rady Ministrów. – T. 5: 1921–1926. – W-wa; Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna im. Gieysztora, 2004. – S. 5–19.
6. *Kotłowski T.* Historia Republiki Weimarskiej, 1919–1933. – Poznań: Wydaw. Poznańskie, 2004. – 362 s.
7. *Tomaszewski J., Landau Z.* Polska w Europie i świecie, 1918–1939. – W-wa: TRIO, 2005. – 336 s.
8. *Wandyicz P.* Aleksander Skrzyński, minister spraw zagranicznych II Rzeczypospolitej. – W-wa: Pol. inst. spraw międzynarod., 2006. – 394 s.

СССР – ПОЛЬША – ГЕРМАНИЯ В 1920–1930-е ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ (Сводный реферат)

- 1. Кантор Ю., Волос М. Треугольник Москва–Варшава–Берлин: Очерки истории советско-польско-германских отношений в 1918–1939 гг. – СПб.: Европ. Дом, 2011. – 220 с.**
- 2. Гзелла Я. Между Советами и Германией: Концепции польской внешней политики виленских консерваторов, сгруппированных вокруг «Слова» (1922–1939).**

Gzella J. Między Sowietami a Niemcami: Koncepcje polskiej polityki zagranicznej konserwatystów wileńskich zgrupowanych wokół «Słowa», (1922–1939). – Toruń: Wydaw. nauk. Uniw. M. Kopernika, 2011. – 477 s.

В сводном реферате представлены научные труды российских и польских историков, посвященные отношениям между СССР, Польшей и Германией в межвоенный период, рассматриваемые на фоне международных отношений в Европе.

Монография профессора Института истории ПАН, д-ра ист. наук М. Волоса и д-ра ист. наук Ю.З. Кантор из Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (1) посвящена взаимоотношениям между Германией, Советской Россией (СССР) и Польшей в 1918–1939 гг. Авторы рассматривают эти отношения как «треугольник», в котором внешнеполитические ориентиры одной страны во многом определяются состоянием отношений с двумя другими.

Книга состоит из шести глав, авторами которых по очереди выступают Ю. Кантор и М. Волос. В первой главе – «Польско-большевистская война как фактор германо-российского сближения» – Ю. Кантор останавливается на ранней истории всех трех стран, совсем недавно вышедших из драматичного периода революций и

войн. В условиях «хаоса и политического вакуума» послевоенной Европы Польша получила независимость от большевистской России и «начала стремительно приобретать доминирующую роль в Восточной Европе» благодаря поддержке своих главных союзников в лице держав Антанты, в первую очередь – Франции. В короткий срок Польша стала «своеобразным “восточным бастионом Версальского договора”» (1, с. 11). Англия и Франция не без оснований опасались сближения между Россией и Германией на основе их крайне враждебного отношения как к Антанте, так и к Версальному договору. Польша имела крайне выгодное географическое положение и рассматривалась державами Антанты как «буфер». С одной стороны, она отвлекала Германию от ее возможных устремлений взять реванш у вчерашних врагов, с другой – играла большую роль в изоляции Советской России от Европы. Как отмечает Ю. Кантор, советско-польская война 1920 г. имела для большевиков как geopolитическое, так и идеологическое значение. Наряду со стремлением прорвать дипломатическую изоляцию большевики предприняли попытку военным путем «советизировать вновь образованное государство... и открыть, таким образом, дорогу к мировой революции» (1, с. 13). Советский план войны с Польшей отражал ее особое значение для большевиков и их стратегических целей. Войска Западного фронта предполагалось двинуть дальше Варшавы, на Берлин, а силы Юго-Западного фронта, после взятия Львова и Krakova – двинуть на Балканы (1, с. 15). «Нанеся удар по Польше, мы тем самым наносим удар по самой Антанте; разбив польскую армию, мы тем самым разбиваем Версальский договор», – отмечал В.И. Ленин (1, с. 14).

Подготовка к войне сопровождалась с обеих сторон широкими пропагандистскими кампаниями, а также активными дипломатическими переговорами. Поляки, предчувствуя угрозу остаться с сильным восточным соседом один на один, предпринимали в течение весны-лета 1920 г. постоянные попытки заставить Антанту надавить на Россию и добивались новых поставок военной техники для польской армии (1, с. 22). Этому вопросу была посвящена мирная конференция в бельгийском городе Спа, открывшаяся 5 июля 1920 г. Несмотря на «мирный» характер конференции поляки не скрывали своего стремления максимально вовлечь своих западных союзников в войну. Это «подстегивало» Москву искать союзников и сблизиться с Германией, которая занимала в советско-польском конфликте позицию «благожелательного нейтралитета» и в целом «сочувствовала» России (там же). Это «сочувствие» пока не выра-

жалось в официальных заявлениях, но ретранслировалось в речах ведущих немецких официальных лиц того времени. В частности, главнокомандующий рейхсвером генерал Г. фон Зект в 1920 г. считал, что Германия ни при каких условиях не должна была оказывать Польше, «творению и союзнику Франции», никакой помощи (1, с. 23).

На сближение с Россией Берлин толкала не только неприязнь к союзникам вчерашних врагов, но и неудачи на дипломатических фронтах. На той же конференции в Спа германскому канцлеру К. Ференбаху «не удалось убедить премьеров стран Антанты в целесообразности наличия у Германии» армии численностью свыше 100 тыс. человек (1, с. 24). Успешное на первых порах наступление Красной армии стало еще одним мощным катализатором пророссийских настроений в немецких политических кругах. К. Цеткин незадолго до решающего наступления русских на Варшаву «выступила в рейхстаге с требованием осуществить поворот в германской внешней политике для заключения оборонительного и наступательного союза с Советской Россией» (1, с. 31).

Поражение Красной армии под Варшавой, известное как «чудо на Висле», значительно изменило дипломатическую диспозицию. Польша, еще недавно стоявшая на грани полного краха, благодаря этой крупной победе сумела добиться заключения выгодного для себя Рижского мирного договора. Однако резкое усиление Польши не повлияло на отношение к ней внутри Германии. Скорее произошел обратный эффект из-за значительно активизировавшейся территориальной экспансии Варшавы. По Рижскому договору Польше отходили части украинских и белорусских территорий, однако в октябре 1920 г. ею был захвачен еще и г. Вильно с прилегающей территорией, а в декабре того же года «в geopolитическом пасьянсе возникла Верхняя Силезия», спорная с Германией территория. Усиление главного восточноевропейского союзника Франции не могло не раздражать немцев: с декабря в штабе рейхсвера активно разрабатывались планы ведения войны с Польшей. Одновременно Зект «продвигал идею участия германских военных специалистов в создании советской военной промышленности», чтобы позднее использовать ее для сброса с Германии «версальских оков» (1, с. 45). Таким образом, советско-польская война и ее последствия стали «катализатором российско-немецкого сближения» (там же).

Во второй главе М. Волос рассматривает первые шаги «Возрожденной Польши» во внешней политике в 1918–1921 гг. Как

отмечает автор, необходимость строительства государства «с фундамента» предопределяла временные системные проблемы во всех сферах государственной жизни в начальный период (1, с. 46). «Отсутствие профессионального административного аппарата, в том числе дипломатического», дополнялось тем, что Польша практически сразу после своего воссоздания оказалась в центре «нестабильной международной ситуации». Революции в России и Германии, с одной стороны, крайне негативно сказывались на внутриполитическом положении Польши, а с другой – значительно затрудняли взаимодействие Варшавы со своими западными союзниками (там же).

В начале своего существования польское государство столкнулось с проблемой наличия «двух конкурирующих между собой центров власти» (1, с. 47). Первый из них – Польский национальный комитет (ПНК) – был создан Романом Дмовским в Лозанне в августе 1917 г. По окончании Первой мировой войны державы Антанты официально признали ПНК польским правительством. Второй центр был сформирован Юзефом Пилсудским в Варшаве в ноябре 1918 г. В течение 1918–1919 гг. многочисленные попытки правительства Пилсудского получить признание Англии и Франции не увенчались успехом – в Лондоне и Париже продолжали признавать ПНК и консультировались с ним «по всем вопросам, касавшимся Польши и поляков» (1, с. 48). Державы Антанты опасались, что «возрожденное польское государство станет марионеткой в руках Германии» (там же). Именно варшавскому правительству пришлось решать вопрос о выводе немецких войск с польской территории (1, с. 50). Одновременно, в начале 1919 г., начали обостряться отношения между Варшавой и Москвой из-за Вильно и близлежащих территорий.

Сложная международная обстановка, а также приближение Версальской конференции требовали скорейшего разрешения польского «двоевластия». Всего за два дня до начала мирной конференции в Париже – 16 января 1919 г. – было сформировано кабинет Я. Падеревского, куда вошли как представители ПНК, так и варшавского правительства. В результате «одного из самых крупных и плодотворных компромиссов... в истории Польши» на Версальской конференции державы Антанты признали польское государство де-юре, с одним центром власти (1, с. 54). Воодушевленные этим успехом польские дипломаты представили на конференции свой план территориального размежевания в Восточной Европе. ТERRиториальные претензии поляков (в виде письма, переданного Р. Дмовским в комиссию Версальской конференции по польским

вопросам) включали в себя Верхнюю и Тешинскую Силезию, Опольщину, Западную Пруссию с г. Гданьском. По мнению автора, «требования, выдвинутые Дмовским, можно считать вполне реальными и даже более сдержанными в сравнении с выступлениями некоторых представителей ПНК» (1, с. 56). Оказалось, однако, что эти требования были неприемлемы для великих держав. Особенно свое негативное отношение проявила Великобритания. В ее планы не входило слишком сильное ослабление Германии и одновременно – усиление союзной Франции и ее союзников. Сдерживание аппетитов поляков наглядно демонстрировало, что Англия не намерена наблюдать за новой гегемонией на континенте. Французы же, со своей стороны, не собирались из-за польского вопроса сориться с союзницей. В результате «у молодой польской дипломатии не было ни малейших шансов выиграть в состязании с большинством мировых держав того времени» (1, с. 57). Западная граница Польши была далека от первоначальных устремлений Варшавы, не получили поляки определенных гарантий западных союзников и по поводу восточной границы. Несмотря на это, Версальский договор был быстро ратифицирован Учредительным сеймом.

Как и предполагал Пилсудский, определение восточной границы, в конечном счете, будет зависеть «от самих поляков» (1, с. 55). После Версальской конференции он уже не прислушивался к западным союзникам по поводу отношений с восточными соседями. Между тем борьба с Литвой и Советской Россией стала главным направлением польской внешней политики в 1919–1921 гг. Рижский мирный договор 18 марта 1921 г. и включение Вильно в состав Польши де-юре в 1922 г. стали важными шагами по определению границы и решили «многие конкретные вопросы» (1, с. 75). В то же время создать прочный мир на Востоке Варшаве не удалось. После Рижского договора польско-советские отношения «оставались более чем сложными», а в Литве не оставляли надежд «вернуть» Виленщину. Очевидно, что стороны сделали необходимую всем паузу, чтобы уже через несколько лет вернуться к наболевшим вопросам.

В третьей главе Ю. Кантор рассматривает развитие внешней политики Германии и России (СССР) в 1921–1932 гг. Для обоих государств это было время поиска союзников для выхода из международной изоляции, налаживания внешней торговли. Сближение России и Германии было основано в первую очередь на общем желании изменения навязанных условий Версальского договора. «Дружба против общего противника» – Антанты – достаточно эф-

фективно сглаживала острые углы в российско-германских отношениях и открывала большие перспективы для сотрудничества. Советско-польская война была воспринята германским руководством как возможность восстановления границ 1914 г., а большевиками – как путь к «революционному» расширению границ (1, с. 84). Поражение в войне привело Москву к осознанию собственной политической и экономической изоляции. Необходимость скорейшего повышения обороноспособности страны предопределяла готовность большевиков идти на тесное сотрудничество. Немцы, со своей стороны, также не имели других перспектив выхода из международной изоляции, кроме как через союз с Россией. Итогом «глубоко засекреченных» переговоров 1921–1922 гг. стал Рапалльский договор 16 апреля 1922 г., по которому стороны отказались от взаимных претензий, восстанавливали официальные дипломатические отношения и условились развивать взаимную торговлю (1, с. 91). Отдельные секретные протоколы касались многоуровневого военного сотрудничества в обход статей Версальского договора (1, с. 95).

Успехи немецкой дипломатии по восстановлению международных позиций Германии и сближение с Францией «привели во второй половине 20-х годов к постепенному сужению сферы практического взаимодействия Москвы и Берлина» (1, с. 94). Этому способствовало и охлаждение советско-германских отношений из-за попыток советского руководства «экспортировать» революцию в Германию (1, с. 96). Однако стороны даже в условиях временной международной разрядки не видели друг друга потенциальными противниками. Наоборот, балансировка германской дипломатии между Востоком и Западом вполне соотносилась со стремлением советского руководства использовать Германию как своеобразный «щит» против Франции и Англии (1, с. 107). Недопущение французских войск на германскую территорию было одним из главных вопросов советско-германских переговоров конца 20-х – начала 30-х годов. Кроме того, в военном командовании Красной армии активно разрабатывались планы молниеносного разгрома Польши при «благожелательном нейтралитете» Берлина.

Смена власти в Германии в 1932–1933 гг. оценивалась советским руководством как «преходящее обстоятельство, которое не может нарушить общности стратегических интересов СССР и Германии» (1, с. 108). Однако уже вскоре после прихода Гитлера к власти стало ясно, что Германия и СССР рассматривали друг друга как проводников собственных интересов в Европе, и их сближе-

ние должно было закончиться вместе с окончанием «Рапалльского десятилетия».

Четвертая глава посвящена польской внешней политике в 1921–1932 гг. Борьба Варшавы за признание собственных границ на международном уровне продолжилась на Генуэзской конференции 1922 г. На ней Советская Россия отказалась выплачивать долги царского и временного правительства и приступила к сближению с Германией. Вопрос о восточной границе Польши был, таким образом, вновь отложен. Генуэзская конференция имела и другие негативные последствия. Для Польши опасность заключалась не только в возможном советско-германском союзе, но и в стремлении западных держав «оторвать» Германию от России. Переговоры союзников с Германией в 1924–1925 гг. свидетельствуют, что Антанта была вполне готова пренебречь мнением Варшавы в вопросе о восточной границе Германии. Особенно наглядной была конференция в Локарно, куда польскую делегацию пригласили только в последний момент. Полякам удалось добиться соглашения об арбитраже по вопросам германо-польской границы, однако на деле оно лишь ухудшало положение Польши, так как теперь «решение о начале военных действий против Германии зависело не от воли Парижа и Варшавы, оно должно было приниматься на форуме Лиги Наций в Женеве» (1, с. 116). Таким образом, фактически терял свою силу франко-польский договор 1921 г., который в Варшаве рассматривали как гарантию союзнических отношений Польши и Франции. В последующие годы недовольство главным союзником в Польше только нарастало. Во время Гаагской конференции 1929 г. Германии удалось добиться прекращения оккупации зоны Северного Рейна путем прямых переговоров с державами Антанты. Обойдясь в Гааге с польской делегацией так же, как и в Локарно, Франция в очередной раз продемонстрировала, что «приоритетом для нее является германский партнер, а безопасность польского союзника в данном случае вообще в расчет не входит» (1, с. 122). Поведение западных союзников все больше склоняло Пилсудского к мысли о необходимости договариваться с соседями напрямую, без посредников. В первую очередь активизировались переговоры с Германией и СССР, поиск компромисса с которыми стал главной внешнеполитической целью Варшавы. Постепенное налаживание экономических связей улучшало и общую атмосферу польско-германских отношений. В Германии «происходило постепенное осознание того, что Польша – это долговременный элемент на карте Европы» (1, с. 125). Однако «принципиального поворота» в отноше-

ниях с Германией все же не произошло. Несколько лучше обстояли дела в польско-советских отношениях, которые в 1926–1932 гг. были сосредоточены на договоре о ненападении, ратификация которого была «небывалым успехом польской дипломатии» (1, с. 128). Как Польша, так и СССР теперь могли на время отодвинуть в сторону старые взаимные претензии и обратить внимание на отношения с Германией, где в это время нацисты триумфально двигались к власти.

В пятой главе рассматривается «путь» Германии и СССР к пакту Молотова–Риббентропа. Как отмечает Ю. Кантор, приход Гитлера к власти «обозначил крутой поворот в советско-германских отношениях» (1, с. 129). На первых порах отношение нового германского руководства к СССР «не изменилось слишком радикально»: Гитлер признавал плодотворность восточной политики «Рапалльского периода» и потому не спешил с ее изменением (1, с. 131). Гитлер подписал Московский протокол (пролонгировавший Берлинский торгово-экономический договор 1926 г.) и после выборов в рейхстаг выступил за «культурное распространение хороших отношений с Россией» (1, с. 132). Однако в Москве не могли не обратить внимания на общее изменение тональности официального Берлина. В своих речах Гитлер неоднократно выступал с нападками на марксизм и на его «воплощение» в лице русского большевизма. Поначалу главным посыпом этих речей было «недопущение распространения марксизма в Германии, и объяснялись они «реальностями предвыборной тактики»; германские дипломаты предупреждали своих советских коллег, что «рейхсканцлер, возможно, перед выборами будет в своих речах резок», но в официальных переговорах и меморандумах позиция его будет гораздо более взвешенной и корректной (там же). Но в советском руководстве отчетливо понимали, что «период тесного военно-политического сотрудничества двух стран закончился» и Советский Союз не мог безоговорочно рассчитывать на Берлин в случае столкновения с Англией и Францией. С другой стороны, «последовательный антисоветский курс» Парижа и Лондона подталкивал на сохранение прежних контактов хотя бы в экономической сфере (1, с. 135). К тому же, по мнению автора, национал-социализм как идеология «отнюдь не вызывал антагонизма у партийно-правительственной верхушки СССР, являясь по сути своей родственной большевизму системой» (там же). Свою роль сыграло и то, что в Германии установилась авторитарная форма правления, «более привлекательная для Сталина», чем буржуазно-демократические правительства Англии и Франции (1, с. 136).

Тем не менее уже с 1934 г. охлаждение советско-германских отношений стало очевидным. Гитлер избрал тактику, которая предполагала «ожесточенную идеологическую конфронтацию с кремлевскими лидерами», а нацистская пропаганда развернула кампанию против «еврейско-большевистского правительства». В том же 1934 г. произошел резкий спад советско-германской торговли. Углублялись противоречия и во внешней политике. Руководство СССР «весьма болезненно» восприняло подписание в Берлине польско-германской декларации о «неприменении силы», предполагавшей также значительное сближение двух стран во всех сферах (1, с. 141). Для Москвы этот договор, наряду с «открытой ремилитаризацией Германии», означал необходимость «крупной ревизии» планов войны в Европе (1, с. 142). Германия теперь рассматривалась как весьма вероятный противник, в союзе с Польшей и прибалтийскими странами угрожавший границам СССР (1, с. 143). Значительно изменился и общий тон советской дипломатии. Нарком иностранных дел Литвинов на заседании Совета Лиги Наций 17 апреля 1935 г. «занял негативную позицию в отношении ремилитаризации Германии», а в одном из писем Сталину предлагал открыто осудить германский милитаризм. Против тесного сближения с Германией выступал и ряд военачальников во главе с М. Тухачевским. Однако советское руководство (и прежде всего сам Сталин) «по-прежнему предпочитало обтекаемые формулировки в оценках курса гитлеровской Германии и рассчитывало на сближение» (1, с. 149).

С 1937 г. советская дипломатия начала «дрейф в сторону изоляционизма», и имела на то веские основания. Осуждение аншлюса Австрии и призывы к борьбе против дальнейшей германской агрессии не встретили в Англии и Франции сколько-нибудь серьезного отклика. Даже в случае войны с Германией в Париже и Лондоне не рассматривали СССР как возможного союзника. Политические процессы и репрессии 1937–1938 гг. еще более усилили сомнения западных стран в «способности Советского Союза быть надежным внешнеполитическим партнером» (1, с. 152). Усиление взаимного недоверия СССР и Запада умело использовали Германия и Польша. Подписание декларации о «неприменении силы» вселило Варшаве уверенность в своих западных границах. По мнению Ю. Кантор, хорошие отношения с Берлином больше устраивали Польшу, так как это позволяло заняться активным укреплением границы с СССР. Кроме того, Варшава воспользовалась «трагическим положением» Чехословакии и «выторговала» себе

Тешинскую Силезию. Польское руководство четко дало понять Москве, что не собирается пропускать советские войска в Чехословакию, из-за чего последняя осталась фактически один на один с Германией. Стремление Польши «равноудалиться» от Германии и СССР на деле привело к дальнейшему ухудшению общей обстановки в Европе (1, с. 155). Советское руководство, в свою очередь, окончательно приняло на вооружение тактику изоляции. Переговоры с европейскими странами происходили только в целях поддержания собственной безопасности. Это прямым образом отразилось на англо-франко-советских переговорах летом 1939 г. Переговоры о новом союзном договоре проходили весьма вяло, в обстановке взаимного недоверия. Масла в огонь подливали тайные контакты Лондона и Берлина. 21 июля 1939 г. Англия представила Германии проект «широкайшей англо-германской договоренности по всем важным вопросам». Слухи об англо-германских переговорах дошли и до Сталина, который, в условиях расширявшейся агрессии Гитлера, решил пойти на союз с ним по крайней мере для выигрыша драгоценного времени (1, с. 160). Подписание пакта Молотова–Риббентропа развязало руки Гитлеру в отношении соседей Германии. Польша, стремясь укрепиться на своих восточных границах за счет договоренностей одновременно со всеми западными державами, в результате с Запада же и подверглась нападению, не получив сколько-нибудь значимой поддержки от Англии и Франции. Последние же вновь, как и после «Мюнхенскогоговора», надеялись на то, что Гитлер вполне удовлетворится победой над Польшей и в дальнейшем обратит все свое внимание только на Восток. Наконец, для самих Германии и СССР пакт о ненападении был тактически выгоден и сопровождался отказом от взаимных идеологических упреков: идеологическим врагом СССР на короткий отрезок времени вновь стал «англо-французский имперализм» (1, с. 166).

Шестая глава посвящена польской внешней политике в 1932–1939 гг. Одной из главных задач польской дипломатии Пилсудский и новый министр иностранных дел Ю. Бек видели в «урегулировании польско-германских отношений на основе двустороннего договора», подобно пакту о ненападении с СССР. В Варшаве стремились избежать повторения ситуации, когда западные «партнеры» фактически за спиной Польши решали весьма острые для нее вопросы. Основополагающим принципом польской внешней политики становится «равноудаленность» от всех основных игроков на международной арене. Чтобы не нарушить наметившееся хрупкое равновесие, Варшава стремилась не вставать определенно

на одну сторону в тех или иных международных вопросах. Между тем обстановка в Европе неоднократно испытывала польскую дипломатию на прочность. В частности, Париж в 1934 г. представил Польше проект «восточного пакта», в соответствии с которым предполагалось подписание многостороннего договора о взаимопомощи между СССР, Германией, Чехословакией, Литвой и рядом других государств. В их число входила и Польша, которая, однако, «заявила этой концепции свое решительное “нет”» (1, с. 174). В Варшаве понимали антигерманскую направленность этого пакта и не желали портить отношения с Берлином. Кроме того, Польша не собиралась давать гарантии государствам, к которым оставались территориальные претензии, – прежде всего Литве и Чехословакии. Подобную «двойную игру» Польша вела и после занятия германской армией Рейнской демилитаризованной зоны (1, с. 176). В целом, Варшава «весьма сдержанно» относилась к любым проектам коллективной безопасности, видя в них попытку ведущих держав решать ключевые вопросы без лишних консультаций с малыми государствами Европы. Это дало, по мнению М. Волоса, определенный положительный эффект, так как Франция, стремясь вернуть Польшу в орбиту своего влияния, активизировала с ней союзнические отношения (1, с. 178).

Аншлюс Австрии и «Мюнхенский сговор» 1938 г. предвещали «переоценку ценностей» в международных отношениях. Восприняв весть об аншлюсе с «демонстративным спокойствием», Бек в то же время активно подключился к переделу Чехословакии. Бек, так же как и Пilsудский, «считал Чехословакию искусственным образованием» и, в свете решений мюнхенской конференции, потребовал от Праги «определенного выравнивания» границы и передачи Польше Тешинской Силезии. Как отмечает автор, «с исторической перспективы» действия Бека были ошибочны, так как позволяли немцам окружить Польшу, используя чехословацкие территории, но со стороны Варшавы было бы преступлением «не защитить польское меньшинство» Чехословакии (1, с. 185). Однако получив от Гитлера возможность расширить собственную территорию, Польша вскоре сама стала «очередной мишенью» Германии (1, с. 186). 24 октября 1938 г. Риббентроп потребовал от Варшавы уступить Германии Вольный город Гданьск. Много раз повторявшиеся требования немцев в Варшаве последовательно отвергали, но становилось понятно, что без помощи союзников было не обойтись. Обращение за помощью к Англии и Франции автоматически означало конец политики «равноудаленности» и в то же время да-

вало повод Германии денонсировать польско-немецкую декларацию 1934 г. о неприменении силы (1, с. 189). Выбор был сделан, и Варшаве уже некуда было отступать.

Летом 1939 г. Польша «все более становилась объектом борьбы между державами» (1, с. 190). По мнению М. Волоса, в проvalе англо-франко-советских переговоров виновата была прежде всего советская сторона, в действительности не заинтересованная в достижении каких-либо договоренностей. Со стороны Москвы шел прямой «шантаж» Англии и Франции с одной стороны и Германии – с другой, а Польша в этом деле являлась лишь разменной монетой. Советская сторона в обход польских дипломатов требовала от англичан и французов разрешения на право прохода частей Красной армии для нанесения удара по Германии. Бек выразил решительный протест против низложения роли Польши до «недушевленного предмета» (там же). Французы за спиной поляков дали согласие на проход советских войск по ее территории, что «противоречило правде, но прекрасно отражало тенденцию сохранить мир любой ценой за счет Польши» (1, с. 191). Однако советская сторона потребовала таких же заверений от англичан и самих поляков. Сталин таким образом «продолжал затягивать бесплодные переговоры, с нетерпением ожидая прибытия немецкой делегации во главе с Риббентропом» (там же).

В заключение оба автора приходят к выводу о том, что Польша, получив независимость, сразу же обрела положение «буфера» между Россией и Германией. Это положение стало «доминантой» внешней политики Польши на протяжении следующих двадцати лет. Длительный межвоенный период был потрачен польской дипломатией на признание границ возрожденной Польши, однако в итоге ни одна европейская держава не была готова и не собиралась предоставлять таких гарантий полякам. Политика «равноудаленности», двойная (а иногда и тройная) игра позволяли Польше определенное время балансировать между Германией, СССР и западными странами. Однако к концу 30-х годов эта политика изжила себя, нужно было делать выбор в пользу той или другой стороны, но оказалось, что ни один из возможных вариантов не мог в полной мере удовлетворить польские интересы. Польша оказалась «между двух огней», зажата в тиски, из которых в итоге так и не сумела выбраться.

Книга польского историка, профессора Института научной информации и библиографии Торуньского университета им. Н. Коперника Я. Гзеллы (2), состоящая из введения, двух частей, заклю-

чения и библиографического списка, посвящена развитию внешне-политической концепции виленских консерваторов в 1922–1939 гг., отраженной в газете «Слово». Во введении автор отмечает, что возрождение Польской Республики в 1918 г. вызвало всплеск активности польского общества в разных сферах, в том числе политической. Воссозданные политические партии, стремясь популяризировать свои программы и приобрести сторонников, издавали свои печатные органы. Не были исключением и консерваторы – краковские, познанские, варшавские и виленские. Виленский центр консервативного движения считается одним из поздних. Он был создан только в 1922 г., когда виленская земля была присоединена к Польше. Их партия – Партия национальной правицы во главе с М. Броэль-Платерем – издавала ежедневную газету «Слово». На полосах этого издания решалась дилемма польской внешней политики: кто из двух сильных соседей Польши больше ей угрожал – Россия или Германия и с кем следовало поддерживать добрососедские отношения. Виленским консерваторам не удалось сблизиться с другими партиями, поэтому в сентябре 1925 г. в «Слове» было опубликовано следующее утверждение: «“Слово” – это беспартийная газета. Она не будет служить ни одной партии» (2, с. 11).

Первая часть монографии посвящена основам и направлениям польской восточной политики в теории виленских консерваторов. Возрожденная Польша имела весьма непростые отношения со своими соседями. Предложения Советской России об установлении дипломатических отношений в 1918 г. и в более позднее время Польша приняла с недоверием. Ситуацию усугубила польско-советская война, которую выиграла Польша. В связи с напряженными польско-советскими отношениями в первом номере «Слова» от 1 августа 1922 г. было помещено несколько предостережений, касающихся польской политики в отношении Советской России, а особенно большевистской идеологии и необходимости принятия мер, делающих невозможным ее распространение на землях Польской Республики. А в публикациях М. Зджеховского 1922 г. были определены основы восточной политики Польши. В частности, он писал, что в период обсуждения Рижского мирного договора поляки не желали совершать экспансию на восток, чтобы «не дразнить» Россию (2, с. 39). Кроме того, Зджеховский считал, что новую Польшу надо создавать на этнически польских территориях, утверждая при этом, что ей необходимо дойти до Балтики через ковенскую землю. Он предлагал также объединить Литву с Польшей «каким-нибудь государственно-правовым союзом или подчинить

Литву польской политике» (2, с. 40). Консервативный публицист писал и о возможности проведения Варшавой самостоятельной внешней политики на международной арене. В то же время он подчеркивал, что для Польши «воля Франции является законом, верой, совестью, святыней» (там же). Тем не менее Франция считала, что Польша должна быть слабым государством, чтобы не мешать расширению России, когда последняя начнет возвращать территории, принадлежавшие ей в прошлом. Подтверждением этого тезиса для Зджеховского было неодобрение Францией польских притязаний на виленскую землю, что вытекало «из рассмотрения Литвы как сателлита Советской России» (2, с. 41).

В 1923 г. в «Слове» появился ряд публикаций, связанных с предложениями Лиги Наций по разделу нейтральной полосы, ведущей к Балтийскому морю. В частности, говорилось, что Лига Наций приблизила к Польской Республике границы Германии, «остающейся в состоянии войны с Польшей, на расстояние в чуть более десятка километров от предместий Вильно, создавая тем самым весьма небезопасную ситуацию на случай какой-либо войны с участием Польши» (2, с. 57).

После подписания в апреле 1926 г. в Берлине советско-германского соглашения, подтверждавшего развитие двусторонних отношений в духе Рапалло и обязующего стороны придерживаться нейтралитета в случае агрессии третьего государства, консерваторы раскритиковали министра А. Скшиньского и его политику сближения с СССР. Скшиньского обвинили в том, что он «не ориентируется в международных отношениях» (2, с. 95).

В 1926 г. посланником Польши в СССР стал лояльный дипломат С. Патек, что позволило редакции «Слова» написать об ошибках польской дипломатии в отношении восточного соседа. В газете был раскритикован сам Патек за его слова о том, что, выезжая в Москву, он не имел точного плана действий, а также министр иностранных дел А. Залесский за тезис о необходимости стремиться к заключению соглашения с СССР. В «Слове» говорилось также, что восточная политика Польши была пронизана «духом мира», и это исключало ее участие в антисоветском блоке либо действиях, направленных против СССР. Но советская политика в отношении Польши оценивалась по-другому. Утверждалось, что Москва видела от Варшавы только дружелюбие, но дружелюбие это не может быть односторонним. Вскоре консерваторы обратили внимание на то, что СССР уделяет помощь коммунистическому движению на белорусских землях, входивших в состав

Польши, и истолковали это как «действия, которые должны привести к разрушению единства Польской Республики» (2, с. 96).

В 1927–1932 гг. отношения Польши с ее восточными соседями стабилизировались. В «Слове» же появился цикл статей о необходимости переориентировать внешнюю политику Польши на франко-польско-немецкий союз, который соседствовал с публикациями об отношениях Польши с СССР и Литвой. А с подписанием в 1932 г. польско-советского пакта о ненападении в газете были опубликованы статьи о политике Польши в отношении СССР, в которых польско-советское сближение связывалось с необходимостью противостоять действиям Германии по пересмотру Версальского договора. Но самый серьезный всплеск публикаций вызвали события 1938–1939 гг., в частности подготовка польско-немецкого сотрудничества против СССР, переговоры западных демократий с Советским Союзом о подписании политических и военных соглашений. С. Мацкевич писал также, что СССР может выиграть войну с Эстонией и Латвией, но он «не в состоянии начать длительные боевые действия, которых потребует мировая война» (2, с. 205).

Во второй части рассматривается польская западная политика. В начале 1920-х годов в «Слове» появлялись публикации, в которых доминировала тематика отношений с СССР и Литвой. Франции же уделялось мало внимания. Она упоминалась лишь в статьях, посвященных франко-британской политике в отношении Польши и Германии. В 1921 г. был заключен польско-французский военно-политический союз, который, по мнению автора, «должен был приносить выгоды прежде всего Франции» (2, с. 215). Поэтому М. Зджеховский в газете «Слово» требовал от польской дипломатии ограничить действия, предпринимаемые «под диктовку Парижа» (там же). Уменьшение французского влияния на польскую политику должно было усилить позицию Польши на международной арене.

В 1927–1934 гг. Польша находилась в поисках новых гарантий безопасности. В связи с этим в феврале 1927 г. С. Мацкевич начал публиковать в «Слове» цикл статей, в которых анализировал политические отношения в Европе, а также проблемы польской внешней политики того времени. Его цикл начался с рассмотрения международного положения Франции и анализа польско-французских отношений после Локарнской конференции 1925 г. Мацкевич полагал, что ослабленная Первой мировой войной гарант Версальского договора Франция не захочет начать новую войну с Германией и поэтому будет проводить пронемецкую политику.

Для реализации этой политики Франции потребуется союзник на востоке, которым «может быть только Польша» (2, с. 251). Мацкевич был уверен в том, что взамен Париж употребит все свои усилия для защиты западных границ Польши. Он также писал, что все государства, за исключением Советского Союза, постараются избежать Второй мировой войны. А конфликт между Польшей и немецко-большевистской коалицией, усиленной Литвой, может, по его мнению, закончиться поражением Варшавы. Францию же Мацкевич называл «единственной возможной союзницей» Польши (2, с. 252).

В 1934 г. редакцией «Слова» было с энтузиазмом воспринято известие о подписании польско-германской декларации о ненападении. Но еще больше откликов вызвали аншлюс Австрии Германией и расчленение Чехословакии в 1938 г. В той ситуации, по мнению С. Мацкевича, одной из возможных концепций внешней политики Польши была нормализация польско-немецких отношений, а также «создание более партнерских польско-французских отношений» (2, с. 353).

Заметное оживление в редакции «Слова» вызвал визит в Москву министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа 23 августа 1939 г. Правда, публицисты старались минимализировать результаты советско-германских переговоров из убеждения в том, что Советский Союз не примет участия в надвигающейся войне (2, с. 447). Они выражали удивление по поводу того, что Гитлер пошел на заключение пакта о ненападении с СССР, «несмотря на отсутствие веры в помочь этого государства в случае войны...» (там же).

В заключение автор пишет, что дискуссии на тему направлений польской внешней политики определялись геополитическим положением Польши. Они включали в себя вопросы о том, какой из двух сильных соседей страны больше угрожал ее территориальной целостности и какие союзы стоило в связи с этим заключить. Виленские консерваторы специализировались в разных областях: одних интересовали отношения Польши с Советской Россией (позднее – с СССР), других – с Германией, третьих – с Францией и т.д. Из двух крупнейших соседей Польши все публицисты признавали ее главным врагом СССР. Со стороны Германии консерваторы тоже видели угрозу, но в первый период издания «Слова» о ней писали мало, что автор связывает с необходимостью «подчеркивания решающей роли Франции в исполнении постановлений Версальского договора, а также в его признании...» (2, с. 452).

В целом перед Второй мировой войной на страницах «Слова» пропагандировалась концепция трехстороннего польско-немецко-французского союза. Делался упор на «усиление польско-немецких контактов, которые могли гарантировать проведение Польским государством активной восточной политики» (2, с. 453).

О.В. Бабенко, И.К. Богомолов

О.В. Бабенко

**СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1920–1930-Х ГОДОВ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
2008–2012 гг.
(Аналитический обзор)**

В обзоре рассматриваются актуальные проблемы советско-польских отношений межвоенного периода – от решения вопроса о границах после создания в ноябре 1918 г. независимого Польского государства до контактов в треугольнике «Москва–Варшава–Берлин» накануне Второй мировой войны. Они привлекают как отечественных, так и польских историков, о чем свидетельствует большое количество публикаций по данной проблематике.

В 1920–1930-е годы воссозданная Польша была неотъемлемой частью Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, поскольку формировалась в ее рамках. Проблемы становления границ Польского государства решались в основном на Парижской мирной конференции 1919 г., за исключением установления границы с Советской Россией. Определение этой границы проходило в ходе советско-польской войны 1919–1921 гг. Профессор института польской истории ПАН А. Ландау-Чайка утверждает, что, согласно газете «Kurier Nowy», «получение территорий вооруженным путем не учитывало воли жителей...» (15, с. 75). Активные боевые действия между Польской Республикой, с одной стороны, и Белорусской и Литовской ССР – с другой, начались еще в январе 1919 г. После окончания Парижской мирной конференции, оставившей открытым вопрос о польской восточной границе, в них включилась Советская Россия. Газета «Dziennik Poranny» в январе 1919 г. писала, что это была «война за территорию, а не “крестовый поход против большевиков”, как говорила польская пропаганда» (там же, с. 76). Тем не менее историки отмечают на-

личие идеологических предпосылок войны. Так, директор Польского института международных дел, канд. ист. наук С. Дембский пишет, что Польша представляла собой «заграждение, отгораживающее Советскую Россию от Европы. Поэтому нападение на нее часто рассматривалось как необходимое условие успеха программы экспорта революции» (9, с. 32).

Результаты польско-советской войны представляются в польской историографии следующим образом: Россия потерпела поражение, и 18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор. Известный польский историк-эмигрант А. Замойский пишет, что участники переговоров с польской стороны, «которым необходимо было улучшить образ их страны за границей, не настаивали на исторических границах и пошли на компромисс, в результате которого в границах Речи Посполитой оказались, однако, большие территории Украины и Белоруссии» (18, с. 247). Он полагает также, что с общеевропейской точки зрения война 1919–1921 гг. была «несущественной». Тем не менее «границы, которые считались такими важными, исчезли с карты и были забыты...» (там же, с. 248). В связи с этим историк поднимает вопрос о причинах поражения России и победы Польши. Многие поляки и россияне, по мнению Замойского, сделали из результатов войны ошибочные выводы. Так, поляки видели причины своего успеха в серьезной военной подготовке и заботе о нравственном здоровье солдат, а россияне сетовали на численный перевес противника. В то же время последующие войны показали, что «решающим фактором является обладание современным оружием» (там же, с. 256).

А. Замойский задается также вопросом о значении польско-советской войны и, в частности, Варшавской битвы 1920 г. для Польши и всей Европы. Он убежден, что результат Варшавской битвы «оказал решающее влияние на политические события 20-х и 30-х годов, на ход Второй мировой войны, на мирный договор 1945 г. и на позиции европейских государственных мужей эпохи. Некоторые из них – Сталин, Черчилль и де Голль – были лично вовлечены в конфликт 1920 г., другие – Муссолини, Франко и Гитлер – внимательно за ним следили» (там же, с. 5). Польский историк полагает, что в случае победы Советской России в польско-советской войне Польша, балтийские государства, а позднее Чехословакия, Венгрия, Румыния и Германия превратились бы в советские республики. Но поражение России подтвердило распространенное убеждение в том, что она «не всегда будет империалистической мощной державой и грозой для своих соседей...» (там же, с. 253).

Правда, польская победа была омрачена событиями 1939 г. Тем не менее триумф Варшавы «обеспечил Восточной Европе два десятилетия свободы от коммунизма и придал ей привкус демократического и цивилизованного существования» (18, с. 256).

Докт. ист. наук М.И. Мельюхов (Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела) формирование советско-польского фронта и, соответственно, начало войны относит к январю 1919 г. Как он пишет, «1 января 1919 г. польские части заняли Вильно, но 3 января к городу подошли части Красной армии и 6 января выбили из него поляков» (4, с. 18). Боевые действия продолжались на протяжении всего 1919 г. А в 1920 г. советская сторона уже готовилась к мирным переговорам с Польшей. Положение Советской России укрепила тогда победа над А. Деникиным, поэтому Москва считала себя вправе делать предложения Польской Республике. Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, зав. кафедрой истории южных и западных славян, докт. ист. наук Г.Ф. Матвеев полагает, что «масштаб территориальных уступок Варшаве в Белоруссии и на Украине, озвученный СНК РСФСР 28 января 1920 г., мог бы в полной мере удовлетворить польскую сторону» (2, с. 528). Но это предложение не устроило Ю. Пилсудского. Главной причиной отказа Г.Ф. Матвеев называет не антисоветизм польского маршала, а то, что принятие советского предложения «оставляло место для политики, как тогда называли, “буферизма” или “буферализма”, так как в этом случае устанавливалась бы непосредственная советско-польская граница, чего польский начальник государства и Главнокомандующий ее вооруженными силами всячески старался избежать» (там же, с. 529).

Советско-польская война закончилась поражением Советской России, потерявшей Западную Украину и Западную Беларусь. По Рижскому договору 1921 г. Россия обязалась отдать имущество, похищенное и вывезенное с польских территорий, однако не спешила это делать. М.И. Мельюхов отмечает, что «самым болезненным для обоих государств вопросом было выполнение статьи 5 Рижского договора, предусматривавшей отказ сторон от поддержки враждебных друг другу организаций на своей территории» (4, с. 132). Осенью 1920 г. в Польше было интернировано около 35 тыс. военнослужащих из отрядов С. Булак-Балаховича, Б. Пермикина, С. Петлюры, Б. Савинкова. Однако в лагерях для интернированных проводились военные занятия, т.е. речь шла не столько об интернированных, сколько о временно разоруженных

военных отрядах. Политические организации УНР и белогвардейцев легально действовали в Польше, а «советские протесты приводили лишь к тому, что одни организации закрывались, а вместо них возникали другие» (4, с. 132–133).

Тем не менее Рижский мирный договор стал дополнением к тому порядку, который был установлен Версальским трактатом для Восточной Европы, поскольку его подписание «привело к установлению восточной границы Польши» (4, с. 129). Доцент Института истории ПАН, д-р ист. наук М. Корнат говорит даже о версальско-рижском порядке международных отношений в межвоенной Европе (14).

Советско-польская война наложила серьезный отпечаток на отношения Москвы и Варшавы в последующие годы. В связи с этим профессор МГИМО(У) МИД России, д-р ист. наук А.В. Ревякин рассуждает об отношении СССР к Польше в начале 1920-х годов. «У нас, – пишет профессор, – сложилось впечатление, что Польше советская дипломатия уделяла больше внимания, чем многим другим странам Центральной и Восточной Европы» (5, с. 77). Дипломатические инициативы СССР были постоянно адресованы Польше, так как по сравнению с другими лимитрофами это государство обладало одним свойством, которому в Кремле придавали первостепенное значение. Речь идет о географическом положении Польши. Ведь «именно с Польшей Советский Союз имел на западе самую протяженную границу» (там же). И эта граница вызывала у советских властей повышенное беспокойство. Отсюда двойственное отношение к Польше – «в зависимости от обстоятельств эта страна могла служить либо плацдармом для нападения на СССР с запада, либо серьезной преградой на пути агрессора» (там же). При этом, – продолжает Ревякин, – «мы не заметили, чтобы советским дипломатам была свойственна какая-то особая предвзятость к полякам как народу, к польской культуре, государству и т.д. О чем бы они ни высказывались, в какой бы тональности – позитивной или негативной – это ни делали, они никогда не имели в виду этнические или культурно-исторические черты облика своих польских коллег» (там же, с. 78). В целом восприятие советскими дипломатами польской внешней политики во многом сформировалось под влиянием войны 1919–1921 гг. и польских союзных договоров 1921 г. с Францией и Румынией, направленных в той или иной степени против советского государства.

Директор Института политических наук ПАН, профессор, д-р В. Матерский пишет, что «после заключения Рижского дого-

вора 1921 г. польско-советские отношения концентрировались вокруг реализации его постановлений, в основном экономического и финансового характера, а практически постоянно возникавшие конфликты происходили исключительно из-за неторопливости Москвы» (3, с. 103). На протяжении 1920–1930-х годов одним из главных был вопрос о заключении договора о ненападении, пункты которого польская сторона толковала «буквально и ставила в зависимость от их реализации все последующие шаги, что было естественно, но двусторонних отношений никак не улучшало» (там же). В начале 1920-х годов польский премьер-министр В. Грабский, увидев, что при столь низком уровне отношений с СССР страдают интересы польской экономики, решил заморозить требования к Москве по выполнению постановлений Рижского договора. Такая политика способствовала нормализации двусторонних отношений, но их уровень по-прежнему оставался низок. Причиной этого, по мнению В. Матерского, «стало предпочтение Советским Союзом германского направления – прежде всего в политике, но также и экономике, что было следствием Рапалльского договора» (там же). С 25 января по 17 февраля 1922 г. в Берлине состоялись официальные, но глубоко засекреченные переговоры Советской России и Германии. Итогом стало подписание 16 апреля 1922 г. в итальянском городе Рапалло советско-германского договора об установлении дипотношений и развитии экономического сотрудничества. Документ дополняли письма, не подлежащие опубликованию.

В ноябре 1924 г., как отмечает профессор Института истории ПАН, д-р ист. наук М. Гмурчик-Броньская, Советский Союз впервые обратился к Польше с предложением заключить договор о ненападении (10, с. 21). Однако уже в январе 1925 г. выяснилось, что у советской и польской сторон имеются серьезные расхождения во взглядах на эту проблему. Как пишет М. Гмурчик-Броньская, поляки хотели вовлечь в переговоры с Москвой Румынию и балтийские государства, а СССР «предложил, не уточняя особенностей, трехсторонний польско-французско-советский договор» (там же).

В октябре 1925 г. дополнением к эвентуальной советской и германской угрозе стало поражение польской дипломатии на конференции в Локарно, суть которого «состояла в ослаблении польско-французского союза, прежде всего в выведении из-под гарантий держав, а следовательно, в постановке в качестве открытой проблемы вопроса о восточных границах Германии» (3, с. 104). Анализируя польскую политику второй половины 1920-х годов, В. Матерский отмечает, что майский переворот 1926 г. и переход всей власти

в государстве к Ю. Пилсудскому «если и изменили политику Второй Польской Республики по отношению к восточному соседу, то только к лучшему» (там же). Ослабление польско-французского союза и дистанцирование Великобритании от Польши толкали последнюю на поиски альтернативы среди ближайших соседей, чтобы не допустить их сближения на антипольской основе. Из этих сообщений складывалось убеждение, что «отношения II Речи Посполитой с Германией и Советским Союзом не должны быть хуже, чем отношения этих стран друг с другом» (3, с. 105). Поэтому Пилсудский «приоритетом польской дипломатии считал необходимость убедить Москву и Берлин в нейтралитете Польши, в том, что она не позволит втянуть себя в какой бы то ни было конфликт, где ей пришлось бы поддерживать одно из этих государств против другого» (там же).

В 1925–1926 гг. Польша и Германия боролись за места постоянного члена в Лиге Наций. Сложная международная обстановка способствовала тому, что Финляндия отказалась поддержать Польшу в ее стараниях получить постоянное место в Совете Лиги. В результате на сентябрьской сессии 1926 г. Германия была принята в Лигу Наций с предоставлением ей постоянного места в ее Совете. Варшавская исследовательница М. Венцлевская полагает, что «вступление в Лигу Наций Германия рассматривала как вопрос престижа» (16, с. 75). Среди целей министра иностранных дел Германии Г. Штреземана после вступления в Лигу были «возвращение Гданьска и “польского коридора”, а также пересмотр границ Верхней Силезии» (там же). Польша же отказалась от постоянного места в Совете Лиги, поскольку, по мнению Венцлевской, она «не хотела “расколоть” сессию (Лиги. – *Реф.*)» (там же, с. 76). Я. Чеховский пишет, что Варшава получила «место полупостоянного члена Совета, которого следовало переизбирать каждые три года» (7, с. 54).

Советско-польские отношения усугубило совершенное в июне 1927 г. на вокзале в Варшаве убийство советского полпреда в Польше П. Войкова. В. Матерский считает, что «польское правительство приложило максимум усилий, чтобы сгладить конфликт. Высшие польские власти поспешили выразить свои соболезнования; убийца был арестован и осужден в ускоренном порядке» (3, с. 105). Однако переговоры по пакту о ненападении затормозились. М. Гмурчик-Броньская отмечает, что до покушения на Войкова польские и советские представители провели семь или восемь встреч по поводу договора, в ходе которых выявили два спорных

вопроса – «упоминание о Лиге Наций... и проблема, касающаяся связи пакта с балтийскими государствами» (10, с. 31).

Советская сторона не была довольна отношениями с Польшей. Как пишет А.В. Ревякин, к началу 1930-х годов «опыт советско-польских отношений... не внушал советским дипломатам оптимизма» (5, с. 77). Но были и обнадеживающие моменты, например то, что Польша «присоединилась к Московскому протоколу 1929 г. о досрочном введении в действие пакта Бриана–Келлога¹» (там же, с. 78).

В начале 1930-х годов польское руководство приступило к реализации нового внешнеполитического курса – политики балансирования министра иностранных дел Ю. Бека. Она подразумевала линию «равного удаления» от Германии и СССР и способствовала противодействию их сближения на антипольской основе. В рамках этой политики в 1932 г. был заключен советско-польский договор о ненападении. В. Матерский пишет, что с 1930 г. проблема советско-польского договора была «тесно увязана с французским контекстом – попыткой комплексного улучшения отношений между Москвой и Парижем, вызванной кризисом рапалльской политики» (3, с. 107). В апреле 1931 г. Париж представил Москве проекты ряда соглашений, призванных улучшить советско-французские отношения, и поставил условие, что советско-французский политический пакт должен быть подписан одновременно с аналогичными советско-польским и советско-румынским договорами. Матерский считает, что «французский подход к советско-польскому пакту о ненападении как к обязательному условию для заключения соглашения между СССР и Францией придал советско-польским переговорам совершенно особый статус» (там же). А свидетельством тому, по мнению польского историка, стало создание для руководства ими в сентябре 1931 г. специальной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), в состав которой вошли Сталин и Молотов, а от Наркомата иностранных дел – нарком М. Литвинов и его заместитель Б. Стомоняков (там же). 25 июля 1932 г. в Москве польский посол С. Патек и Б. Стомоняков подписали советско-польский договор о ненападении.

Однако и после заключения в 1932 г. советско-польского договора о ненападении в двусторонних отношениях возникали труд-

¹ Имеется в виду Парижский пакт, подписанный представителями 15 государств мира 27 августа 1928 г. и призывающий к отказу от войны как орудия национальной политики. – *Прим. авт.*

ности. Отчасти они объяснялись тем, как пишет А.В. Ревякин, что «сама польская дипломатия вела себя по отношению к советской стороне далеко не дружественно» (5, с. 79). Для этого имелись веские основания. По утверждению Ревякина, «отношения между обеими странами лихорадило от всякого рода дипломатических трений и перебранок, поводов для которых всегда хватало с избытком – от пограничных инцидентов до несдержанности и явно недружественных выпадов официозной печати обеих стран, от условий работы дипломатических и консульских учреждений до “враждебной” деятельности в Польше “белогвардейских” организаций, а в СССР – Коммунистического Интернационала» (там же). На фоне разногласий усилилась подозрительность Москвы в отношении Варшавы. А В. Матерский утверждает, что после подписания пакта 1932 г. между Польшей и СССР, наоборот, начался период сближения. Имел место обмен делегациями, включая ряд визитов представителей творческой интеллигенции, в частности архитекторов. Расширилась практика обмена журналами и изданиями в области науки и искусства, информации и образования. На конгрессах в Польше выступали ученые из СССР. Наметился прогресс, «казалось бы, даже в совсем безнадежных вопросах, как, например, устройстве в Киеве кладбища польских солдат, погибших в кампании 1920 г.» (3, с. 111).

Однако волна высокой активности в двусторонних отношениях стала быстро спадать, что подтвердило ее полную зависимость от политической конъюнктуры. Из беседы наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова с польским посланником Ю. Лукасевичем от 23 марта 1933 г. советские дипломаты знали о том, что «польское правительство было бы готово пойти на уступки гитлеровцам в их притязаниях к другим странам, лишь бы остались в покое Польшу...» (5, с. 83). Москву тревожила возможность польско-германского компромисса на почве взаимных территориальных компенсаций за счет третьих стран. Тем не менее Ревякин утверждает, что в 1932–1933 гг. между СССР и Польшей «еще не было непреодолимых разногласий, касавшихся безопасности того и другого государства» (там же, с. 84). Следовательно, в это время могло возникнуть более тесное сотрудничество обоих государств в международных делах. Но уже несколько лет спустя возникли непреодолимые разногласия. В 1934 г. польские дипломаты «разыграли» своих советских коллег и, отвлекая их переговорами по балтийскому вопросу, подготовили и 26 января подписали в Берлине декларацию о ненападении с Германией.

Договоры 1932 и 1934 гг. принесли Польше ощущение некоторой стабильности, но не придали ей уверенности в мирных намерениях соседей. Профессор Института истории ПАН, д-р ист. наук М.К. Каминьский, анализируя договор Польши с СССР, констатирует, что «у польской стороны не было иллюзий относительно мирных намерений Советского Союза», поэтому она обеспечила себе возможность «выйти из пакта в случае агрессивных действий Советов» (12, с. 15–16). А профессор Университета кардинала С. Вышиньского, доцент Института истории ПАН, д-р ист. наук М. Корнат задается вопросом о том, как Польше удалось за короткий срок заключить два важных договора с СССР и Германией. По его мнению, этому благоприятствовало ухудшение германо-советских отношений в связи с приходом к власти в Германии в 1933 г. А. Гитлера. «Анtagонизм, который существовал между Германией и СССР, – пишет Корнат, – создал для польской дипломатии необыкновенные возможности, такие, о которых польские политики в 1920-х годах не могли даже мечтать» (13, с. 310).

М.К. Каминьский констатирует, что советские власти враждебно отнеслись к польско-германской декларации и решили ответить на нее пропагандистской акцией (11, с. 57). 20 апреля 1935 г. на первых полосах газет «Известия» и «Правда» по случаю дня рождения Гитлера был опубликован текст польско-немецкого договора 1934 г. Поляки решили не отвечать на провокацию, так как «это ниже достоинства Польского государства» (там же, с. 58). Вышеуказанный договор носил тайный характер и был впервые опубликован во французской газете «Республика» 18 апреля 1935 г., что по вполне понятным причинам вызвало негативную реакцию Варшавы, а его появление в советской прессе польская сторона связывала «с кругами, близкими к советскому посольству в Париже» (там же).

М. Корнат, рассуждая о возможности Варшавы заключить политические договоры с СССР и Германией одновременно, утверждает следующее: «С уверенностью можно сказать, что не было бы ни первого, ни второго договора, если бы не резкое ухудшение в это же время германо-советских отношений, связанное с приходом Гитлера к власти в январе 1933 г. Антагонизм, нараставший между Германией и СССР, открыл перед польской дипломатией необычайные возможности, такие, о которых польские политики 1920-х годов не могли даже и мечтать» (13, с. 350).

В. Матерский отмечает, что министра Ю. Бека обвиняют в том, что ради тактического успеха политики «равноудаленности»

от СССР и Германии он упустил стратегический шанс, который якобы давало дальнейшее сближение с Москвой на антигерманской основе. «С этим трудно согласиться, – продолжает польский историк, – даже если буквально трактовать какие бы то ни было советские обязательства по отношению к Польше» (3, с. 117).

В связи с этим определенный интерес представляет точка зрения канд. ист. наук С.З. Случа (Институт славяноведения РАН), утверждающего, что «сама по себе Польша не могла представлять угрозы для СССР» (6, с. 311). Это понимали в Москве, но «доминировавшее во внешней политике советского государства влияние субъективного фактора наряду с усилением прогерманских тенденций во внешней политике Варшавы и одновременно наличие в ней антисоветского комплекса сформировали у Сталина и, соответственно, в Наркоминделе устойчивый антипольский синдром, лишь слегка прикрыту враждебность к государству, существование которого отвечало насущным геостратегическим интересам Советского Союза» (там же).

М. Корнат называет 1934–1938 годы в советско-польских отношениях периодом «холодной войны» (13, с. 359). При этом он пишет, что «несомненным желанием Пилсудского и Бека было то, чтобы польско-советские отношения реально улучшились и возможно более полно нормализовались» (там же). Однако нормализация не должна была привести к заключению польско-советского союза, поскольку такой союз означал бы подчинение Польши СССР и ее советизацию. Кроме того, Варшаву и Москву разделяло «различное, даже полностью противоположное отношение к вопросу коллективной безопасности в Центрально-Восточной Европе» (там же, с. 362). Для Москвы после ухудшения отношений с Берлином важнейшее политическое значение имел проект Восточного пакта¹. Для Варшавы же он был неприемлемым, поскольку поляки боялись попасть в зависимость от СССР и «разрушить добрые польско-германские отношения» (там же).

После подписания польско-германской декларации 1934 г. Кремль стал придерживаться жесткого тона в разговорах с Варшавой. Некоторое время советские дипломаты не исключали возможности ослабления польско-германских связей, ведь было очевидно,

¹ Восточный пакт – проект соглашения в рамках региональной системы безопасности между Германией, Чехословакией, Польшей, СССР и балтийскими республиками при корреляции этой системы с Францией через советско-французский договор о взаимопомощи. – Прим. реф.

что Германия представляла угрозу для безопасности Польши. Однако с осени 1936 г., по мнению А.В. Ревякина, «никаких признаков того, что советские дипломаты еще питали какие-то надежды на перемену курса польской политики и предпринимали попытки вызвать польских представителей на откровенное обсуждение этого вопроса, мы не обнаруживаем» (5, с. 98). А уничтожение Сталиным в 1937–1938 гг. руководства польского коммунистического движения, констатирует В. Матерский, способствовало сведению советско-польских отношений к минимуму (3, с. 125). «Редкие дипломатические контакты имели место в основном на форумах Лиги Наций или в связи с вопросами, внешними для обоих государств, проблемами и конфликтами в центральноевропейском регионе» (там же).

В конце 1930-х годов напряженность в Европе постепенно возрастала. Политика «умиротворения» агрессора, проводившаяся западными державами в отношении Германии, Италии и Японии, не принесла положительных результатов. В 1936 г. началась Гражданская война в Испании, завершившаяся в 1939 г. победой поддерживаемых Германией и Италией франкистов. В марте 1938 г. Германия осуществила аншлюс Австрии и начала угрожать Чехословакии. В сентябре 1938 г. разразился «чехословацкий кризис», следствием которого стало подписание Германией, Италией, Англией и Францией Мюнхенского соглашения, по которому Чехословакия уступала Германии Судетскую область и обязывалась в трехмесячный срок «урегулировать» вопросы, касающиеся польского и венгерского национальных меньшинств. Польша не поддержала Чехословакию, а, наоборот, приняла активное участие в ее расчленении¹. М.К. Каминьский обвиняет в бездействии Советский Союз, который «тоже не хотел защищать Чехословацкое государство перед Третьим рейхом» (12, с. 19). С.З. Случ полагает, что «польский фактор» был умело использован Гитлером во время чехословацкого кризиса. Польша оказалась вовлеченной в него «за весьма умеренную плату», что вызвало ухудшение ее отношений с западными державами, так как участие Варшавы в «дележе добычи» проходило «вне согласованных в Мюнхене процедур» (6, с. 310). А сотрудник Института экономики РАН, д-р ист. наук В. Даичев пишет, что руководители СССР и западных держав «оказались не-

¹ После окончания Мюнхенской конференции Польша приступила к оккупации чехословацкой части Тешинской Силезии. – Прим. реф.

способными к трезвой оценке всеобщей угрозы, созданной Германией, и к применению общих средств противостояния ей» (8, с. 145).

В то же время полякам казалось, что им удалось снять напряженность в отношениях с Советским Союзом. В ноябре 1938 г. наступило существенное улучшение в польско-советских отношениях. Оба государства подтвердили актуальность заключенных ранее соглашений. Нормализация отношений продолжалась до 19 июля 1939 г., когда был подписан польско-советский торговый договор. Но, как пишет доктор истории, профессор М. Волос (Университет Н. Коперника в Торунь), «трудно сказать, что этот курс был продолжительным в политике Москвы» (17, с. 161). Он задается вопросом о том, было ли согласие Сталина на улучшение отношений с Польшей одним из видов давления на Берлин в собственных интересах. Ведь после встречи польского посла Ю. Липского с министром иностранных дел Германии И. фон Риббентропом 24 ноября 1938 г. стало ясно, что объектом немецкой агрессии станет Польша. Можно ли считать это первым сигналом Сталина Гитлеру, дающим понять, что «путь к удовлетворению очередных желаний Берлина лежит только через сотрудничество с Москвой»? (там же, с. 162).

Летом 1939 г. из-за обострившегося конфликта по поводу «вольного города» Данцига возникло напряжение в польско-германских отношениях. В Данциге велась подготовка к присоединению города к Германии в нарушение Версальского договора, что вызвало крайне негативную реакцию поляков и их вмешательство в дела Данцига. 9 августа Германия предупредила Польшу, что продолжение ею агрессивной политики по данцигскому вопросу вызовет ухудшение польско-германских отношений. М.И. Мельтохов пишет по этому поводу следующее: «Учитывая, что в это время шли активные англо-германские зондажи на предмет достижения всеобъемлющего соглашения, вполне понятно, что события в Данциге лишь подтолкнули Берлин к игре мускулами и вызвали неудовольствие Лондона и Парижа, с которыми Варшава и не подумала проконсультироваться» (4, с. 241).

Положение Польской Республики стало еще более уязвимым после того, как 23 августа 1939 г. СССР и Третий рейх подписали договор о ненападении. И.В. Сталин, как полагает С. Дембский, не был заинтересован «в сохранении мира, ведь это означало бы продолжение действия системы, в которой управляемая большевиками Россия не обладала равноправной с другими европейскими державами позицией» (9, с. 14). Договор СССР с Германией был дополнен секретным протоколом, определившим сферы интерес-

сов в Восточной Европе и содержавшим статью о разделе Польши на две части вдоль рек Нарев, Висла и Сан. Правобережная Варшава оказалась в сфере интересов СССР. С. Жерко пишет, что «пакт со Сталиным, несомненно, значительно облегчил Рейху нападение на Польшу, а также решительно усиливал исходную позицию Германии на момент начала Второй мировой войны» (19, с. 125). А С. Дембский считает, что главной целью как Германии, так и Советского Союза «было развязывание войны» (9, с. 45).

А.В. Ревякин, анализируя польскую политику Наркоминдела накануне Второй мировой войны, задается вопросом о том, было ли адекватным восприятие советскими дипломатами внешней политики Польши? И отвечает, что в чем-то советская дипломатия была права, например «в том, что амбиции Польши, ее территориальные притязания к соседям могут для всех обернуться большой бедой» (5, с. 99). Но в чем-то советская дипломатия и ошибалась. К примеру, она «явно переоценивала степень близости Польши и Германии, подозревая наличие между ними тайного агрессивного союза» (там же).

В ночь с 30 на 31 августа 1939 г. немецкая сторона предъявила Польше претензии, так называемые «16 пунктов», которые по сути были диктатом Германии, но не обсуждались в связи с тем, что польский представитель не приехал на соответствующую встречу. Несмотря на это, министр Ю. Бек под давлением Лондона и Парижа выразил согласие начать переговоры с Германией, но в связи с надвигавшейся военной угрозой это уже не имело никакого значения. С. Жерко отмечает, что посол Липский, которому хотели поручить ведение переговоров с Берлином, «не получил, однако, никаких дополнительных полномочий» (19, с. 129).

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Англия и Франция объявили войну Германии только 3 сентября. Началась Вторая мировая война, которая, как пишет С. Дембский, «принесла миллионы жертв и затормозила развитие Европы на несколько десятилетий» (9, с. 45). Советское руководство вместо действенного участия в судьбе Польши, по мнению В. Матерского, было занято тем, что «стремилось предотвратить новый Мюнхен, не допустить масштабного соглашения Англии и Франции с Германией без участия СССР» (3, с. 161). А М. Корнат утверждает, что «1939 год... обещал быть неплохим для польско-советских отношений», которые «характеризовались значительной степенью стабилизации», но реальное соотношение сил на международной арене «было для Польши неблагоприятным» (13, с. 365).

Список литературы

1. *Корнат М.* Польша между Германией и Советским Союзом (1938–1939). Политические концепции министра Ю. Бека и международная обстановка // Международный кризис 1939 года в трактатах российских и польских историков. – М.: Аспект Пресс, 2009. – С. 349–404.
2. *Матвеев Г.Ф.* Подготовка советской стороны к мирным переговорам с Польшей в 1920 году // Историки-слависты МГУ. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. – Кн. 8: Славянский мир: В поисках идентичности. – С. 526–539.
3. *Матерский В.* 1920–1930-е годы в истории советско-польских отношений // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 103–126.
4. *Мельтихов М.И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты, 1918–1939. – М.: Вече, 2009. – 624 с.
5. *Ревякин А.В.* 1920–1930-е годы в истории советско-польских отношений // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 74–102.
6. *Случ С.З.* Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. – август 1939 г.) // Международный кризис 1939 года в трактатах российских и польских историков. – М.: Аспект Пресс, 2009. – С. 309–348.
7. *Czechowski J.* Wzloty i upadki w politycznych relacjach Polski i Finlandii w dwudziestoleciu międzywojennym // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2009. – R. 41, N 1. – S. 49–60.
8. *Daszycew W.* Niemiecka polityka zagraniczna w przededniu II wojny światowej // Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. – W-wa: Polski inst. spraw międzynarod., 2009. – S. 131–147.
9. *Dębski S.* Układ monachijski i pakt Ribbentrop–Mołotow siedemdziesiąt lat później – problemy, interpretacje, oddziaływanie // Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. – W-wa: Polski inst. spraw międzynarod., 2009. – S. 13–45.
10. *Gmurczyk-Wrońska M.* Negocjacje polsko-sowieckie o pakt o nieagresji w roku 1927 i w latach 1931–1932 // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2012. – R. 44, N 3. – S. 21–51.
11. *Kamiński M.K.* Czechosłowackie i sowieckie reakcje na polsko-niemiecką deklarację o niestosowaniu przemocy z 26. I. 1934 r. // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2012. – R. 44, N 3. – S. 53–59.
12. *Kamiński M.K.* Sowiety wobec sytuacji spowodowanej kryzysem państwa czechosłowackiego we wrześniu 1938 r. // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2010. – R. 62, N 3. – S. 15–22.
13. *Kornat M.* Polska między Niemcami a Związkiem Sowieckim (1938–1939). Konsepcje polityczne ministra Józefa Becka i sytuacja międzynarodowa // Kryzys

- 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. – W-wa: Polski inst. spraw międzynarod., 2009. – S. 309–361.
14. *Kornat M.* Zrozumieć system wersalski, czyli o genezie II wojny światowej // *Dzieje najnowsze*. – W-wa, 2009. – R. 41, N 3. – S. 7–11.
 15. *Landau-Czajka A.* Odrodzona Polska czy odrodzona ojczyzna? Odzyskanie niepodległości w świetle polskojęzycznej prasy żydowskiej 1918–1920 // *Dzieje najnowsze*. – Wrocław etc., 2011. – R. 43, N 3. – S. 61–80.
 16. *Węciewska M.* Polskie dylematy w «czasach aniołów». Próby budowania bezpieczeństwa zbiorowego w Europie w latach 1926–1929 a koncepcje polskiej polityki zagranicznej w świetle «*Gazety Warszawskiej*» // *Acta Univ. Iodziensis*. – Łódź, 2008. – N 82. – S. 71–101.
 17. *Wołos M.* Polityka zagraniczna ZSRR w latach 1938–1939 // *Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków*. – W-wa: Polski inst. spraw międzynarod., 2009. – S. 151–171.
 18. *Zamoyski A.* Warszawa 1920: Nieudany podbój Europy. Klęska Lenina. – Kraków: Wydaw. Literackie, 2009. – 289 s.
 19. *Żerko S.* Niemiecka polityka zagraniczna w przededniu II wojny światowej // *Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków*. – W-wa: Polski inst. spraw międzynarod., 2009. – S. 85–129.

Влодаркевич В.

ПЕРЕД 17 СЕНТЯБРЯ 1939 г.: СОВЕТСКАЯ УГРОЗА ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ОЦЕНКАХ ПОЛЬСКИХ ВЫСШИХ ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ В 1921–1939 гг. (Реферат)

Włodarkiewicz W. Przed 17 września 1939 roku: Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w ocenach pol. naczelnych władz wojskowych, 1921–1939. – W-wa: Wyd. Neriton, 2002. – 318 s.

Польский историк В. Влодаркевич (Институт гуманитарных наук Военной технической академии Польши) посвятил свое исследование малоизученной проблеме информированности высших органов военной власти Польской Республики о военном потенциале Советского государства в 1921–1939 гг. Автор анализирует оценки угрозы Польше со стороны Москвы и решения руководства Войска Польского по улучшению подготовки армии и государства к возможной войне с восточным соседом. Монография написана главным образом на основе материалов Генерального штаба Войска Польского, а также фондов польских и британских архивов, опубликованных источников, новейшей литературы. Книга состоит из введения, четырех глав («Организация главного военного командования и военной разведки, а также ее задачи и деятельность в 1921–1939 годах», «Польские оценки советской угрозы в 1921–1926 годах», «Изучение угрозы со стороны Советского Союза в 1926–1935 годах», «Оценки советской угрозы во второй половине 1930-х годов») и заключения.

Автор начинает свое исследование с окончания советско-польской войны, что ознаменовало перевод всех сфер жизни Польши на мирные рельсы. Еще до подписания мирного договора в Риге Ю. Пилсудский приказал упразднить Главное командование Войска

Польского, а также руководящие должности всех фронтов и армий. Военное министерство реорганизовалось в соответствии с потребностями мирного времени. Согласно директиве от 7 января 1921 г., прямое руководство вооруженными силами Польши осуществлял Генеральный штаб Войска Польского, который «занимался организацией и обучением армии, мобилизацией, вооружением и снабжением, а также приготовлением оперативных планов по обороне страны» (с. 16).

По конституции 17 марта 1921 г., главнокомандующим вооруженными силами Польши был президент страны, но он не мог выполнять эту функцию в военное время. Деятельность основных военачальников и военных органов была усложнена приказом военного министра от 4 ноября 1921 г., согласно которому при решении важнейших проблем он должен был выслушать мнение Военного Совета, сфера деятельности которого не была определена. А руководство Войском Польским было поделено между военным министром и председателем Военного Совета. В конце 1922 г. проблема организации высших военных властей «должна была быть урегулирована уставом сейма» (с. 17).

Генезис польской военной разведки, по мнению автора, начался в годы Первой мировой войны. В то время разведывательная деятельность проводилась Польской Военной Организацией (Polska Organizacja Wojskowa), которая продолжила свою работу и в годы советско-польской войны. В мае 1918 г. был создан II отдел Генштаба Войска Польского, который и проводил в межвоенный период разведывательную деятельность в военной сфере. Именно на основании материалов разведки военные руководители Польши оценивали степень советской опасности для страны. В 1921–1939 гг. II отдел не раз претерпевал реорганизацию, что негативно сказалось на его разведывательной деятельности.

В начале 1920-х годов II отдел возглавлял подполковник И. Матушевский, а под его руководством работали 64 офицера. II отдел занимался тогда обработкой разведывательных данных и анализом положения иностранных государств, особенно потенциальных противников Польши – Германии, СССР и Литвы. Он подготовлял также специальные информационные сводки о других армиях, а также анализировал межнациональные отношения в Польской Республике. Ему подчинялись военные атташе при дипломатических представительствах Польши в различных государствах и Польской военной миссии во Франции.

Разведывательную деятельность проводили подразделения II отдела, которые отвечали за определенные территории. Согласно приказу военного министра от 12 августа 1921 г. были созданы следующие подразделения: № 1 – в Вильно, № 2 – в Гданьске, № 3 – в Познани, № 4 – в Кракове, № 5 – во Львове и № 6 – в Бресте над Бугом (с. 25).

В 1923 г. начальником II отдела стал полковник М. Байер, который занимал эту должность до майского переворота 1926 г., после чего его сменил полковник Т. Шетцель. Информацию для Генштаба в то время обрабатывало так называемое Бюро исследований (Biuro Studiów). В. Владаркевич полагает, что это была самая слабая структура польской разведки (с. 46). Так, например, в Бюро не было ни одного офицера с опытом разведывательной работы на территории России, а для изучения текущей политической ситуации не нашлось специалиста с экономическим или политологическим образованием.

Главной причиной слабости польской разведки с конца 20-х годов было отсутствие глубокой агентурной работы. Этот недостаток старались исправить военные, работавшие при консульствах, а позднее посольстве Польской Республики в Москве, а также при польских дипломатических представительствах в государствах, граничащих с СССР.

Разведывательный отдел доставлял полученную информацию начальнику Генерального штаба Войска Польского, военному министру (с 1926 г. генеральному инспектору вооруженных сил Ю. Пилсудскому, а с 1935 г. – маршалу Э. Рыдз-Смиглы), а также представителям высшей государственной власти с президентом во главе. Сведения о военном потенциале СССР поступали из разных источников. Их получали разведывательные подразделения отделов «Восток» и «Запад», военные атташе Польской Республики при посольстве Польши в Москве, подразделения II отдела № 1, 5 и 6, государственные учреждения и т.д. Данные о ситуации в приграничных районах СССР собирала разведка Корпуса охраны границы (КОП). Законспирированные офицеры спецслужб, работавшие в польских дипломатических представительствах в СССР, получали фрагментарные, но зачастую очень ценные сведения.

Рассматривая в хронологической последовательности деятельность разведывательного отдела, автор констатирует, что после окончания польско-советской войны 1919–1920 гг. основные разведданные стали поступать из отделений польской разведки, действовавших в СССР, а также из Латвии, Эстонии, Финляндии,

Румынии и Японии. В первые послевоенные годы польская разведка «несколько раз информировала высшие военные власти об опасности возобновления со стороны Советской России, а затем Советского Союза, военных действий против Польши или союзнической Румынии» (с. 90). Однако, по мнению В. Владаркевича, Советский Союз в то время «еще не был готов к развязыванию новой войны из-за внутренних трудностей, а также отсутствия явного военного превосходства над Польской Республикой и ее союзниками» (там же).

Работа польской разведки с территорией балтийских государств столкнулась с массой трудностей, особенно в Эстонии. Рижское отделение сообщало в конце 1920 г. о трудностях финансового и организационного характера. Самые благоприятные условия для работы были созданы в Финляндии. В августе 1921 г. разведывательные отделения были поделены на две условные группы: группа «А» охватывала отделения, окружавшие советское государство от г. Хельсинки до Константинополя, а группа «Б» функционировала в официальных представительствах Польской Республики, действовавших на территории Советской России и других советских республик (с. 49–50).

В польской разведке работали разные агенты. Так, среди последних была студентка Университета Стефана Батория в Вильно Хелена Рубшиньская. К сотрудничеству с разведкой ее склонило желание восстановить связи с семьей, которая после изменения границ оказалась на территории Белорусской ССР. Заданием Рубшиньской в Советской Белоруссии был «поиск кандидатов в резиденты», который обеспечил ей возможность видеть семью (с. 50).

Согласно информации Генштаба Войска Польского, в 1921–1926 гг. военные возможности пехоты, кавалерии и артиллерии Красной армии существенно возросли. Анализ советского военного потенциала свидетельствовал также об углублении военного сотрудничества СССР с Германией, серьезным противником Польши. Немецкая помощь Красной армии вооружением и существование на территории СССР учебных центров рейхсвера как проявления германо-советского сближения таили в себе опасные последствия для Польши, и «польская сторона отдавала себе в этом отчет» (с. 118).

В 1926–1935 гг. генеральный инспектор вооруженных сил Польши маршал Ю. Пилсудский полагал, что главная опасность для Польши исходит от Советского государства. Генеральный штаб по-прежнему занимался анализом военных возможностей СССР, прослеживал модернизацию технического оснащения Красной ар-

мии. Данные польской разведки свидетельствовали о том, что в 30-е годы Красная армия значительно опередила Войско Польское в области самолетостроения и моторизации бронетанковых войск. Согласно аналитическому обзору «Политическое и военное положение СССР на 1.12.1934 г.», Красная армия имела 1034 средних и тяжелых танка, 2240 броневиков и 3195 боевых самолетов (с. 167).

Польские военные власти также систематически анализировали возможность начала новой войны с СССР. В 1934 г. состоялась конференция руководства Войска Польского и Министерства иностранных дел Польши, на которой рассматривались возможности военного нападения со стороны сталинского СССР и нацистской Германии. По предложению участвовавшего в конференции маршала Ю. Пилсудского, была создана специальная аналитическая лаборатория во главе с генералом К. Фабрицым, призванная «исследовать проблему нарастания военной угрозы со стороны Советского Союза и Германии» (с. 170).

В 1935–1939 гг. потребность высших военных руководителей Польши в аналитической информации о военных возможностях и внутреннем положении СССР и Германии еще более возросла. Получив сведения о росте боеспособности армий противников, польские военные власти постановили реализовать шестилетний план модернизации и увеличения Войска Польского, разработать оперативный план «Восток» по выяснению основных направлений возможного советского наступления и мобилизационный план «W», а также создать фортификационную полосу на восточной границе. Кроме того, Польшей была предпринята попытка подтвердить прежние союзные договоры и подписать новые, чтобы «исключить опасность вести войну в одиночку» (с. 210).

В целом польские военные власти считали советскую угрозу Польше более реальной, чем опасность немецкой агрессии. Однако весной 1939 г. опасения советского нападения отошли на второй план, поскольку наступательные приготовления Германии уже стали очевидными для польской стороны.

В начале Второй мировой войны разведка Польши не прекратила своего существования. Однако по сравнению с дооценным временем она работала менее эффективно. В первые недели войны продолжала действовать и разведка КОП. В день нападения Германии на Польшу, 1 сентября 1939 г., руководители 1-го и 5-го подразделений II отдела получили приказ постоянно наблюдать за оборонительными сооружениями «Советского Союза разведывательными методами и с помощью пограничников с одновременным

прекращением диверсионных акций» (с. 243). Угроза со стороны СССР не исключалась, но противодействие ей было затруднено из-за отсутствия достоверной информации о германо-советском сотрудничестве и сущности пакта Молотова–Риббентропа. Поэтому доносы разведчиков о мобилизации Красной армии и концентрации ее войск у польской границы не расценивались как подготовка вторжения Советского Союза в Польшу.

В сентябре 1939 г. выяснением стратегических планов Советского Союза занимался подполковник Я. Ковалевский, который в своей записке генералу Т. Малиновскому от 13 сентября сообщал, что министр иностранных дел Польши Ю. Бек «вообще не принимал во внимание возможность советского нападения на Польшу, но был убежден в том, что в перспективе могло стать возможным выступление Советского Союза против Третьего рейха даже как союзника Польской Республики и западных держав» (с. 252). Польский министр ошибочно оценивал намерения Советского Союза вплоть до вторжения его войск на территорию Польши 17 сентября 1939 г.

O.B. Бабенко

О.В. Бабенко

СОБЫТИЯ 17 СЕНТЯБРЯ 1939 г. ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ (Аналитический обзор)

В современной российской и польской историографии серьезное внимание уделяется событиям сентября 1939 г. Российский историк, д-р ист. наук Н. Лебедева (Институт всеобщей истории РАН) пишет, что со временем трагических событий сентября 1939 г. «были опубликованы десятки томов документов, сотни научных монографий, тысячи статей и эссе во многих странах мира, в том числе и в России» (7, с. 437). В советской историографии повторялись тезисы о фальсификаторах истории, доказывалась справедливость советско-германских договоров 1939 г., оспаривалось наличие секретных протоколов к ним и т.п. Главными «поджигателями войны» назывались Германия, Великобритания, Франция и США. Утверждалось, что 17 сентября 1939 г. Польша перестала существовать как независимое государство, а деятельность Красной армии на ее территории называлась «освободительным походом на Западную Белоруссию и Западную Украину» (там же).

Вступление Красной армии 17 сентября 1939 г. в западно-украинские и западнобелорусские земли, входившие в состав Польского государства, именуется в современной польской историографии «оккупацией» (3; 6). Поляки действительно расценивали действия советского правительства как агрессию, поэтому до июля 1941 г. Польское правительство в эмиграции не имело дипломатических отношений с СССР. В книге известных польских историков М. Тымовского, Я. Кеневича и Е. Хольцера «История Польши» события 1939 г. именуются «нападением СССР на Польшу» (2, с. 520). А в монографии докторанта Института истории ПАН Л. Мочульского «Польская война» СССР представлен как потенциальный

агрессор. Согласно его утверждению, «уже в 1938 г. Сталин решился на вооруженное выступление, хотя и собирался проводить войну, ограниченную захватом какой-либо добычи. К этой мысли он привык и в 1939 г. уже не встречал никакого сопротивления, речь шла лишь о выборе подходящего момента» (10, с. 852–853). Правда, Мочульский признает, что решение об оккупации польских кресов¹ было «подсказано» Москве Берлином: 4 сентября 1939 г. немецкий посол в СССР Ф.-В. фон дер Шуленбург предложил НКИД занять восточные земли Польши (там же, с. 841).

Согласно позиции ряда польских историков, западные земли Украины и Белоруссии, оккупированные Красной армией, рассматриваются как «Восточная Польша» (5, с. 45), а агрессия СССР, с этой точки зрения, была направлена прямо против Польского государства в его исторических границах. Однако цель похода Красной армии советским руководством была сформулирована иначе. Российский историк д-р ист. наук В.А. Невежин (Институт российской истории РАН) подчеркивает, что личный состав РККА выразил добровольное согласие выполнить приказ об освобождении «угнетенных братьев» белорусов и украинцев (1, с. 167–168). С постановки данной задачи, как пишет сотрудник Института славяноведения РАН, канд. ист. наук С. Случ, началась «реализация сталинско-потемкинского сценария четвертого раздела Польши²», несколько скорректированного Гитлером, который отвел Советскому Союзу роль наковални» (11, с. 401).

В то же время польское правительство знало о надвигавшейся военной угрозе и рассчитывало на помощь западных держав. 23 августа 1939 г. в Париже была сформулирована тайная дипломатическаяnota о международном положении Польши в связи с ее сложными отношениями с Германией. О пакте Молотова–Риббентропа в ней не упоминалось. Отмечалось только, что польско-румынская военная конвенция предполагает защиту Польши только в случае советской агрессии. Из этой ноты следовало, что нападение Германии на Польшу не должно вызвать военной реакции

¹ В современной российской и польской историографии «кресами» называют пограничные территории Польши, главным образом Западную Беларусь и Западную Украину. – Прим. авт.

² В.П. Потемкин (1874–1946), в 1937–1940 гг. 1-й заместитель наркома иностранных дел СССР пользовался большим доверием Сталина. Он полагал, что после занятия Москвой некоторых районов Польши немцы сделают то же самое, а Польшу постигнет «утрата национальной независимости» (11, с. 401).

европейских государств. В тот же день министр иностранных дел Франции Ж. Бонне написал премьер-министру Э. Даладье, что польско-французский договор 1921 г. накладывает на Францию военные обязательства. Осенью 1939 г. сложилась ситуация наподобие сентября 1938 г., когда Франция, с одной стороны, пыталась любой ценой избежать войны, но, с другой стороны, понимала, что «этой войны уже нельзя избежать» (4, с. 58). Именно поэтому Даладье в выступлении на радио 25 августа сказал, что «война против Польши означает также войну против Франции» (цит. по: 4, с. 61).

Советская сторона обуславливала возможность и даже необходимость вторжения в Польшу следующим образом. По утверждению Наркоминдела, польское правительство распалось, а государство перестало существовать, поэтому прекратили свое действие все советско-польские договоры. Посол Польши в Москве В. Гжибовский опротестовал зачитанную ему соответствующую ноту НКИД и отказался ее принять. Он утверждал, что ни один из аргументов советской стороны не выдерживает критики. Однако протесты посла не возымели должного действия. Польский историк П. Лоссовский подчеркивает, что «агрессия» СССР была совершена «вопреки всем обязательствам и договору о ненападении...» (8, с. 56).

Н. Лебедева соглашается с мнением П. Лоссовского и пишет, что «правящие круги СССР не только развязали войну агрессивную, но и нарушили международные договоры и соглашения» (7, с. 456). И действительно, вторгшись на территорию Польши, СССР нарушил сразу два двусторонних договора – Рижский мир 1921 г. и пакт о ненападении 1932 г., пролонгированный до 31 октября 1945 г., а также ряд многосторонних договоров.

Польский историк Я. Тебинка раскрывает причины выбора советской стороной 17 сентября как дня нападения на Польшу. Он пишет, что выбор был сделан на том основании, что 16 сентября были прекращены японо-советские столкновения на границе с Монгoliей. У СССР теперь были развязаны руки на Дальнем Востоке, поэтому он мог приступить к активным действиям на Западе (12, с. 236).

Другой польский историк Я. Войтковяк отмечает, что нападение на Польшу было осуществлено согласно директивам маршала Ворошилова (13, с. 419). В них предусматривалась готовность двух фронтов (Белорусского и Украинского) утром 17 сентября перейти в наступление и разбить польские войска. Были также расписаны действия на два первых дня войны. Н. Лебедева приводит в своей

статье аналогичные задачи для фронтов (7, с. 452–453). О задачах Белорусского и Украинского фронтов пишет и М. Литвин (9, с. 46).

Я. Войтковяк подчеркивает, что Польша была совершенно неподготовлена к нападению Красной армии. Объявленная в срочном порядке мобилизация привела к тому, что на окраинах страны не осталось регулярных польских частей. Даже из Пинской флотилии был сформирован отряд, направленный на Вислу. Особенно скромными были польские вооруженные силы на территории действий Белорусского фронта. В частности, в районе Волковыска были сформированы кавалерийские подразделения под командованием генерала бригады В. Пшезьдзецкого – около 2 тыс. человек. Между Брестом над Бугом и Пинском находилась независимая оперативная группа «Полесье» генерала бригады Ф. Клееберга. В Вильно и Гродно были собраны резервы из запасных частей, слабо вооруженные либо вообще безоружные. Эти силы были разбросаны по разным территориям, «что только облегчало задачу Красной армии» (13, с. 421).

К югу от Полесья ситуация была совсем иной. Туда постоянно прибывали подразделения, не участвовавшие в войне с Германией, главным образом из запасных частей. Здесь же концентрировались регулярные части из Малопольши и центра страны, которым удалось оторваться от Германии. Поэтому накануне нападения Красной армии на территории, противостоявшей Украинскому фронту, могло оказаться 350–380 тыс. польских солдат и офицеров. Однако, как подчеркивает Я. Войтковяк, среди них было много раненых, а у половины не было оружия.

17 сентября В. Молотов по радио произнес тезис о «банкротстве» Польского государства и выдвинул новые «аргументы» в пользу того, что место пребывания польского правительства неизвестно, а прежние соглашения утратили юридическую силу. Именно поэтому, пишет Н. Лебедева, СССР решил протянуть руку помощи своим братьям – украинцам и белорусам, живущим в Польше (7, с. 456).

Н. Лебедева отмечает, что вторжение СССР в Польшу «вызвало шок на Западе» (там же, с. 457). Его обсуждали в правительствах, дипломатических кругах; в европейской и американской прессе появилось много публикаций на эту тему. СССР был обвинен в интервенции и агрессии, что связывалось с общим характером и сущностью советского режима, а также с его имперскими амбициями.

Н. Лебедева так описывает ход событий 17 сентября. В этот день в 5 часов утра войска Украинского и Белорусского фронтов перешли границу и начали фактически беспрепятственно продвигаться на Запад, преодолевая 50–70 км ежедневно. Полоцкая группировка к вечеру заняла Свенчаны и достигла района Постав. Минская группировка в 15.00 дошла до Молодечно, а вечером – до линии Ошмян–Курмеляны–Хольшаны. Дзержинская группировка без боя взяла Барановичский район, затем заняла Новогрудек, а вечером достигла железной дороги Вильно–Барановичи. Бобруйская группировка в 17.00 дошла до Барановичей (7, с. 460).

Я. Войтковяк пишет, что первые разведданные о нападении Красной армии стали поступать между 4.00 и 5.00 утра. Изначально поступали также сведения о том, что «неизвестные» отряды пытались перейти границу еще в третьем часу, а позднее атаковали Корпус охраны пограничья (13, с. 424). До главнокомандующего информация дошла к 6.00. На кресах вступление Красной армии принималось населением с радостью либо нейтрально, что обусловливалось действием советской пропаганды, а также разочарованием проживавших там украинцев, белорусов и евреев национальной политикой польских властей.

Я. Войтковяк делает упор на то, что с нападением Красной армии польские власти долго думали, какую позицию им занять и как ее представить гражданам (там же, с. 425). В то же время поражение Польши «при близости с двумя тоталитарными соседями и в отсутствие какой-либо реальной помощи со стороны западных союзников» ни у кого не вызывало сомнений (там же). В итоге власти постановили оставить территорию государства и перебраться в Румынию (там же). Войтковяк отмечает, что оценка «побега» властей Польской Республики может быть весьма критичной. Но в то же время польский историк оправдывает их, говоря, что руководителей Польши можно понять, так как, оставаясь в стране, президент и члены правительства были обречены на серьезную опасность – на территории страны действовали диверсионные группы, была возможна атака авиации и т.д. Совершенно очевидно, что «они были не в состоянии повлиять на ход событий» (там же, с. 426).

О готовящемся наступлении Москва сообщила Берлину. 17 сентября во втором часу ночи Сталин, Молотов и Ворошилов приняли немецкого посла фон дер Шуленбурга и сообщили ему, что Красная армия намерена перейти польскую границу по всей ее протяженности. Был также зачитан текст ноты, который предпола-

галось вручить польскому послу. Фон дер Шуленбург заметил, что изначально некоторые формулировки в ноте Рейх не мог принять, но окончательный текст был изменен и теперь удовлетворяет немецкую сторону. В третьем часу ночи текст этой ноты был зачитан В. Потёмкиным польскому послу В. Гжибовскому, но попытки вручить ее не удалось. В ноте, как отмечает Войтковяк, были изложены «лживые» основания для нападения на Польшу (13, с. 423). В ней было сказано, что уже не существует ни Варшавы как столицы Польши, ни польского правительства, ни государства. Н. Лебедева соглашается с В. Войтковяком в том, что эти сведения «не соответствовали действительности» (7, с. 455). Она отмечает, что власти Варшавы подписали капитуляцию 28 сентября, а независимая оперативная группа «Полесье» воевала до 5 ноября. В то время польский президент, правительство и главное командование находились в стране и «даже пробовали перегруппировать войска» (там же).

Я. Тебинка пишет, что нота Гжибовскому была сформулирована таким образом, чтобы в дело не вмешалась Великобритания (12, с. 237). Более того, нападение СССР на Польшу не вызвало острой реакции в Форин Оффис, где «его ждали» (там же). Англичане справедливо полагали, что вторжение Красной армии на территорию Польши произошло «в соответствии с тайным соглашением, заключенным Москвой с Германией» (там же).

Польский посол в Англии Э. Рачиньский 17 сентября пополудню приехал в Форин Оффис, чтобы проинформировать британский МИД о нападении СССР. Он пожелал также встретиться с лордом Э. Галифаксом, чтобы узнать его взгляды по части статьи «1 в» тайного протокола к союзническому договору, в которой говорилось о взаимных консультациях на случай агрессии любого государства, кроме Германии (там же, с. 237). Однако, как отмечает Я. Тебинка, британская дипломатия не желала вдаваться в рассуждения на тему своих обязательств в отношении союзнического государства, правительство которого было интернировано после пересечения границы с Румынией.

18 сентября Рачиньский был принят лордом Галифаксом и вручил последнему ноту, в которой выражалось пожелание осуждения Великобританией нападения советской стороны. В ответ Галифакс заявил, что союзнический договор от 25 августа 1939 г. предусматривает оказание помощи Польше только на случай немецкой агрессии (12, с. 238).

Н. Лебедева утверждает, что для польского правительства и военного руководства нападение Красной армии на территорию

Польши было «полной неожиданностью» (7, с. 459). Она же полагает, будто поляки допускали, что советские войска действовали с целью не допустить оккупации территории Польши Вермахтом, поэтому постановили воевать только с гитлеровцами (там же). 20 сентября была проведена демаркационная линия вдоль рек Писы, Нарева, Вислы и железнодорожной ветки вдоль р. Сан, а на следующий день подписан протокол, которым определялись сроки перемещения войск к западу от этой линии (там же, с. 463).

Борьбу поляков с большевиками Я. Войтковяк делит на два этапа. Первый длился с 19 по 21 сентября, а на его конец пришлось соприкосновение частей Красной армии с войсками Вермахта. Для этого этапа характерно небольшое количество столкновений регулярных советских и польских частей. Я. Войтковяк отмечает, что в первые дни советской агрессии не было организовано серьезной обороны ни одного из польских городов (13, с. 428). Вильно был сдан по приказу командующего III Корпуса Ю.О. Льшины-Вильчиньского. Новогрудек, Луцк, Тарнополь и Станиславов пали практически без боя. Только Гродно оказал сильное сопротивление. Львов же, который более недели сопротивлялся немцам, сдался россиянам практически сразу. Я. Войтковяк видит причины этого в «лживых обещаниях, данных защитникам (офицеры должны были получить право перейти границу с Венгрией или Румынией)» (там же). Весомое значение имел и приказ Рыдз-Смиглы не воевать с большевиками, подчинившись которому ряд военачальников распустили свои гарнизоны. Правда, как пишет Войтковяк, успехи Красной армии могли бы быть большими, если бы у нее не было материальных и технических трудностей. Так, например, советским танкам нередко не хватало топлива, запасных частей и т.д. В подразделениях Красной армии не было также хорошей связи, поэтому приказы доходили до адресатов с опозданием. Войтковяк пишет, в частности, что замедление темпов продвижения Красной армии в Польше «позволило части солдат и офицеров перейти границы соседних государств» (там же, с. 429).

Непонятна судьба судов польской Пинской флотилии. Генерал Клееберг говорил о том, что они были затоплены своими между 18 и 21 сентября на Припяти, Пине и Струмени. Однако, как пишет Войтковяк, враг сумел быстро поднять их со дна и приспособить под свои нужды. В результате в советской Пинской флотилии, сформированной в июле 1940 г., оказалось не менее пяти мониторов, две канонерки и девять военных катеров (там же, с. 428).

Второй этап, начавшийся 22 сентября, характеризовался более серьезными вооруженными столкновениями. В то же время они имели «хаотичный и случайный характер» (13, с. 430). На этом этапе с Красной армией воевали как части Войска Польского и КОП, так и те подразделения, которые ранее воевали только с немцами. До столкновений доходило тогда, когда польские части пытались расчистить себе дорогу к границам какой-либо из соседних стран. Боевые действия с Красной армией закончились 30 сентября сражением под Парчевом, а с немцами – 2–5 октября битвой под Кокком. Последняя «завершилась капитуляцией перед Германией» (там же, с. 431). Красная армия также сломила сопротивление поляков.

Результаты и последствия событий сентября 1939 г. в современной историографии оцениваются следующим образом. Н. Лебедева считает, что, «несмотря на разгром польской армии и оккупацию территории страны, польское государство не перестало существовать» (7, с. 475). 30 сентября в Париже начало работу польское правительство в эмиграции во главе с В. Сикорским и президент В. Рачкевич. Оно было признано Францией, Великобританией, США и многими другими странами. Я. Войтковяк, говоря о событиях 1939–1941 гг., приравнивает немецкую оккупацию к советской (13, с. 434). С точки зрения поляков, последствия нападения СССР на Польшу «были исключительно негативными» (там же). Агрессия СССР означала серьезную драму и тысячи жертв репрессий советских властей в отношении польского населения (там же). Я. Войтковяк пишет, что последствия нападения СССР на Польшу «нельзя переоценить» (там же, с. 431). Вся территория страны оказалась оккупированной двумя агрессорами. Советская граница была передвинута на запад на 250–350 км. СССР получил большую часть земель, которые до 1914 г. входили в состав Российской империи, а также Восточную Галицию, которая «никогда не принадлежала России» (там же, с. 432). Советские действия не вызвали однозначной реакции западных держав. Несмотря на то что СССР, напав на Польшу, нарушил немало дву- и многосторонних договоров, он не был признан союзником Третьего рейха и ему никто не объявил войну. Более того, в октябре 1940 г. Великобритания предложила Кремлю признание аннексии польских территорий Советским Союзом после окончания войны взамен на нейтралитет (там же).

Список литературы

1. *Невежин В.А.* «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годов – М.: ЯУЗА: ЭКСМО, 2007. – 317 с.
2. *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. – М.: Весь мир, 2004. – 544 с.
3. *Bernacki B.* «Najdroższe narzędzie naszej partii...»: Okupacja sowiecka północno-wschodnich ziem drugiej Rzeczypospolitej, (1939–1941) w świetle polsko-języcznej prasy «gadzinowej». – Toruń: A. Marszałek, 2009. – 295 s.
4. *Gmurczyk-Wrońska M.* Polski wrzesień 1939 r. widziany z Paryża // Dzieje najnowsze. – Wrocław etc., 2001. – R. 33, N 2. – S. 57–78.
5. *Golczewski F.* Poland's and Ukraine's Incompatible Pasts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – Stuttgart, 2006. – N 54, H. 1. – S. 37–49.
6. *Kochanowski J.* Oblicza okupacji // Polityka. – W-wa, 2010. – N 3. – S. 61–63.
7. *Lebiediewa N.* Wrzesień 1939 r.: Polska między Niemcami a Związkiem Sowieckim // Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. – W-wa: Polski inst. spraw międzynarod., 2009. – S. 437–475.
8. *Łossowski P.* Kwestia polska i polityka zagraniczna // Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku. – Poznań: Inst. Historii UAM, 2002. – S. 43–65.
9. *Łytwyń M.* Wojskowa kampania niemiecko-sowiecka roku 1939 w Galicji // Od wojny do wolności. Wybuch i konsekwencje II wojny światowej, 1939–1989. – Gdańsk; W-wa: Wydaw. nauk. Scholar, 2010. – S. 40–58.
10. *Moczulski L.* Wojna Polska. – Wyd. popr. i uzupełn. – W-wa: Bellona, 2009. – 991 s.
11. *Slucz S.* Polityka III Rzeszy i Związku Sowieckiego wobec Polski, (październik 1938 r. – sierpień 1939 r.) // Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. – W-wa: Polski inst. spraw międzynarod., 2009. – S. 363–401.
12. *Tebinka J.* Polityka zagraniczna Wielkiej Brytanii i Francji – od appeasementu do powstrzymywania // Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. – W-wa: Polski inst. spraw międzynarod., 2009. – S. 209–240.
13. *Wojtkowiak J.* Radziecko-polski konflikt zbrojny we wrześniu 1939 r. // Kryzys 1939 roku w interpretacjach polskich i rosyjskich historyków. – W-wa: Polski inst. spraw międzynarod., 2009. – S. 405–435.

Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.
КАТЫНСКИЙ СИНДРОМ В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ
И РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ. – 2-е изд. –
М.: РОССПЭН: Фонд первого Президента России
Б.Н. Ельцина, 2009. – 519 с.
(Реферат)

Монография известных российских историков-полонистов д-ров ист. наук И.С. Яжборовской (Институт социологии РАН) и В.С. Парсадановой и старшего военного прокурора отдела Главной военной прокуратуры, полковника юстиции А.Ю. Яблокова посвящена причинам и следствиям Катынского дела. Источниковую базу исследования составили неопубликованные архивные материалы, обнародованные документы, мемуарная литература, публикации бесед с известными политиками и историками.

Книга состоит из введения, шести глав и приложения. Первая глава посвящена балансированию Польши между Россией и Германией накануне и в начале Второй мировой войны. Авторы пишут, что в результате версальского мирного урегулирования после Первой мировой войны произошла реструктуризация Европы, а две великие державы – Россия и Германия – были отстранены от решения вопросов нового мироустройства. Польша же, «воздорившаяся как государство между двумя противниками Версальской системы, вынужденными вернуть ей отнятые в XVIII в. земли, объективно оказалась между двумя жерновами» (с. 23). Будущее Польского государства зависело от политики России и Германии и взаимоотношений в треугольнике Варшава – Москва – Берлин. Изначально Польша пыталась утвердиться на нейтральной позиции «равной удаленности», но с течением времени изменилась международная обстановка, и Варшаве необходимо было приспособливаться к ней. Советско-польская война закончилась победой

Польши, но не позволила ни той ни другой стороне достичь своих целей и намерений. Граница между двумя государствами пролегла в соответствии со случайной конфигурацией линии фронта осени 1920 г., оставив Польше почти половину белорусских земель и около четверти украинских, «образовав непреодолимый барьер между Польшей и СССР» (с. 24).

В Германии не исключалась агрессия против Польши как вариант пересмотра Версальского мира и возможное участие в ней СССР. А в документе «Оперативная задача, легшая в основу полевой поездки, проведенной командованием рейхсвера в 1933 г.» шла речь об учениях, на которых проигрывалась подготовка войны России и Литвы против Польши при благожелательном нейтралитете Германии. В начале 1930-х годов Ю. Пилсудский считал, что проблему нахождения между двумя опасными соседями Польша может решить при помощи политики «равной удаленности» от них. С этой целью были заключены договоры о ненападении с СССР и Германией.

В 1937–1938 гг. Гитлер нагнетал опасения в Москве, что Польша пойдет в фарватере его политики агрессии, а в октябре 1938 г. перешел к прямому нажиму на Варшаву. Гитлер потребовал «глобального урегулирования» германо-польских отношений: присоединения Польши к Антикоминтерновскому пакту, передачу Гданьска Германии и т.д. В январе 1939 г. советские дипломаты пришли к выводу о том, что ни один из спорных вопросов между Польшей и Германией не может быть решен мирным путем, поэтому война между ними неизбежна.

23 августа был заключен пакт Молотова–Риббентропа, включавший секретный протокол о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Собственно раздел Польши и ликвидация ее армии произошли в сентябре 1939 г. Во время боев и после них осуществлялось пленение польских военнослужащих для направления их в лагеря и тюрьмы. Для запугивания пленных во время конвоирования применялись расправы по ходу движения колонн, выборочные расстрелы. Тайныйговор СССР и Германии «перечеркивал действие защищавших Польшу и польский народ международно-правовых договоренностей и норм» (с. 81). Оба участника пакта Молотова–Риббентропа обязывались всячески противодействовать возрождению Польши ее собственными силами. Stalin активно проводил новую внешнеполитическую линию через Коминтерн. А в докладе Молотова «О внешней политике Советского Союза» позиция СССР обосновывалась как позиция нейтралитета. В нем

говорилось, в частности, что германо-польская война завершилась, Германия стремится к скорейшему миру, а советская политика поддерживает Берлин в этом его стремлении. Этому не противоречит вступление советских войск на территорию бывшей Польши, так как Польское государство фактически перестало существовать, а «о восстановлении старой Польши, как каждому понятно, не может быть и речи» (с. 83). Авторы полагают, что военное поражение не означало уничтожения Польши, несмотря на то что ее власти оказались интернированы в Румынии. Польское правительство «не намеривалось отказываться от борьбы за освобождение своей страны» (с. 86).

Во второй главе рассматриваются судьбы Польши и поляков в годы Второй мировой войны в связи со сталинской политикой. Авторы отмечают, что еще летом 1939 г. «на высшем партийно-государственном уровне велась интенсивная работа по подготовке важных решений с грифами высокой степени секретности согласно представлявшимся НКВД и НКО проектам постановлений, рассматривавшимся и утверждавшимся Политбюро ЦК ВКП (б), СНК СССР, Комитетом обороны при СНК СССР и Генеральным штабом РККА» (с. 93). А в августе органы госбезопасности решали задачу обеспечения кадрами «на случай возникновения войны», в том числе вели специальную подготовку оперативных работников из поляков. 7–8 сентября 1939 г. во время беседы Сталина с Дмитровым советский руководитель изложил концепцию распространения «социалистической системы на новые территории и население», что должно было стать «результатом разгрома Польши» (цит. по: с. 93). Этот замысел был реализован. В рамках директивы Берии от 15 сентября было предписано создать временные органы во главе с начальниками групп НКВД, выполнение спецзадач по обеспечению порядка и пресечению подрывной работы, провести аресты польской политической и экономической элиты, представителей исполнительной власти, взять под контроль архивы, развернуть следственную и агентурную деятельность. Польскими пленными занимался 12-й отдел Генштаба РККА. Между ним и НКВД был согласован вопрос о создании первых пересыльных лагерей в Путивле и Козельске. Советские данные о военнопленных на 2 ноября 1939 г. – около 300 тыс. человек (с. 98).

В лагерях вербовалась агентура. При этом распространение любой информации о лагерях считалось крайне нежелательным, а в ряде лагерей была полностью запрещена переписка. Помимо военных в лагеря попадали польские коммунисты, получавшие

большие сроки, а также представители интеллигенции. Так, например, во Львове в начале 1940 г. во время чтения стихов в клубе был арестован известный левый поэт Вл. Броневский. Были ре-прессированы Л. Левин, В. Скуза, А. Стерн, А. Ват и другие прогрессивные деятели польской культуры.

Летом 1942 г. под Смоленском местная полька указала на катынские могилы полякам, привезенным туда на строительные работы. Другие следы советских преступлений были обнаружены в Виннице, Одессе, Харькове и других местах. Однако сталинградская победа и продвижение Красной армии на запад создавали новую военно-политическую обстановку. Советская сторона представила Катынское преступление как дело рук гитлеровцев. Для обработки этой «официальной версии» в 1943–1944 гг. была осуществлена подмена якобы «недостаточно убедительных» документов, обнаруженных при эксгумациях. Была издана брошюра в 55 страниц – «Сообщение Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров», а в печати опубликована краткая информация об этом. Затем, как отмечают авторы, «сведения о Катынском злодеянии даже в этой версии были в СССР засекречены на целые полвека» (с. 182).

Третья глава посвящена послевоенному урегулированию отношений между СССР и Польшей. В глазах советского населения Польша после войны 1919–1920 гг. усилиями пропаганды стала олицетворением «капиталистического окружения», стратегическим противником, язык которого изучался в Красной армии как язык врага. Участие СССР в разделе Польши в 1939 г. и события 1940 г., как казалось Сталину, решали ряд стратегических и государственных проблем. На деле же советско-германские договоры 1939 г. и «освободительный поход» Красной армии сентября того же года заложили основы почти неразрешимых проблем, которые стали «минами замедленного действия» (с. 189–190). Создание же советского блока было чревато множеством осложнений. Обнаружение катынского захоронения стало реальной причиной для разрыва двусторонних отношений. Но Stalin переложил вину за разрыв отношений на польское правительство, приписав ему пособничество гитлеровцам. К 1944 г. обстоятельства сделали возможными возобновление дипломатических отношений, но советская сторона выдвигала свои условия, например, осуждение поляками прежней позиции по катынскому вопросу. В начале января 1944 г. Красная армия перешла бывшую границу Польского государства. На первый

план среди проблем послевоенного урегулирования вышел польский вопрос. 5 января 1944 г. польское правительство заявило о готовности восстановить нормальные отношения с СССР. Однако оно настаивало на сохранении границы 1921 г. Сталин же пытался разыграть катынскую карту, считая, что «дипломатические отношения были разорваны не по вине СССР, а по вине польского правительства, и не могут быть восстановлены из-за его же вины» (с. 195).

При подготовке проекта обвинительного акта для Нюрнбергского процесса в него уже был включен пункт, трактующий заключение пакта от 23 августа 1939 г. как заговор нацистов для подготовки нападения на Польшу, а также пункт, вменявший в вину гитлеровской Германии убийство в Катыни 925 польских офицеров (такая цифра фигурировала в материалах комиссии Н.Н. Бурденко). Трибунал официально квалифицировал Катынское дело как «геноцид», и оно на несколько десятилетий осталось «белым пятном». Этому благоприятствовала договоренность союзников о скрытии трудных моментов в истории советско-польских отношений. Однако эта договоренность перестала действовать с нагнетением атмосферы «холодной войны». В начале 1950-х годов в Конгрессе США была создана специальная комиссия Р.Дж. Мэддена по Катыни, которая обнаружила доказательства совершения катынского преступления советской стороной.

В эпоху «оттепели» наметился путь к решению спорных проблем советско-польских отношений. Однако Хрущев, ставивший некогда свои подписи под расстрельными документами, пришел к катынской теме не сразу. Авторы приводят косвенные свидетельства того, что советский лидер пытался уговорить Гомулку завершить Катынское дело (с. 215). В целом же обмен репликами о Катыни происходил неоднократно: на рубеже 1958–1959 гг. (визит Гомулки в Москву), 27 января – 5 февраля 1959 г. (XXI съезд КПСС) и позже. Хрущёв в то время «получил достаточно полную информацию о времени и обстоятельствах преступления, о характере принятого политического решения – постановления Политбюро ЦК КПСС о порядке расстрела...» (с. 216–217).

В четвертой главе рассматривается проблема «белых пятен» в истории советско-польских отношений в эпоху «гласности». Авторы пишут, что духовное обновление СССР началось в 1985 г., а в 1987 г. изменился психологический климат, развивалась творческая атмосфера и обсуждались проблемы, требующие подлинной гласности. Ученые «стали требовать, чтобы наука была освобождена от роли служанки партаппарата» (с. 238). Началось концепту-

альное осмысление сталинизма как специфического типа духовной деятельности, идеологической доктринации. Еще весной 1986 г. отдел ЦК, отвечавший за связи с социалистическими странами, поставил перед Политбюро вопрос о восстановлении отношений с Польшей в полном объеме. Двусторонние отношения стали развиваться конструктивно, и В. Ярузельский мог рассчитывать на снятие с них негативных настроений прошлого, в частности вновь расследовать Катынское дело. Польские лидеры сумели придать ему особое значение в глазах советского руководства. Но о сталинских репрессиях тогда только начинали писать, поэтому сектор истории отдела науки ЦК КПСС взялся за подтверждение старой версии Катынского дела. Кроме того, были предприняты меры по обустройству польских захоронений в Катыни, создавались условия для массового посещения Катыни польскими гражданами. Расширились возможности получить достоверную информацию о Катыни, издавалось немало публикаций по этому поводу. В этих условиях в советском руководстве возобладало мнение, что «решающее и окончательное слово в этом деле должно принадлежать праву» (с. 315).

Пятая глава посвящена проблеме перехода засекреченного преступления в компетенцию права. В октябре 1989 г. первый заместитель Генерального прокурора Польши А. Херцог обратился к Генеральному прокурору СССР А.Я. Сухареву с письмом, в котором просил его возбудить уголовное дело об убийстве польских офицеров в Катыни. В ответном письме от 11 января 1990 г. Сухарев писал, что «Прокуратура Союза ССР не располагает какими-либо доказательствами, опровергающими выводы специальной комиссии под руководством Н.Н. Бурденко» (с. 320). Херцог впоследствии продолжал настаивать на своем. Весной-летом 1990 г. прокуратура Харьковской и прокуратура Калининской области по собственной инициативе возбудили уголовные дела о судьбах польских военно-пленных. Эти дела были переданы в Главную военную прокуратуру для дальнейшего расследования. Было проведено извлечение останков погибших из различных мест захоронения. Комиссия ученых-экспертов, работавшая под эгидой Главной военной прокуратуры, написала в своем заключении: «Сообщение Специальной комиссии под руководством Н.Н. Бурденко, выводы и заключение комиссии под руководством В.И. Прозоровского, проигнорировавшие результаты предыдущей эксгумации и являющиеся орудием НКВД для манипулирования общественным мнением, в связи с необъективностью, фальсификацией вещественных доказательств и документов, а также свидетельских показаний, следует признать

не соответствующими требованиям науки, постановления – не соответствующими истине и поэтому ложными» (цит. по: с. 391).

В шестой главе рассматривается развитие российско-польских отношений и Катынского дела на рубеже XX–XXI вв. В июле 1992 г. руководитель президентской администрации Ю.В. Петров, советник президента Д.А. Волкогонов, главный архивист РФ Р.Г. Пихоя и директор архива А.В. Коротков вскрыли в Архиве Президента РФ «особый пакет № 1». Документы оказались настолько серьезными, что о них доложили Б.Н. Ельцину. Последний распорядился, чтобы Р.Г. Пихоя вылетел в Варшаву и передал эти документы президенту Л. Валенсе. 15 октября Б.Н. Ельцин, выступая по телевидению, говорил о страшном сталинском преступлении и выражал надежду на то, что оно в будущем не будет отягощать российско-польские отношения. Несмотря на то что Главная военная прокуратура проводила расследование, в середине 1990-х годов Катынское дело не дождалось своего завершения. Авторы полагают, что «этому препятствовали не только состояние законодательства и обилие сложных внутренних проблем российского общества... но и неадекватное понимание значения этого дела для развития двусторонних отношений» (с. 421).

В последней части книги «В фокусе проблем современности», опубликованной вместо заключения, Яжборовская, Парсаданова и Яблоков пишут, что для завершения Катынского дела большое значение имеет введение ст. 42 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за совершение умышленных преступлений лицами, исполнявшими заведомо незаконный приказ или распоряжение. На международной же арене новые элементы в этой области вносит создание постоянного Международного уголовного суда (МУС) в Нидерландах. В компетенции МУС слушание дел лиц, обвиняемых в военных преступлениях. Расследование преступлений против польских военных, по мнению авторов, наиболее успешно продолжается на Украине, где не только выявлены имена убитых согласно постановлению от 5 марта 1940 г., но и передаются польской стороне тысячи дел из местных архивов. Видно продвижение в обустройстве мест захоронения останков военнопленных. Еще в феврале 1994 г. в Krakове было подписано Соглашение о местах захоронения жертв войны и репрессий, предусматривающее сохранение погребений и уход за могилами советских граждан, которые погибли, освобождая Польшу в 1944–1945 гг. В соответствии с этим соглашением в Смоленской и Тверской областях началось создание польских воинских кладбищ в общих

российско-польских мемориальных комплексах, посвященных жертвам сталинских репрессий.

В 1997–1998 гг. возникла неоднозначная ситуация в связи с попыткой родственников лиц, проводивших сталинскую политику репрессий, использовать для их реабилитации Закон 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». Данные сотрудники также становились жертвами репрессий со стороны государства и осуждались «без каких-либо юридических формальностей» (с. 427). По мнению авторов, средства массовой информации России «справедливо подняли вопрос о тщательном осмыслении правовых квалификаций и переквалификаций преступлений, связанных с репрессиями сталинской эпохи, их соотнесении с нормами Нюрнбергского процесса» (с. 428).

В Польше катынская проблематика изучается постоянно. Действуют институты и общественные организации, занимающиеся этой тематикой. Польское зарубежье обращается к разным аспектам катынского преступления. Авторы подчеркивают, что польский народ высоко ценит вклад российских исследователей и поисковиков в раскрытии правды о Катыни. В частности, в 2005 г., в 65-ю годовщину этого преступления 32 общественных деятеля и ученых из стран бывшего СССР «за выдающийся вклад в раскрытие и документирование правды о политических репрессиях в отношении польского народа» были награждены государственными наградами (цит. по: с. 462).

Приложение к книге представляет собой заключение комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле–мае 1940 г.

O.B. Бабенко

КАТЫНЬ: БОРЬБА ЗА ИСТИНУ **(Сводный реферат)**

1. Катынь 1940: Борьба за истину. Katyn 1940: Walka o prawdzie / Red. nauk. Lis W. – Toruń: Wydaw. Adam Marszałek, 2012. – 400 s.

2. Прудникова Е., Чигирин И. Катынь. Ложь, ставшая историей. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 575 с.

3. Швед В.Н. Тайна Катыни, или Злобный выстрел в Россию. – М.: Алгоритм, 2010. – 544 с.

В сводном реферате представлены труды российских и польских исследователей, на основании которых можно проследить борьбу мнений по катынской проблеме. Сначала приводится сборник статей польских ученых и работников судебных инстанций, выражавших точку зрения, согласно которой катынское преступление совершил Советский Союз. Далее предлагаются книги отечественных исследователей, стоящих на антипольских позициях.

Коллективная монография польских историков под редакцией д-ра В. Лиса (Католический университет Иоанна Павла II в Люблине) (1), состоящая из введения и четырех разделов, посвящена катынской проблеме – ее генезису, сути, освещению в разные годы, судьбам жертв. Во введении указывается, что лучшие представители польского народа «были убиты в нарушении всех законов и конвенций цивилизованного мира» (1, с. 7). В зависимости от СССР Народной Польше была распространена ложь о Катыни, т.е. перекладывание вины за преступление на гитлеровцев. За эту ложь несут ответственность «не только команды советских партийных и государственных вождей, но и политики и лидеры ПНР, а также западных держав, заинтересованных в реализации собственных интересов, испуганных распадом антигитлеровской коали-

ции, а впоследствии стыдливо молчавших о своих отказах (расследовать катынское преступление. – *Реф.*)» (1, с. 8).

Катынь занимает важное место в памяти общества. В сознании поляков это преступление однозначно связано с политикой советских властей по уничтожению польского народа. Понятие «Катынь» употребляется и в более широком значении: это – «аллегория польской Голгофы Востока и одновременно символ сопротивления тоталитаризму» (1, с. 9).

В первом разделе книги профессора Католического университета в Люблине ксендз д-р Т. Гуз и д-р В. Важневский, и профессор Университета кардинала Стефана Вышиньского в Варшаве д-р В.Я. Высоцкий прослеживают генезис катынской трагедии. Т. Гуз полагает, что фундаментом катынского преступления был «советский коммунизм» (1, с. 13). Он делает упор на отрижение коммунистами любой религии, в том числе христианства и, соответственно, христианской морали. Согласно точке зрения В.И. Ленина, мораль подчинена интересам пролетариата, т.е. задаче ликвидации царя и класса капиталистов. Поэтому, по мнению Т. Гуза, хорошим и этичным большевики считали то, что служило целям партии. Таким образом, любая ложь, служившая целям партии большевиков, признавалась этичной. Так случилось и с ложью о Катыни.

В. Важневский пишет, что нельзя в полной мере разобраться в катынском преступлении «без понимания характера Советского государства, господствующих в нем порядков и отношения к Польше и полякам» (1, с. 33). Он утверждает, что Советское государство было полицейским и держало своих граждан в постоянном страхе. Его идеологическая основа опиралась на немецкую философию XIX в., в частности на философию Ф. Гегеля и его теорию государства, из которой был исключен человек, а оставались власть и территория. Важневский полагает, что немецкий фашизм и сталинский коммунизм «росли из одного пня», только гитлеровцы пропагандировали расовую борьбу, а большевики – классовую (1, с. 54). Что касается отношения властей Советского государства к другим народам, то оно определялось мифом о Великой России и проявлялось в военно-полицейских мерах (1, с. 55).

В.Я. Высоцкий прямо пишет, что политика России всегда была направлена против Центральной Европы и «в первую очередь доминирующей в ней Речи Посполитой» (1, с. 58). Поляки сопротивлялись этой политике, поэтому узнали Российскую империю с самой худшей стороны. С конца XVI в. местом ссылки поляков

стала Сибирь – первые польские военнопленные попали туда после столкновений Речи Посполитой с Московским государством при Стефане Батории. В XVII в. постоянно велись войны, и количество польских пленных увеличивалось. Еще большее число поляков попало в Сибирь в силу указов Екатерины II в 1768–1772 гг., т.е. во времена Барской конфедерации. Депортации имели место также в 1794–1797 гг. и после поражения Наполеона в 1812 г. Польские освободительные восстания XIX в. привели к заполнению Сибири новыми заключенными. Высоцкий отмечает, что в 1825–1862 гг. в Сибири было 200 польских политзаключенных (1, с. 59). Их число резко увеличилось на рубеже XIX–XX вв., и к 1910 г. достигло 50 тыс. человек. После Октябрьской революции Россия стала другим государством, в котором все было дозволено. Поляков коснулись, в частности, депортации 1930-х годов, когда они были выселены из Белоруссии в Кomi, а из Украины в Казахстан. Самые трагические страницы польской истории начались после того, как 17 сентября 1939 г. Красная армия вступила на территорию Польши. Очередные депортации затронули до 1,5 млн поляков. Кроме того, в руки большевиков попали 230–250 тыс. польских военных. Жизни части из них закончились в 1940 г. в период так называемого «катынского убийства»: 4442 человек было убито в Катыни, 3820 – в Харькове, 6311 – в Калинине, 3101 – в Киеве, 3700 – в Минске, 3500 – в Буковне, под Киевом. Высоцкий пишет, что в 1940 г. были убиты, по официальным данным, 25 700 поляков, а на деле – 54 000 (1, с. 62).

Второй раздел монографии, написанный д-ром, профессором М. Корнатом (Университет кардинала Стефана Вышиньского в Варшаве), д-ром В. Лисом, адъюнктами Г. Ковальским и М. Палюхом (Католический университет Иоанна Павла II в Люблине), д-ром В. Матерским (Институт политических исследований ПАН) и д-ром П. Вишневским (Католический университет Иоанна Павла II в Люблине), посвящен рассмотрению юридического характера и последствий Катыни. М. Корнат задается вопросом: можно ли считать катынское преступление убийством, т.е. уголовным преступлением? Он приходит к выводу о том, что Катынь была преступлением против человечества и одновременно массовым убийством с политико-правовой точки зрения (1, с. 96). А В. Лис пишет, что Катынь была «выборочным убийством» представителей высших слоев польского населения, осуществленным с целью «уничтожения польской нации» (1, с. 120). Г. Ковальский исследует позиции Польского сейма разных годов по отношению к Катыни. Так, например, в марте 1990 г. Сейм назвал причиной катынского престу-

пления нападение СССР на Польшу 17 сентября 1939 г., в результате которого польские офицеры попали в советский плен, а впоследствии были убиты. В то же время в постановлениях Сейма 1995, 2000 и 2010 гг. не содержится информация о генезисе катынского преступления. Ковальский видит в этом связь с тем, что после распада соцлагеря поляки и так получили возможность «официально и открыто говорить правду» (1, с. 125). М. Палюх пишет в целом об убийствах польских военнопленных в СССР и подчеркивает заведомо негативное отношение красноармейцев к полякам. По подсчетам польских исследователей, в 1939–1940 гг. в советском плену оказалось от 250 до 450 тыс. польских военных (1, с. 142). В. Матерский рассматривает материалы следствия по Катыни Главной военной прокуратуры РФ. Он выделяет документы, выявленные до апреля 1990 г., материалы, открытые в 1992 г., и документы 2000-х годов – 60 томов (из имеющихся 183), рассекреченные в 2004 г. и переданные Польше в мае 2010 г., и еще 20 томов, полученных поляками в сентябре того же года. На очереди, пишет он, рассекречивание очередной партии документов по катынскому делу, что обещал президент России Д.А. Медведев (1, с. 170).

П. Вишневский затрагивает тему Катыни в связи с рассмотрением данной проблемы в Европейском трибунале по правам человека в Страсбурге и на форуме Европейского парламента. Он отмечает, что в России до сих пор ставятся под вопрос «факты, касающиеся убийства (в Катыни. – *Реф.*)» (1, с. 175). Интерес Вишневского к вышеуказанной проблематике вызван, в частности, обращениями родственников расстрелянных поляков в Европейский трибунал по правам человека. Первые две апелляции подали в 2007 г. Е. Яновец и А. Трыбовский, сын и внук офицеров из Старицкого лагеря, расстрелянных в Харькове. Еще 13 апелляций было подано в 2009 г. и 19 – 5 марта 2010 г., две – в конце марта 2010 г., одна – в 2011 г. (1, с. 179–181). Российская сторона обвинялась в нарушении ряда статей Европейской конвенции об охране прав человека. Вопросы по катынскому делу были направлены в РФ, но дело пока еще не завершено. 4 июня 2008 г. катынская проблема обсуждалась на форуме Европейского парламента в связи с показом фильма А. Вайды «Катынь». Председатель парламента Х.Г. Пёттеринг заявил участникам форума, что катынское убийство является частью европейской истории, о которой «мы не должны и не можем забыть» (1, с. 189).

В третьем разделе (авторы: д-ра, профессора Католического университета в Люблине Я.З. Савицкий и М. Рыба, магистр,

курор из г. Катовице А. Майхер, магистр, сотрудник Катынского комитета и Круга национальной памяти Л. Кудлицкий, д-р, профессор Университета кардинала Стефана Вышиньского в Варшаве Г. Ендреек, д-р, директор Архива новых актов в Варшаве Т. Кравчак) анализируются попытки поляков найти истину о Катыни. Я.З. Савицкий напоминает о том, что 11 апреля 1943 г. немецкая пресса впервые обнародовала известия о нахождении в Смоленском регионе массовых захоронений польских офицеров. Их личности можно было идентифицировать, так как тела были облачены в мундиры, в которых имелись документы и личные вещи. Немцы начали расследовать убийство и прямо указывали на преступника – советскую сторону. Открытие смоленских захоронений и обвинение СССР было выгодным для немцев после поражения под Сталинградом. Однако изначально польское население с недоверием отнеслось к информации немцев, ведь они были оккупантами и свою политику не меняли. А в послевоенной просоветской Польше обвинять в катынском преступлении Советский Союз запрещалось. Изучение катынской проблемы стало возможным после прихода к власти «Солидарности» и распада социалистического лагеря. 14 ноября 1992 г. посланник президента России Б.Н. Ельцина главный архивист страны Р. Пихоя передал президенту Польши Л. Валленсе копии важнейших документов по катынскому делу, в том числе секретной записки Л. Берии от 5 марта 1940 г. и решения Политбюро ЦК ВКП (б) о расстреле 25 700 польских военнопленных (1, с. 217).

М. Рыба, анализируя реакцию поляков на сведения о Катыни в годы Второй мировой войны, пишет, что польские деятели в эмиграции имели более серьезный доступ к информации о судьбах военнопленных. В Польше же немецкой версии поверили жители кресов. В целом катынская проблема не расследовалась, так как требования польского правительства в эмиграции остались без внимания союзников, а сама Польша по ялтинским соглашениям оказалась в сфере влияния СССР.

А. Майхер отмечает, что в ответ на обвинения в катынском преступлении советские власти говорили о клевете в свой адрес и утверждали, что убийства в Катыни совершили немцы осенью 1941 г. Для подтверждения советской версии в январе 1944 г. была создана специальная комиссия по расследованию обстоятельств расстрела немецкими фашистами польских офицеров в Катынском лесу. Официальное обвинение немцев было сделано советской стороной на Нюрнбергском процессе. За правду о Катыни много лет

боролась польская эмиграция. В 1948 г. в Лондоне вышла важная книга об убийствах польских военнопленных в СССР «Катынское убийство в свете документов» (автор – Ю. Мацкевич). В 1951 г. в США была создана Комиссия Маддена, на основе доклада которой от 22 декабря 1952 г. виновником катынского преступления был признан СССР. А в Народной Польше нельзя было обвинять Советский Союз в катынском преступлении, поэтому в справках о погибших польских военнопленных надлежало употреблять такие формулировки, как «расстрелян гитлеровцами в Катыни», «умер в Катыни» (1, с. 235).

Собственно российское расследование катынского дела началось в 1990 г. Впервые было установлено, что помимо 4400 польских офицеров, расстрелянных в Катыни, были убиты еще свыше 22 000 польских военнопленных в других местах. Однако юридической аргументации убийств представлено не было, и дело было замято. Расследование сдвинулось с мертвой точки после гибели в 2010 г. президента Польши Л. Качиньского под Смоленском, когда весь мир вновь заговорил о Катыни.

Л. Кудлицкий пишет, что в 1979 г. в Польше был создан конспиративный Катынский комитет, исследовавший катынскую проблему. По его инициативе было издано несколько десятков книг, посвященных Катыни. В 2006 г. основатели и наиболее активные деятели Комитета были удостоены высших государственных наград (1, с. 252). Г. Ендреек отмечает большой вклад в юридическое осмысление катынской проблемы ксендза Здзислава Пешковского (1918–2007) (1, с. 260). Т. Кравчик, в свою очередь, пишет, что публикация в будущем 160 томов материалов следствия по катынскому делу, полученных от президента России в 2010 г., позволит «углубить исследования, опираясь на доступные в Архиве новых актов и Национальном цифровом архиве в электронной версии коллекции документов II Корпуса, так называемого Архива генерала Андерса» (1, с. 290).

Четвертый раздел, подготовленный магистром П. Шопой (Институт национальной памяти, филиал в Жешове), д-ром Е. Издебским (Канцелярия председателя Совета министров РП), д-ром З. Кубраком (Музей кресов в Любачеве), д-ром Р. Тлучеком (Католический университет Иоанна Павла II в Люблине), д-ром К. Мрочковским (Жешовский университет, Музей польской авиации в Кракове) и д-ром Я. Марчак-Козловской (Институт электрических технологий в Варшаве), посвящен жертвам Катыни. Так, П. Шопа исследует судьбы жителей Стыжковского повята, убитых в Катыни,

Харькове и Твери. Он пишет, что жители Стшижовского повята Подкарпатского воеводства проявляли свою патриотическую позицию – участвовали в восстаниях «за Вашу и Нашу свободу», боролись с захватчиками. В этих местах родились 32 поляка, погибшие в Катыни. Шопа называет их «выдающимися» (1, с. 295). «Воскресение» этих лиц связано с публикацией кладбищенских книг поенным захоронений в Катыни, Харькове и Медном в 2000-е годы. Среди погибших автор называет капитана А. Гурку, офицеров С. Квятковского, А. Капусьчинского и Ф. Миля и др. Е. Издебского интересуют судьбы солдат 9-й дивизии пехоты, расстрелянных в Катыни и Харькове. З. Кубрак пишет об офицерах 39-го полка пехоты львовских стрельцов, заключенных в лагеря Козельска и Старобельска. Р. Тлучек занимается погибшими военными из г. Пшемысла.

К. Мрочковский исследует судьбу женщины-летчицы Янины Антонины Левандовской (1908–1940). Я. Левандовская была дочерью генерала Ю. Довбора-Мусыницкого. Училась в Познанской консерватории, но под влиянием семейных обстоятельств стала летчицей. В 1935 г. начала летать на самолетах RWD-8 в Познанском аэроклубе. Закончила Высшую школу пилотажа, прошла стажировку во Львове и курс радиотелеграфисток в Демблине. С началом Второй мировой войны добровольно поступила в 3-й авиационный полк. 22 сентября 1939 г. военизированная группа, в составе которой находилась Левандовская, была окружена частями Красной армии. Начальник группы капитан Ю. Сидор отдал приказ сдаться. Левандовская, как офицер, попала в плен и была вывезена сначала в лагерь в Осташкове, а затем в Козельск. Она была единственной женщиной-офицером в лагере, а ее основное занятие состояло в организации религиозной жизни военнопленных. Совершенно очевидно, что статус и происхождение не могли спасти летчицу. Проходившая под № 0401, Левандовская 21 апреля 1940 г. была транспортирована в район Катыни и расстреляна 22 или 23 апреля (1, с. 381).

Параграф Я. Марчак-Козловской посвящен талантливому польскому математику Юзефу Марчинкевичу (1910–1940), ставшему жертвой катынского преступления. Еще в самом начале обучения в вузе преподаватели обратили внимание на выдающиеся способности Марчинкевича к математике. Обучение в университете длилось тогда четыре года, а способный студент прошел курс за три года. Один из учителей Марчинкевича, профессор А. Зигмунд, вспоминал, что его ученик настолько быстро совершенствовался и демонстрировал такую оригинальность мышления в науке, что в

некоторых областях математического знания превзошел своего учителя. В 1937 г. выпускник Виленского университета Стефана Батория и самый молодой доцент этого вуза Ю. Марчинкевич защитил докторскую диссертацию по математике (кандидатская была защищена в 1935 г.). В августе 1939 г. стажировался в Лондоне и был приглашен на должность профессора в Познанский университет на 1939/1940 учебный год. После начала Второй мировой войны из патриотических соображений вернулся на родину, участвовал в обороне Львова, а 22 сентября 1939 г. попал в советский плен. Проходивший в старобельском списке под № 2160, Марчинкевич был убит весной 1940 г. в Харькове (1, с. 392).

В труде российских исследователей Е. Прудниковой и И. Чигирина «Катынь. Ложь, ставшая историей» (2) авторы пытаются на основе документальной базы поставить точку в катынском деле. В трех частях книги они акцентируют внимание читателей на ряде спорных вопросов. Так, например, по версии ведомства Геббельса, человеком, нашедшим могилы поляков на Смоленщине, был местный житель Парфён Киселёв. Авторы приводят его показания, в которых встречаются несообразности. К примеру, Киселёв утверждает, что весной 1940 г. было расстреляно приблизительно 10 000 поляков, но если подсчитать, сколько человек доставили в Катынский лес в течение 4–5 недель, то получается не более 3500 человек. К тому же непонятно, откуда местные жители могли знать о 10 000 поляках. Существует еще одна версия: это не Киселёв показал полякам могилы, а они сами откуда-то о них узнали. Авторы отмечают, что 73-летний Парфён Киселёв, «едва в Смоленск пришла Красная армия, начал говорить совершенно другое...» (2, с. 34).

Прудникова и Чигирин поддерживают точку зрения о причастности немцев к расстрелам в Катыни. Они задаются вопросом о том, на кого устраивали облавы гитлеровцы по смоленским деревням, если преступление совершили чекисты. По воспоминаниям жителей этих деревень, немцы привозили на дачу НКВД в Козыих Горах поляков и их расстреливали. Они говорят о многочисленных группах военнопленных поляков, замеченных ими под конвоем немцев, верно описывают польскую военную форму. Расстрелы, по их показаниям, были очень частыми (2, с. 54–61).

Одним из самых важных вопросов авторы называют вопрос о том, сколько поляков было расстреляно в Катынском лесу (2, с. 103). Цифры сильно разнятся. В «Официальном материале» говорится об 11 000 поляков. А немецкий доктор Бутц, работавший в Катыни, этот вопрос вообще обходит. В целом, согласно информации гит-

леровцев, в Катынском лесу должно было находиться не более 6000 убитых поляков. В таком случае следует поставить вопрос: где захоронены тела еще 4000 поляков, если, по данным смоленских свидетелей, их было 10 000?

В книге опубликована также информация немецкого пособника Симоненко, который был членом украинской делегации, посетившей Катынь по приглашению гитлеровцев. Он сказал на допросе, что во время этой поездки украинцам бегло показали могилы и три трупа, затем были устроены два банкета, после чего членам делегации выдали фотографии, на которых были запечатлены «зверства большевиков» и рассказали, что нужно говорить о Катыни. Эту информацию дополняют показания поляка-строителя Эдварда Потканского: «...Из больших предприятий в Катынь посыпались делегаты, которые по возвращении должны были рассказывать о зверствах большевиков. Таких же представителей немцы посыпали даже из концлагерей. Это были польские офицеры. Многие делегаты, возвратясь из поездки, рассказывали обратное тому, что хотелось гитлеровцам. Вскоре эти делегаты были арестованы и пропали без вести (выделено авторами. – Ред.)» (цит. по: 2, с. 133–134).

Кроме того, в разгар войны в Катынском лесу работала подконтрольная гитлеровцам техническая комиссия, состоявшая из поляков. Прудникова и Чигирин приводят интересный нюанс из отчета данной комиссии: «По пулям, извлеченным из трупов офицеров, а также по гильзам, найденным в песке, можно constatirovatiy, что выстрелы производились из пистолетов калибра 7,65 мм. Представляется, что они могут быть немецкого происхождения. Опасаясь, как бы большевики ни использовали этого обстоятельства, германские власти бдительно следили за тем, чтобы ни одна пуля или гильза не были спрятаны членом комиссии ПКК... (выделено авторами. – Ред.)» (цит. по: 2, с. 141). Работе технической комиссии препятствовали различные делегации, которые постоянно приезжали на раскопки. Сюда возили пленных союзников СССР – англичан, американцев, канадцев, которые остались на немецких фотографиях. Однако самую большую известность получила деятельность международной комиссии, состоявшей из представителей судебной медицины европейских высших учебных медицинских учреждений. Итогом их работы стал «Протокол международной комиссии врачей». Гитлеровская «международная комиссия» «допросила лично некоторых русских свидетелей», познакомилась с уже полученными результатами и осмотрела ве-

щественные доказательства, предложенные немцами (2, с. 143). Они провели вскрытие ряда трупов, после чего профессор Орсос из Будапештского университета заявил, что доставшееся ему тело пробыло в земле более трех лет. Есть сведения, что эксперты не хотели подписывать протокол, в котором указывалось на причастность к расстрелам советской стороны. Однако протокол был все-таки подписан на «отдаленном аэродроме “Бяла Подляска”, где зачем-то опустился перевозивший комиссию самолет, в присутствии военных и полицейских» (2, с. 144).

Авторы пишут, что в конце войны «катаинская тема была неплохим отравляющим веществом в арсенале психологической и идеологической войны, однако существовало препятствие – Нюрнбергский процесс» (2, с. 420). Геббельсовскую провокацию необходимо было разоблачить в Нюрнберге. Однако в приговор нацистам катынское преступление не вошло, что впоследствии пытались использовать сторонники «версии Геббельса». Почему трибунал не признал вину немцев? Е. Прудникова и И. Чигирин указывают на то, что в хронологии событий есть «черная дыра» протяженностью в два месяца, и никто не знает, что в это время происходило в Козьих Горах (2, с. 427).

В «версии Геббельса» отсутствуют мотив убийства и возможность его совершить. Если же предположить, что поляков расстреляли немцы, то здесь все вписывается в гитлеровские методы работы с «неполноценным» населением и способы соблюдения секретности. В начале июля немцы захватили в Смоленске лагеря, где содержались польские военнопленные. Гитлеровцы боялись открыто нарушать Женевскую конвенцию, но поляки были советскими пленными, а не немецкими. На хорошо обустроенной даче НКВД в Козьих Горах работала специальная нацистская команда, которая уехала, произведя расстрелы. А тех, кого допрашивали в Нюрнберге, данная операция не касалась, «знать о ней им было не положено» (2, с. 432).

В конце книги авторы приходят к выводу о том, что поляки добивались от российской прокуратуры, а точнее – от прокурора Анатолия Яблокова, конкретных заявлений. А точнее, они хотели подвести катынское дело под нюрнбергские статьи и добавить к ним геноцид польских граждан. Более того, польская сторона, используя катынское дело, пыталась связать нюрнбергские обвинения в преступлении против человечества и мира с пактом Молотова–Риббентропа и событиями 17 сентября 1939 г. И добивалась признания вины СССР на международном уровне. Только с каты-

строфой под Смоленском, в которой погибли президент Польши и другие высокопоставленные лица страны, поляки временно переключились на обсуждение этой катастрофы. У авторов не возникает сомнений в том, кто виноват в катынском преступлении. «Достаточно бегло полистать материалы комиссии Бурденко, — пишут они, — чтобы увидеть множество подтверждений тому, что когда в Козьих Горах расстреливали поляков, на даче НКВД жили немецкие офицеры» (2, с. 573).

В книге московского исследователя В.Н. Шведа «Тайна Катыни» (3) в восьми разделах раскрываются предпосылки, суть и последствия катынского преступления. В предисловии автор отмечает, что игнорирование даже одного малозначительного, на первый взгляд, факта может привести к неверно выстроенной исторической концепции. Так, «официальные исследователи “Катынского дела”, строя свою версию событий на основе документов Политбюро ЦК ВКП(б), не удосужились исследовать специфику принятия решений на Политбюро при Сталине» (3, с. 7).

В.Н. Швед обнаружил в одном из списков жертв Катыни «лишних» поляков. Он пишет, что существенный удар по немецкой и польской версиям катынского преступления наносит наличие в немецком эксгумационном списке 1943 г. так называемых «посторонних», т.е. тех поляков, которые не числятся в списках Козельского лагеря. «Польские эксперты всегда настаивали, — добавляет автор, — что в Катыни (Козьих Горах) расстреливались только офицеры и исключительно из Козельского лагеря» (3, с. 69). Однако в катынских могилах были также обнаружены трупы поляков из Старобельского и Осташковского лагерей. Они **«могли попасть из Харькова и Калинина в Смоленскую область только в одном случае — если их в 1940 г. перевезли из лагеря особого назначения под Смоленск. И расстрелять их могли только немцы!»** (выделено автором. — *Реф.*)» (там же). Так, например, польская сторона замалчивает тот факт, что эксгумированные в мае 1943 г. в Козьих Горах офицеры Станислав Шкута и Хенрик Ярош никогда не содержались в Козельском лагере и не направлялись весной 1940 г. **«в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области»** (выделено автором. — *Реф.*)» (3, с. 70). Более того, трупы, которые эксгумировала комиссия Бурденко, были в солдатской и офицерской формах, а также в гражданской одежде. В связи с этим В.Н. Швед ставит закономерный вопрос: **«что за польские солдаты и лица в гражданской одежде оказались в катынских могилах, если в Козельском лагере содержались**

только офицеры, абсолютное большинство которых было одето в офицерскую форму (выделено автором. – *Реф.*)» (3, с. 73).

Швед пишет также о записке Л. Берии № 794/Б от «...» марта 1940 г. «Товаришу Сталину. О рассмотрении в особом порядке дел на военнопленных» с предложением расстрелять 25 700 военнопленных и арестованных поляков. В содержании этой записки автор отмечает ряд ошибок. Так, например, в ее пояснительной части указывается, что в лагерях НКВД содержится 14 736 военнопленных, а в тюрьмах – 10 685 арестованных поляков, а в резолютивной части расстрелять предлагается 14 700 военнопленных и 11 000 арестованных поляков. Сталин читал записку Берии, о чем свидетельствуют его роспись на первом листе и сделанное им исправление – на четвертом. Мог ли Stalin не придать значения несоответствиям в цифрах? Как пишет В.Н. Швед, «весьма вероятно, что два средних листа “записки Берии № 794/Б”, с целью искажения истинного содержания всей записи были позже заменены (выделено автором. – *Реф.*)» (3, с. 159).

В.Н. Швед ставит также следующий вопрос: «документы, полностью раскрывающие характер акции в отношении пленных поляков (решение Политбюро, записки Берии и Шелепина), сохранили, а вот акт об уничтожении учетных дел якобы **«в целях сохранения секретности»** (выделено автором. – *Реф.*) не составили?» (3, с. 193). Он полагает, что в вопросах об уничтожении сверхсекретных документов подход был разумным, все документы скрупулезно актировались и не могли быть уничтожены. Швед приводит слова бывшего руководителя Особого архива А. Прокопенко о том, что «лучшая тактика скрытия секретных документов, это заявить, что они сгорели или их украли» (3, с. 194). Известно также, что Н. Хрущев весной 1959 г. не давал согласия на уничтожение учетных дел расстрелянных польских военнопленных, **«заявив, пусть все остается как есть»** (выделено автором. – *Реф.*)» (цит. по: 3, с. 194). Шведом делается упор на то, что решение катынского вопроса осложняется «упрощенно обывательскими аспектами восприятия катынской проблемы польскими политиками, историками и общественностью» (3, с. 204). В качестве примера он приводит заявление бывшего руководителя следственного направления Института национальной памяти В. Кулеши, которое он сделал в связи с отказом Главной военной прокуратуры России в иске о признании жертв Катыни «жертвами сталинских репрессий». По его словам, пометка Сталина на решении Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 марта 1940 г. якобы гласила: «**«Рассмотрение дел про-**

вести особым порядком, без вызова арестованных и без предъявления обвинений, без формулирования обвинительных заключений и закрытия дел (выделено автором. – *Реф.*)» (цит. по: 3, с. 205). Швед пишет, что обывательское желание Кулеши «еще раз подчеркнуть бесчеловечную сущность тирана толкнула его на явную фальсификацию исторического события» (там же). На деле Сталин внес в проект решения Политбюро лишь одну поправку – зачеркнул фамилию «Берия» и написал «Кобулов». А приведенная выше спорная фраза «*Рассмотрение дел...*» вошла в решение слово в слово из известной записки Л. Берии (там же). «Польские профессора от истории также весьма своеобразно читают исторические документы», – пишет В.Н. Швед (3, с. 207). Он публикует утверждение польского профессора-историка Ч. Майданчика, в котором последний пишет, что 2 ноября 1940 г. Берия предложил Сталину сформировать польскую дивизию под командованием З. Берлинга. Но это утверждение является домыслом Майданчика, так как из оригинала письма видно, что идея о создании польской воинской части принадлежала Сталину. Поэтому Швед и пишет о том, что, знакомясь с оценками и высказываниями поляков, «поражаешься их легковерности в оценке исторических событий». Более того, как справедливо отмечает исследователь, «подобный подход существенно усложняет общение и дискуссии с польскими историками и публицистами» (там же).

В приложениях к книге опубликованы такие официальные документы, как оперативные сводки частей 20-й дивизии войск НКВД, показания свидетелей по катынскому делу, материалы Закрытого пакета № 1, в том числе известная записка Л. Берии, и т.п.

O.B. Бабенко

О.В. Бабенко

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1941–1945 гг. (Аналитический обзор)

Проблемы советско-польских отношений 1941–1945 гг. важны как для понимания значения польского фактора в годы Второй мировой войны, так и для выяснения спорных вопросов и «белых пятен» в отношениях СССР и Польши. Большое внимание указанным вопросам уделяют польские историки. Российские историки тоже не обходят их в своих трудах, отмечая их актуальность в наши дни.

После нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. наметилось улучшение советско-польских отношений. Премьер-министр польского эмигрантского правительства В. Сикорский, опираясь на поддержку Великобритании, добился согласия своего правительства и большинства политических сил на взаимодействие с Советским Союзом до окончания войны. В результате 30 июля 1941 г. был заключен советско-польский договор, предусматривавший восстановление дипломатических отношений, амнистию осужденным в СССР полякам, аннулирование договоров с Герmaniей, касавшихся территориальных перемен в Польше, создание в СССР польской армии, которая подчинялась бы советскому командованию. Правда, не был решен вопрос о будущей советско-польской границе. Взгляды сторон на пограничную линию расходились, поэтому решение данного вопроса было отложено на неопределенный срок.

В то же время В. Сикорский полагал, что «способствовать установлению добрососедских отношений с Советским Союзом» могла только польско-чехословацкая конфедерация (10, с. 142). Кремль же считал идею такой конфедерации «инструментом политической игры британского правительства, составляющей которой должно быть усиление позиции Польши, но за счет СССР» (там же, с. 151–152).

3 декабря 1941 г. Сикорский был принят Сталиным. Беседа двух лидеров сконцентрировалась на инициативе Сикорского обсудить положение поляков в СССР и вывод Польской армии. В СССР действительно была сформирована Польская армия. В ее составе оказались в основном бывшие военнослужащие. Но в боевых действиях на советско-германском фронте она не принимала участия. Польский руководитель согласился оставить армию в Советском Союзе, получив согласие Кремля на вывод из СССР 25 тыс. солдат, моряков и летчиков для пополнения польских частей в Великобритании (по военному соглашению от 14 августа 1941 г.). Советская сторона согласилась на дальнейшее расширение польской армии до 96 тыс. человек и предоставление на ее нужды беспроцентного займа в 300 млн руб. Stalin говорил также о возможности изменения линии общей границы и возвращении Львова Польше (2, с. 321).

Во время визита В. Сикорского в Москву была достигнута договоренность о сотрудничестве СССР с польской разведкой СВБ (с февраля 1942 г. – Армия Крайова, или АК) в глубоком тылу гитлеровских войск. Для передачи разведданных была организована радиосвязь между Москвой и Варшавой. По границе 1939 г. устанавливалась разграничительная линия действий партизанских отрядов, было дано обещание оказать содействие командованию Польской армии в налаживании связи с Польшей. В то же время Сикорский старался минимизировать контакты советской стороны с польским подпольем. Высадки советских парашютистов в тылу немецких войск на территории Польши расценивались «как нарушение советско-польских соглашений и суверенности польского правительства» (2, с. 323).

В 1942 г. по настоянию поляков и Великобритании польская армия была эвакуирована на Ближний Восток. Вывод польской армии из СССР в критический момент, когда немцы приблизились к Сталинграду и Кавказу, привел к резкому ухудшению советско-польских отношений. Он «не только снял с повестки дня боевое сотрудничество двух стран, – пишет В.С. Парсаданова, – но и повлек за собой изменение политики советского руководства в отношении польского населения» (2, с. 352). Были ликвидированы структуры и организации, созданные посольством для помощи полякам, обострились разногласия по вопросам гражданства, судеб детей-сирот, выезда из СССР военнослужащих и членов их семей. Польское правительство в Лондоне настаивало на дальнейшем призывае в польскую армию 49 тыс. человек и вызове рекрутов на Ближ-

ний Восток, что вызвало протест советских властей. Службы НКВД вернулись к поиску шпионов среди поляков и польских евреев.

В апреле 1943 г. немцы оповестили весь мир об обнаружении в Катыни захоронений расстрелянных НКВД польских офицеров. Но советское руководство приписало его гитлеровцам. После этого правительство В. Сикорского и власти Третьего рейха обратились в Международный Красный Крест с просьбой о расследовании. Москва же воспользовалась ситуацией, чтобы назвать это оскорблением и разорвать дипломатические отношения с правительством Сикорского¹.

Катынское дело было фактически начато еще раньше, когда летом 1942 г. под Смоленском местная полька указала на катынские могилы полякам из организации Тодта, приехавшим туда на строительные работы. Они сделали первую фотографию места массового захоронения польских военнопленных. По данным д-ра Я. Куртыка, в 1940 г. в Катыни, Калинине и Харькове погибли почти 22 тыс. польских офицеров и полицейских. Для обозначения этих мест часто используется общее название «Катынь». Куртык пишет, что в 1939–1941 гг. советские власти арестовали свыше 100 тыс. поляков, а более 300 тыс. были депортированы на Восток (т.е. в Среднюю Азию. – О.Б.) (12, с. 5).

Когда в войне наметился перелом в пользу антигитлеровской коалиции и стало реальным освобождение Польши, с СССР начали сотрудничать польские левые силы. Это были Союз польских патриотов, образованный в СССР в 1943 г., и созданные под его началом воинские формирования, Польская рабочая партия (ППР) в Польше и образованные по ее инициативе подпольный парламент (делегатура) и орган власти Крайова Рада Народова (КРН), а также Армия людова. Левые силы уступали по степени влияния лондонскому лагерю, но в их пользу действовали неоспоримые и весомые факторы – освобождение Польши Красной армией, а также готовность западных союзников СССР предоставить ему свободу действий в послевоенном устройстве Польши.

В январе 1944 г. Красная армия вступила на польские кресы, и первой на ее пути была Волынь. Польский историк Д. Рогут отмечает, что в то время на указанной территории действовали части 27-й Волынской дивизии Армии крайовой (АК) под командованием майора Яна Войцеха Киверского. Он «наладил военное сотрудни-

¹ Дипломатические отношения с польским правительством в эмиграции были прерваны Москвой 25 апреля 1943 г. – Прим. авт.

чество с Красной армией и проводил переговоры о постоянном взаимодействии АК и Красной армии» (8, с. 79). Но вскоре части АК были расформированы советской стороной. В Виленском регионе сотрудничество с Красной армией было также формальным. Уже 17–20 июля были разоружены представители виленской комендатуры и более 4000 солдат Армии крайовой. Аресты и облавы проводились сотрудниками НКВД / КГБ, а ответственным за эти операции был назначен заместитель наркома внутренних дел генерал И. Серов. Репрессий не избежали также польские разведчики в Люблинском регионе, белостокские и варшавские отделения Армии крайовой. Другими словами, Д. Рогут возлагает всю вину за срыв сотрудничества двух армий на советскую сторону.

Польское эмигрантское правительство пыталось воздействовать дипломатическим путем на западные державы с тем, чтобы они помогли остановить репрессии. Премьер-министр Великобритании У. Черчиль пообещал польскому премьер-министру С. Миколайчику¹ решить эту проблему. Однако действия польского правительства не привели к изменению ситуации, а репрессированные поляки были отправлены в тюрьмы и лагеря. Значительную часть арестованных в то время военных и разведчиков вывезли в лагерь № 42 г. Осташкова. В этом лагере уже побывали польские военно-пленные, захваченные после событий 17 сентября 1939 г. Почти все они были расстреляны в апреле–мае 1940 г. на территории тюрьмы НКВД в г. Калинине (8, с. 83).

Дискуссионным в современной историографии остается и вопрос о характере и последствиях боевых действий за освобождение Польши. В июле 1944 г. в ходе операции «Багратион» Красная армия и взаимодействующие с ней части Польской армии вышли на государственную границу Польши 1941 г. С мая по июль 1944 г. в Москве проходили переговоры между делегацией КРН, Союзом польских патриотов и советским руководством. По итогам переговоров 21 июля был создан Польский комитет национального освобождения (ПКНО), представлявший собой правительство левых сил. В тот же день КРН издала декрет о слиянии Польской армии и Армии людовой в единое Войско Польское, и левое правительство получило собственные вооруженные силы. К моменту освобождения страны оно имело также собственные органы государственной власти и мощного союзника в лице СССР. Польский историк из

¹ Первый премьер-министр лондонского правительства В. Сикорский погиб в авиакатастрофе 4 июля 1943 г. – Прим. авт.

Высшей гуманитарной школы им. А. Гейштора Я.М. Чехановский пишет, что «положение лондонского лагеря становилось безнадежным, приближалась конфронтация с русскими, а также польскими коммунистами» (5, с. 167). По его мнению, только своевременный выезд Миколайчика в Москву и польско-советские переговоры «могли спасти Польшу от трагедии Варшавского восстания, разоружения АК, арестов, депортаций и более поздних братоубийственной борьбы и поспешной сталинизации» (там же).

22 июля 1944 г. ПКНО огласил по московскому радио манифест к польскому народу. Правительство в эмиграции было объявлено незаконной властью. Демократические силы брали на себя ответственность за судьбы страны, восстановили конституцию 1921 г., признали право украинцев и белорусов самостоятельно решать вопрос о государственной принадлежности. Выдвигалось требование возвращения исконно польских земель, захваченных в предшествующие века немцами. Уже 24 июля польское правительство в эмиграции «выразило протест против создания ПКНО и попросило британское правительство совершил подобную акцию в Москве, а также заявить, что Лондон по-прежнему признает и поддерживает правительство Миколайчика» (5, с. 169).

Лондонский центр власти не терял надежду переломить ситуацию в свою пользу. Правда, его план «Буря», с помощью которого эмигрантское правительство пыталось заставить СССР признать свои притязания на бывшие восточные земли Польши, потерпел провал. Руководители АК говорили также, что целью «Бури» является «подчеркивание нашего желания бить немцев, даже в случае невыгодного для нас соотношения сил...» (5, с. 214). Согласно этому плану, подразделениям Армии Крайовой необходимо было «занимать польские города при приближении к ним Красной армии, выбив оттуда немецкие гарнизоны, и постараться восстановить власть польского правительства в изгнании» (3, с. 327). Как отмечает российский историк Б.В. Соколов, «бойцы и командиры АК считали Вильно и Львов польскими городами и надеялись, что при установлении послевоенных границ они останутся в составе Польши» (там же, с. 325). Но эти действия рассматривались советской стороной как незаконные. Бойцам Армии Крайовой предлагалось вступить в ряды Польской армии, а в случае отказа их интернировали. По мнению Соколова, программа руководства АК выглядела утопией – «раз Stalin решил ликвидировать Армию Крайову (а доказательств этому к концу июля уже было множество), то противостоять Красной армии она, безусловно, не могла» (3, с. 328).

В конце июля 1944 г. германской армии удалось стабилизировать ситуацию на польских землях, отбросив советские войска от Варшавы. Но Москва и не планировала концентрировать свое внимание на польском направлении, поскольку на август было намечено наступление на Балканах. Воспользовавшись отсутствием в Польше советских войск, командование Армии Крайовой с ведома лондонского правительства и делегатуры решило начать восстание в Варшаве. Цель восстания – показать, что Варшава была освобождена самими поляками и там находится польское правительство. Считалось, что это «усилит в глазах мирового общественного мнения права и притязания лондонского правительства на... получение власти в Польше» (5, с. 309). Как справедливо отмечает Я.М. Чехановский, Армия Крайова «путем овладения Варшавой должна была подготовить почву для решающего, последнего розыгрыша со Сталиным, который определил бы, кто будет управлять послевоенной Польшей – лондонский лагерь или ППР и ее сторонники» (там же).

Перспективы восстания обсуждались командованием АК с середины июля 1944 г. В Главном штабе, как пишет д-р ист. наук В.С. Парсаданова, единодушия не было. Взвешивались «за» и «против» самого решения, выяснялись сроки начала восстания, его масштабы – поднимать восстание в Варшаве или по всей стране? (2, с. 399).

Решение о начале восстания было принято руководством АК, исходя из двух предположений: «во-первых, русские скоро войдут в Варшаву, во-вторых, немцы уже не смогут долго сдерживать советское наступление в центральной Польше» (5, с. 310). О последнем говорили поражения Германии на востоке Европы, успехи англосаксонских держав в Нормандии и покушение на Гитлера, что в целом, по мнению поляков, должно было привести «к быстрому упадку Рейха» (там же, с. 311). В.С. Парсаданова пишет, что решение принималось не столько под воздействием ложной информации о взятии Красной армией ряда городов под Варшавой, «сколько под влиянием хорошей новости о поездке Миколайчика в Москву. Оно становилось нужным для усиления позиции премьер-министра на переговорах со Сталиным» (2, с. 401). Миколайчик приехал в Москву 30 июля 1944 г. На аудиенции у Молотова вечером 31 июля 1944 г. он не сказал о восстании в Варшаве как вопросе решенном, а сообщил только, что правительство обдумывало такой план. Вторая встреча Сталина и Миколайчика состоялась 9 августа, когдастал вопрос о помочи повстанцам оружием. Ст-

лин знал подробности восстания, не изменил негативного к нему отношения и заметил, что Красная армия возьмет Варшаву. Вопрос о будущем правительстве Польши он оставил открытым (2, с. 402).

Восстание началось 1 августа 1944 г. Оно было плохо подготовлено, и немцы довольно быстро локализовали его в нескольких районах и жестоко подавили. Помощь восстанию оказывали западные союзники с авиабаз в Италии и Англии, а затем и советские самолеты. Однако помочь эта не была своевременной. Б.В. Соколов пишет, что только «через полтора месяца после начала восстания Сталин разрешил сбрасывать грузы с советских самолетов» (3, с. 374).

10 сентября началось повторное наступление советских и польских войск на варшавском направлении, однако попытки форсировать Вислу не удались. 2 октября 1944 г. командование Армии Крайовой подписало акт о капитуляции, добившись от немцев согласия считать повстанцев солдатами регулярной армии. У последних было два дня – 4 и 5 ноября – на то, чтобы сложить оружие и явиться на пункты сбора. С этого момента они приобретали статус военнопленных и пользовались соответствующими правами согласно Женевской конвенции от 27 июля 1929 г.

Численность польских военнопленных, попавших в руки немцев, до сих пор вызывает споры. В первых польских публикациях по данной проблематике приводятся следующие числа: 15 378, 16 668 или 16 866 солдат. В новейших исследованиях, основанных на немецких материалах, значится 17 443 человек. Завышенными польский историк, канд. ист. наук П. Станек считает данные, равные 18 050, 22 000 и 25 000 солдат (11, с. 51–52).

Как пишет Я.М. Чехановский, «отсутствие польско-российского военного сотрудничества, а также то, что руководство АК совершенно не считалось в период принятия решения (о восстании. – *O.B.*) с возможностью поражения, сделали восстание не знающей примеров национальной трагедией, которую ничто не в состоянии оправдать» (5, с. 480–481). В.С. Парсаданова отмечает, что восставшие «продержались 63 дня, хотя командование АК задумывало краткосрочную операцию (1–3 дня) по изгнанию гитлеровцев, призванную показать, что, сражаясь против немцев, Варшава сражается и против большевиков и не допустит их вмешательства в судьбу страны» (2, с. 409).

В современной историографии продолжается дискуссия о том, имело ли смысл начинать восстание в таких неблагоприятных условиях. Б.В. Соколов пишет не об условиях, в которых АК пришлось начать восстание, а о причинах неудач повстанцев, которые

он сводит к тому, что поляки были «плохо обучены форсированию рек и боям в городских условиях...» (3, с. 384).

В ходе нового наступления Красной армии, начавшегося в январе 1945 г., освобождается вся территория Польши, а «в результате успешного развития Варшавско-Познанской операции становится досягаемым Берлин» (1, с. 429). Потери советской стороны составили более 600 тыс. человек. Бойцы Войска Польского тоже участвовали в освобождении территории своей страны. На освобожденных от гитлеровских оккупантов землях появлялись просо-советские органы власти, которые к тому же контролировались советской стороной. В административные органы, милицию, органы безопасности входили представители ЦК ППР, активисты рабочих партий, профсоюзов, различных ведомств, молодежных организаций, специалисты в сфере экономики и культуры, которые ранее не участвовали в управлении страной. «Навязанная полякам формула безопасности, хоть и оказалась эффективной, на деле означала ограниченный суверенитет, отсутствие демократии, несвободное цивилизационное развитие страны», – отмечает Я. Киверская (7, с. 258).

Когда Москва признала подконтрольное ей Временное правительство Польши, У. Черчилль предложил созвать конференцию великих держав, связанных с завершением войны. Местом встречи избрали г. Ялту. На конференции, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 г., советская делегация отстаивала линию, по которой должна была проходить польско-германская граница. Существенной проблемой оказался также вопрос о власти в Польше. В то же время союзники не раз в годы войны высказывались за признание в качестве советско-польской границы «линии Керзона». Поэтому по данному вопросу дискуссий не возникло. Это означало, что восточные земли довоенного Польского государства, «включая центры польской общественно-политической и культурной жизни – Львов и Вильно, останутся советской стороне» (2, с. 426). Что же касается постановления о западной границе Польши, то его принятие было отложено до следующей встречи. Упорно дебатировался состав правительства Польши. Великобритания хотела, чтобы большинство мест в нем заняли представители польской эмиграции во главе с Миколайчиком. Так Черчилль «рассчитывал продвинуться к возращению Польши в сферу английского влияния» (там же). Рузвельт же, понимая, что после вывода армии Андерса и «катынского дела» Сталин не допустит реанимации эмигрантского правительства, считал необходимым «помочь полякам в создании временного правительства до тех пор, пока для них не окажется возмож-

ным провести свободные выборы в стране» (2, с. 426). Он предложил Сталину вызвать двух человек из Варшавы (Берута и Осубка-Моравского) и двух-трех представителей общественных сил другого лагеря из Польши (назывались имена архиепископа А. Сапеги, политиков С. Жулавского и В. Витоса, лондонских представителей С. Миколайчика, С. Грабского и Т. Ромера). В их присутствии он предлагал решить вопрос о новом польском правительстве, которое и проведет свободные выборы. Однако союзники так и не договорились о составе нового правительства, поэтому возникло итоговое решение о реорганизации кабинета Э. Осубка-Моравского «на более широкой демократической базе», которое устраивало Москву (2, с. 427).

Известный польский историк, профессор Варшавского университета Е. Хольцер задается вопросом о том, выиграла ли Польша Вторую мировую войну или проиграла, и отвечает, что однозначного ответа на него историки не дают (6, с. 168). Политики же дали бы ответ «в соответствии с современной политической атмосферой» (там же).

Анализ современной историографии советско-польских отношений 1939–1945 гг. позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, для новой литературы характерен плюрализм мнений, не допускавшийся в период существования социалистического лагеря. Современной польской историографии особенно свойственна негативная оценка вклада Советского Союза в освобождение Польши, который представляется как «насильственная советизация» последней и попытка сделать Варшаву зависимой от Москвы. Во-вторых, многие события советско-польских отношений стали рассматриваться более подробно и разносторонне, благодаря отсутствию цензуры и введению в научный оборот новых источников. Отдельные проблемы имеют сложную судьбу. Так, например, изучение катынского дела до сих пор не завершено окончательно, что делает невозможным создание исследований, охватывающих все грани данной проблемы.

Список литературы

1. Дайнес В.О. Жуков. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 553 с.
2. Польша в XX веке. Очерки политической истории. – М.: Индрик, 2012. – 952 с.
3. Соколов Б.В. Рокоссовский. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 525 с.

4. *Basak A.* Problem ludobójstwa «kulturalnego» a spór polsko-rosyjski o kwalifikację prawną zbrodni katyńskiej // Śląski kwart. hist. «Sobótka». – Wrocław, 2009. – R. 64, N 2–3. – S. 429–434.
5. *Ciechanowski J.M.* Powstanie Warszawskie: Zarys podłoża politycznego i dyplomatycznego. – Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna im. Gieysztora, 2004. – 718 s.
6. *Holzer J.* Polska 1945. Wojna wygrana czy przegrana? // Od wojny do wolności. Wybuch i konsekwencje II wojny światowej 1939–1989. – Gdańsk; W-wa: Wydawn. nauk Scholar, 2010. – S. 40–58.
7. *Kiwerska J.* W sercu Europy. Kwestie bezpieczeństwa // Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku. – Poznań: Inst. Historii UAM, 2002. – S. 249–273.
8. *Rogut D.* Z dziejów Polaków internowanych w Związku Sowieckim: obóz nr 41 w Ostaszkowie // Dzieje najnowsze. – W-wa, 2001. – R. 33, N 1. – S. 79–98.
9. *Satora K.* Podziemne zbrojennie polskie, 1939–1944. – W-wa: Inst. Studiów Polit. PAN, 2002. – 407 s.
10. *Sielezin J.R.* Idea federacji polsko-czechosłowackiej jako element gry politycznej w latach 1939–1943 // Europa Środkowo-Wschodnia w polskiej myśli politycznej. – Wrocław, 2004. – S. 137–158.
11. *Stanek P.* Niewola powstańców warszawskich, (1944–1945) // Dzieje najnowsze. – W-wa, 2012. – R. 44, N 2. – S. 51–68.
12. Zagłada polskich elit. Akcja AB – Katyń. – W-wa: Inst. pamięci narod., 2006. – 88 s.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1919–1945 гг.

Сборник обзоров и рефератов

Оформление обложки И.А. Михеев
Технический редактор Л.А. Можаева
Компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор И.Б. Пугачева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 18/VII – 2014 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 9,75 Уч.-изд. л. 8,5
Тираж 300 экз. Заказ № 73

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (499) 120-45-14
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

